

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

АЛЕКСАНДР

БУШКОВ

ЧУДОВИЩА В ЯНТАРЕ
ДЫХАНИЕ МОРОЗА

ЧУДОВИЩА
В ЯНТАРЕ

ДЫХАНИЕ МОРОЗА

В занимательности Александру Бушкову не откажешь.
Книжное обозрение

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе
Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.
Радио «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда
не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает
провинциальной самоуверенностью, здравомыслием
и крепкой психикой советского офицера.

Сварог тут не исключение.

Книжная витрина

«Сварог» вывел Александра Бушкова
в число фантастов первой лиги.

FANтастика

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной
классикой в то время, когда понятия
«русское фэнтези» еще и не существовало.

Мир фантастики

СВАРОГ – фантастический боевик

Рыцарь из ниоткуда
Летающие острова
Нечаянный король
Железные паруса
По ту сторону льда
Чертова мельница
Слепые солдаты
Из ниоткуда в никуда
Король и его королева
Вертикальная вода
Алый, как снег
Над самой клеткой льва
Радиант
Чудовища в янтаре. Дыхание мороза

Чужие берега
Чужие паруса
Чужие зеркала

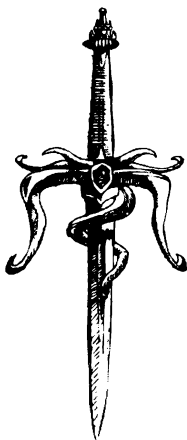

Пленник Короны
Враг Короны
Спаситель Короны

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

Чудовища в янтаре. Дыхание мороза

Роман

МОСКВА

ОЛМА

ТОРГОВЫЙ ДОМ «АБРИС»

2019

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б90

Серия «Сварог — фантастический боевик» основана в 2010 году.

Исключительное право публикации книги
принадлежит ООО «Торговый дом «Абрис».
Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону.

Главный художник Т. В. Евсеева

Печатается с сохранением особенностей авторского стиля,
орфографии и пунктуации

Бушков А. А.

Б90 Чудовища в янтаре. Дыхание мороза: Роман / Александр Бушков. — М. : Абрис, 2019. — 334, [2] с. — (Сварог — фантастический боевик). — ISBN 978-5-00111-521-2.

Сколько ни искали Крепость Королей, так и не нашли... Можно было бы уже допустить, что таковой попросту не существует. Но не сомневался Сварог: существует и смертельную угрозу являет собой исключительно для Талара. Просыпаются чудовища в янтаре. На планету вечного лета опускается белоснежная тайна.

Ровными алыми буквами в пол-локтя проступает знак Гремилька-ра, старый, прежний, забытый...

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00111-521-2

© Бушков А. А., 2018
© Торговый дом «Абрис», 2019
© Художественное оформление.
Торговый дом «Абрис», 2019
Все права защищены

*Вьюга бродит, как слепая,
Сводит улицы с ума,
Все на свете засыпая:
Что поделаешь — зима...
Дмитрий Кимельфельд*

*Вот и ушло тепло на юг,
Много ль нам его досталось?
Было тепло и вдруг
Стало бело вокруг.
Что же теперь, мой друг, осталось?*

Валерий Боков

Глава I

ТОНКОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ И КОЕ-ЧТО ЕЩЕ

Э то было второе межпланетное путешествие Сварога — после Нериады. Как и первое, оно оказалось столь же скучным, как поездка на пригородной электричке. Пожалуй, даже еще скучнее: по крайней мере, когда трясешься в электричке, за окнами присутствуют пейзажи и ландшафты, всегда может попасться что-то новое. А когда летишь что на Нериаду, что на Сильвану, как сейчас, вокруг только чернота космоса, усыпанная множеством звезд. И совершенно не чувствуется, в отличие от электрички, движения, полета, кажется, будто висишь посреди усеянного сверкающими точками мрака — не самое приятное ощущение, если подумать.

Что остается? Не так уж много: курить, слушать музыку и лениво размышлять о том о сем...

Поверхностно анализируя, какое-то странное отношение у него было к космическим полетам. Первое время,

когда он только-только попал сюда, не имел ни перед кем никаких обязанностей и нигде не служил, размышлял в точности так, как на его месте любой советский человек из тех, кто в детстве страстно мечтал полететь в космос, но, повзрослев, понял, что не имеет ни малейшего шанса попасть в отряд космонавтов — как мальчишка, в детстве и юности одолевший массу фантастики (да и в зрелые годы при возможности уделявший ей время). При первой возможности следовало взять межпланетный брагант, слетать на Сильвану, на Селену, облететь Семел и Тарганальт (как именовался здесь Сатурн, обладавший в точности такими же кольцами). Благо не существовало никаких запретов на такие путешествия.

Он пару раз собирался, да так и не собрался. А потом обрушился (точнее, его о б р у ш и л и) с ялом в Хелльстад, закрутились известные события, и как-то так получилось, что мысли о полетах в космос отодвинулись куда-то на задний план. А там и пропали вовсе — он согласился на предложение Гаудина отправиться в Равену, совсем скоро после возвращения с земли началась Дорога Королей и все сопутствующее, о космосе как-то уже не думалось вообще. Полет на Нериаду — чистейшей воды служебная командировка. Полет нынешний, правда, — совершенно другое дело, но это ничего не меняет...

О чем еще можно было думать — с некоторой ленцой? Ну, поскольку он летел именно что на Сильвану, можно не в первый раз подумать о странной, до сих пор не разгаданной загадке — непонятном и необъяснимом о т ч у ж д е н и и, с незапамятных пор и до недавних времен существовавшем меж двумя планетами.

Никогда не было запрета земным жителям одной планеты посещать другую — к какому бы сословию они ни принадлежали. Наоборот. Достаточно было подать прошение в канцелярию наместника — и согласно идущей с незапамятных времен традиции путешественнику, будь он хоть крестьянином (конечно, в счет не шли беглые преступники и беглые крепостные) быстро предостави-

ли бы межпланетный транспорт. Будь путешественник один, как перст. Не просто традиция, а изданный тысячулетия назад императорский указ «О путешествиях меж Сильваной и Таларом».

Вот только за тысячи лет ни одна живая душа из благонадежных этим дозволением не воспользовалась. Вот именно, никто из благонадежных. В первое время попытались было десятка два человек на Таларе и столько же на Сильване — вот только все они оказались как раз не благонадежными: те самые беглые преступники и беглые крепостные да черные маги и черные ведьмы. Естественно, всех их повязали и распределили по принадлежности — кого отправили за решетку, кого вернули сеньору, кто угодил в дружеские объятия учреждений вроде Багряной палаты или монашеских братств Единого.

А вот благонадежных не было ни одного, хоть ты тресни. Даже коронованные особы двух планет не наносили друг другу визиты — хотя на своих планетах частенько навещали собратьев по тронам. Ограничивались посланиями и подарками по особо торжественным случаям вроде коронации, рождения наследника, круглого юбилея восседания на престоле и тому подобного.

Мало того: в точности так же — ну, почти так — вели себя и лары обеих планет. С планеты на планету часто летали лишь по деловым командировкам — а вот частные визиты наносили крайне редко — в основном на «официальные» имперские празднества (но это, собственно, были уже не частные визиты, а одна из обязанностей). Ну, разве что сильванские лары часто охотились на Таларе, а таларские — на Сильване (главным образом на тех зверей, что на родной планете не водились). Ну, таларские лары любили отдыхать на пляжах Ракамерати (а вот сильванские отдыхом на Таларе не интересовались совершенно).

И никто не знал, отчего так происходит. Сварог поговорил с полудюжиной людей и за облаками, и на земле — в том числе с Канцлером и Анрахом. Самое интересное, все до одного на расспросы отреагировали одинаково:

сначала не на шутку удивлялись, в разных вариантах прозвучавших одну и ту же фразу: «Тьфу ты, черт, мы об этом как-то никогда и не задумывались!» На дальнейшие вопросы опять-таки все до одного с явной растерянностью пожимали плечами: ну так уж вышло... исторически сложилось... сразу и не скажешь, почему... никто не знает... Один маршал Гарайла давненько уж стремился на Сильвану — но исключительно для того, чтобы пройтись со своей кавалерией по тамошним равнинам. Однако так и не смог как раз прямо запрещаю тем самым древним императорским указом, так что мечте маршала суждено было остаться несбыточной.

А пятьдесят с лишним лет назад все столь же необъяснимо изменилось, словно повернули некий выключатель. К имперскому наместнику в Гиперборея явился с прошением реверен Гонзак — и очень быстро прилетел на Талар, где и пробыл ни много ни мало одиннадцать лет — до того, как пропасть без вести. Собственно говоря, на Сильване земные жители получили подробные сведения о земной жизни Талара как раз из его оставшейся незавершенной книги «Трижды семь писем». До этого имели хождение лишь смутные слухи, большей частью совершенно фантастические. Примерно в то же время на Сильвану отправился профессор географии Ремиденума Гильтоном Судоч, путешествовал по ней четыре года, написал объемистую (и вполне завершенную) книгу «Записки путешественника по Сильване, сделанные в меру своего ума и умения».

И что-то сдвинулось с мертвой точки. Меж двумя планетами стали летать книжники и ученые, а также особо любознательные (и любопытные) дворяне — правда, число тех и других не превышало примерно сотни в год, что на Таларе, что на Сильване. Порой у «соседей» переживали опасные для себя времена имевшие к тому веские причины персонажи вроде знаменитого капитана Бугаса и ему подобных — те, кому на родной планете стало жарковато, но в «гонимые списки» они все же не попали, а потому их выпускали во временную эмиграцию невозбранно.

За эти полсотни с лишним лет в поисках лучшей доли с Талара на Сильвану (и наоборот) переселились тысячи по три мастеровых, вольных крестьян и просто незапятнанных с точки зрения закона искателей приключений. Этим все и ограничилось. Некоторое оживление имело место, но это никак нельзя было назвать потоком межпланетных странников. А коронованные особы от прежних традиций не отступили ни разу.

Единственное исключение — всевозможные купцы. Вот они-то как раз буквально с н о в а л и меж двумя планетами в превеликом множестве, перевоза разнообразные товары, иногда в немалом количестве, а то и целые табуны и отары (на Сильване очень ценились, особенно у дворянства, ратагайские кони, а на Таларе — сильванские тонкорунные овцы). Оборотистые торговцы возили на одну планету то, чего не произрастало или не имелось в недрах земли на другой: с Сильваны на Талар — горную березу, лазурит. На Таларе китов не было, а на Сильване они водились во множестве — так что оттуда шли еще китовый ус, амбра и сама китятина, считавшаяся на Таларе дорогим деликатесом. Точно так же с Талара везли то, чего не было на Сильване: некоторые разновидности мрамора, пещерный жемчуг, рубины (своих на Сильване имелось очень мало) и всевозможные полудрагоценные камни с острова Дике. Торговля шла бойко, купцы рвались с планеты на планету, отпихивая друг друга локтями (так что венценосцы на обеих планетах, усмотрев новый и обильный источник дохода, очень быстро ввели лицензии и стали взимать пошлины). Меж Таларом и Сильваной три раза в неделю курсировали особые виманы, изготовленные в виде обычных земных кораблей — но размером примерно с «Титаник», так что на нескольких палубах размещались не только товары, но и те самые табуны и отары.

Такая вот ситуация. Никто не мог доискаться, почему тысячелетиями держалось явное отчуждение и почему оно вдруг, если можно так выразиться, сломалось. Произошло, и все тут...

И так уж вышло, что свой первый в жизни полет на Сильвану Сварог совершал отнюдь не в виде служебной командировки. Сугубо частный визит. Чтобы выяснить, как обстоят дела у Вердианы, достаточно было бы пойти на узел связи, что в девятом столе, что в восьмом департаменте (или просто связаться с санаторием, как деликатно именовалась та клиника, из своего манора). Однако он, чуть поразмыслив, решил слетать сам.

Причин тут было несколько. Он все же внял советам доктора Латрока и решил понемногу избавляться от «синдрома штурвала», пока тот и в самом деле не перерос в нечто серьезное. А случай подворачивался удобный: ни на земле, ни за облаками не происходило ровным счетом ничего, требовавшего бы вмешательства или личного присутствия короля, начальника девятого стола, директора восьмого департамента. Одни текущие дела, с которыми превосходно справлялись и без Сварога.

И еще кое-что немаловажное. По сути, он на какое-то время лишился привычного круга общения — того, что состоял из заоблачных жителей. Все из-за Нериады. Там вот уже три дня пребывала Яна (и собиралась пробыть и дольше), туда улетели и Канцлер, и профессор Марлок — осмотреться своими глазами, изучать, исследовать. Вообще туда нахлынуло сотни две ларов из самых разнообразных контор и учреждений — от Магистериума с Технионом до всех, какие только имелись, спецслужб и Канцелярии земных дел. Все трудились, как пчелки, всем было чем заняться: ученые, от психологов с психиатрами до ботаников с зоологами, накинулись на новый объект исследований, как обжора на пирог с перепелками. Спецслужбисты, люди более приземленные и рациональные, вывели на орбиты штук тридцать орбиталов-наблюдателей и старательно искали, не обнаружится ли, если можно так выразиться, филиал Радианта, от которого следует ждать одних неприятностей. Один такой отыскивали очень быстро — небольшую пещеру неподалеку от того самого завода, где изготавливали всевозможные каменные по-

делки для отправки на Талар. Небольшая пещера, урдов десять на десять. На полу — те же скелеты с теми же каменными ожерельями на костях шей, а по стенам — те же подмигивавшие разноцветными огоньками камни.

Колебаний не было. Была поначалу мысль пустить туда ученых, но по недолгом размышлении решили не рисковать. И Яна, и Канцлер, и Марлок, и Сварог, чье мнение запросили по спецсвязи. А посему из хмурого зимнего неба камнем свалился серебристый треугольник — гвардейский корвет — и шарахнул по пещере «Синим громом», оружием гораздо слабее «Белого шквала», но пещере хватило и этого, на ее месте остался неглубокий кратер с оплавленными стенками...

Личного присутствия Сварога не требовалось и там — а самому ему Нериада была совершенно неинтересна. Он даже испытывал к ней некоторое отвращение — наедине с собой можно признаться, из-за того разговора в тихом переулке с одним из посланцев Великого Мастера. Не покидало даже ощущение, будто он в чем-то серьезно виноват — хотя Латрок уверял, что эту чепуху следует выкинуть из головы, потому что все на свете имеет свою цену и те грешные души, что достанутся Великому Мастеру — не более чем неизбежная плата за все д о б р о е, что сотворят ставшие н а с т о я щ и м и людьми.

Прекрасно обойдутся без него и на Той Стороне, где начинает раскручиваться пара-тройка весьма интересных операций. Его юные сподвижники отсутствовали все до одного: большинство улетело на Нериаду, а Родрик с Шамоном ушли на Ту Сторону.

В общем, вокруг Сварога образовалась некоторая пустота — и он решил на пару дней слетать на Сильвану. Он видел снимки — санаторий, он же клиника, располагался в живописнейшем месте, на морском берегу с великолепным пляжем — а Сварог не помнил, когда и купался последний раз, хотя любил всегда и откровенно маялся из-за этого в Монголии, где заниматься этим было совершенно негде. Доктор Латрок с большим эн-

тузиазмом встретил его решение и посоветовал, раз уж выпал случай, остаться там самое малое на неделю, а лучше бы и подольше. Санаторий — заведение комфортабельное, из отдыхающих (деликатно выражаясь) — только Вердиана, так что Сварог будет чуть ли не в полном одиночестве. Можно купаться, загорать, осмотреть достопримечательности Сильваны, коих имеется немало — и, невинно глядя, добавил доктор, пройти курс легких процедур, от которых выйдет только польза. Сварог сказал, что ничего не обещает твердо, но подумает — и нисколько при этом не кривил душой. Быть может, доктор был прав — а требующих его присутствия дел все равно нет. Теплое море, пляж, сильванские достопримечательности... Охотой он никогда не увлекался так уж завзято, а вот порыбачить порой любил — а на Сильване, он слышал, есть немало мест, где рыбалка просто великолепная. Пожалуй, стоит последовать совету доктора — а там и Яну можно к себе позвать, когда н а и г р а е т с я Нериадой...

Показавшаяся прямо по курсу яркая точка, чем-то неуловимо отличавшаяся от звезд, очень быстро перестала вообще на них походить: превратилась в круглое пятнышко, в круглый диск, в бело-голубой круг. Сильвана, увитая туманно-белыми слоями облаков, словно стремительно неслась навстречу.

Глянув на вспыхнувшую надпись — рапорт о приближении к цели, — Сварог не шевельнулся, предоставив все автопилоту. На полной скорости брагант пробил облака в верхних слоях атмосферы, в какие-то секунды — и те, что повисли гораздо ниже, быстрее любого метеорита оказавшись над самой землей, бескрайним темно-зеленым ковром. Будь это на покинутой Сварогом Земле, при данной скорости спуска его вмяло бы в мягкое кресло дикими перегрузками — но с брагантом, естественно, обстояло совершенно иначе, не было даже тех ощущений, что возникают при спуске в скоростном лифте. Словно он сидел в кресле перед телевизором.

Брагант повис на высоте в двести уардов, как автопилоту и было заранее приказано. Тут были причины, не имевшие никакого отношения к желаниям Сварога, — но он и сам хотел осмотреться, как-никак, это была Земля, пусть и д р у г а я. Ворохнулись какие-то чувства, которые он не мог описать и определить.

Санаторий возвели в живописнейшем месте. Справа до горизонта простиралась необозримая чащоба, сосны и кедры. На неширокой полосе желтоватой песчаной земли расположились четыре больших здания в несколько этажей и аккуратная шеренга гораздо более маленьких — их должна быть ровно дюжина. Все выстроены в силванском стиле — но старинном, от которого здешние архитекторы и зодчие отказались лет триста назад. Слева от них — невысокий обрыв, а далее — золотистый песчаный пляж, с трех сторон замкнутый обрывом, полукольцом охвативший небольшую бухточку, с узким проливчиком, ведущим в лазурное море, слева раскинувшееся опять-таки до самого горизонта, безмятежно спокойное. Две красивых башенки по сторонам пролива, небольшой домик, причал с двухмачтовым парусником — паруса свернуты. Можно рассмотреть алый прямоугольник, на котором раскинулась человеческая фигурка — ага, Вердиана, конечно. Красный круг рядом — наверняка большой зонтик. Справа, в чащобе, синяя лента узенькой речки с перекинутым через нее вычурным горбатым мостиком, и за ним, еще дальше вправо — несколько красивых павильончиков. Судя по их расположению, к санаторию прирезана лесная чаща шириной не менее лиги — ну да, в просмотренном им описании санатория упоминается как раз о лиге. Разумеется, как ни приглядывайся, не определишь, где пролегла высокая ограда силового поля, надежно защищавшая санаторий от любого незваного гостя. Не виден и пояс хитрых датчиков, пропускавших на территорию и выпускавших беспрепятственно мирных животных, вроде белок и ежей (вовсе не замечавших благодаря сему наличия незримой, но непреодолимой

ограды), равно как и живность покрупнее, но неопасную — тех же оленей. Это медведи, кабаны и волки (и, понятно, любой посторонний гомо сапиенс) с размаху впечатывались кто лицом, кто мордой в невидимую стену.

Сварог ждал, но результатов все не было. Зеркал заднего вида на браганте не имелось, в них попросту нет нужды при наличии должной аппаратуры, да и вообще воздушные трассы ничуть не похожи на улицу с оживленным движением — а уж тем более космические. Так что Сварог попросту оглянулся — что было совершенно ни к чему, конечно, что бы он увидел? Брагант охраны висел в кильватере в пятидесяти уардах от него, и не было никаких внешних признаков работы хитромудрой аппаратуры.

Сварог досадливо поморщился. Однако ничего не поделаешь — дисциплина превыше всего. Когда он, как и полагалось имперским чиновникам его ранга и повыше, сообщил Канцлеру о предстоящем своем визите на Сильвану, тот, практически не промедлив ни секунды, дал строжайшую, деликатно выражаясь, инструкцию: лететь вооруженным и в сопровождении охраны, брагант которой снабжен аппаратурой, способной выявить на земле как оружие, так и наличие недобрых в отношении визитера намерений.

Подобные «инструкции» Канцлера полагалось выполнять безоговорочно, так что Сварог подчинился, не прекословя. И не задал ни единого вопроса — если Канцлер не дал пояснений, значит, и на прямые вопросы не ответит, случалось такое порой. И охрана, и оружие на поясе категорически противоречили обычной практике и являли собой несомненное проявление каких-то чрезвычайных мер — но поди догадайся каких. Каких именно и в честь чего введенных, догадаться с ходу решительно невозможно. Значит, Канцлер вновь знает что-то такое, о чем не считает нужным сообщать другим, пусть даже и главе двух императорских спецслужб Сварогу. И неизвестно, что там у него за хитрая аппаратура, способная засечь

с воздуха как оружие, так и, что интереснее, «наличие недобрых намерений», что может означать одно: эта аппаратура способна как-то проникать в человеческий мозг, в том числе и в сознание ларов. Один из тех козырей, что Канцлер придерживает исключительно для себя. После его укрытого в стене прибора, безошибочно определяющего, когда благородный лар говорит чистую правду, когда лжет, а когда умалчивает о чем-то, Сварог ничему более не удивлялся — попросту принял к сведению, что помянутых козырей в рукаве Канцлера еще немало — ну, на сей счет давно были подозрения. Канцлер на то и Канцлер, сам Сварог порой именно так и поступал...

Нужно признать, в подобных поступках Канцлера был свой резон. Вздумай кто-то из ларов распространить неприязнь к Сварогу настолько, чтобы пристукнуть его без затей острым железом в спину, удобнее этого уединенного местечка и не подберешь. Что-то такое Канцлер знает, но никого об этом в известность не ставит, быть может, до поры до времени, быть может, навсегда. Если вспомнить хотя бы...

Ну, наконец! Вспыхнула синяя лампочка, мигнула несколько раз и засветилась уже зеленым. Не было внизу никого, кто питал бы касаясь Сварога злодейские замыслы, и уж тем более тех, кто готов был попотчевать чем-нибудь острым в спину. Автопилот отключаем, посадка в ручном режиме отработана давным-давно...

Посадочная площадка — приличных размеров прямоугольник, вымощенный плитками здешнего мрамора, темно-синими в белых разводах, аккуратно разделенный на квадраты черным же камнем. Не менее тридцати «клеток» — столько вроде бы и ни к чему, но кто их знает, может, здесь проводят и какие-нибудь медицинские конференции, Сварог не стал себя грузить полной информацией о заведении, совершенно ни к чему. На площадке стояли всего-навсего шесть брагантов — в том числе один межпланетный. Согласно некоему инстинкту, не вразбивку, а выстроившись в уголке в короткую шеренгу.

Повинуясь тому же инстинкту, Сварог посадил брагант так, что он стал крайним в шеренге. А парой мгновение позже рядом опустился второй, и оттуда проворно метнулись четверо охранников, привычно, не спеша и не копаясь, образовали уярдах в десяти вокруг Сварога классическое «кольцо». Сейчас в этом не было никакой необходимости — но у телохранителей свои рефлексy, не позволяющие им даже в безопасном месте тащиться за охраняемым лицом кучкой, словно цыплята или гусята за мамашей.

У края площадки, прямо в траве, стоял человек в светло-голубом. Ну да, Сварог предупреждал — визит насквозь частный, никаких торжественных встреч. Молодой, да что там, молоденький парень в светло-голубом халате, где «пьяная змея», старый символ медиков, дополнена эмблемой восьмого департамента. По армейским меркам — этакий новоиспеченный кадет-лейтенант, придающий себе чертовски бравый вид, но не успевший износить и первой пары казенных сапог. Судя по тому, как он поклонился Сварогу, не антланец, а лар. Есть некоторая разница меж тем, как кланяется лару лар и о т д а е т поклон антланец, пусть и прослуживший много лет, — и эту разницу знают даже дети.

— Лорд Сварог, — произнес молодой человек без тени вопросительных ноток. — Меня предупредили, что ваш визит совершенно неофициальный и никакие служебные титулования не нужны. Ордinator, Лорд Илкес, граф Торино... — последовала короткая, чуть смущенная пауза. — Стажер. Рад вас приветствовать на Сильване.

Сварог кивнул и спросил:

— У вас ведь найдется место, чтобы устроить моих людей?

— Разумеется, — молодой человек с любопытством покосился на ближайшего охранника.

Должно быть, он прекрасно знал, что в обычное время такая охрана вовсе необязательна, но, хотя и сгорал от любопытства, никаких вопросов не задал. Все медики,

ученые, эксперты и прочие спецы, не имевшие отношения к разведке и контрразведке, тем не менее проходили краткий «курс молодого бойца», посвященный специфике службы. И в первую очередь их учили не задавать лишних вопросов начальству, если этого не требует ситуация.

Юнец так откровенно пылал любопытством, что Сварог над ним сжалился. Слегка пожал плечами:

— Ситуация... Очередной циркуляр Канцлера, «особое положение», вот и предписано...

— Понятно, — сказал юноша тем тоном, каким говорят люди, когда им решительно ничего непонятно.

— А как вы сами считаете, отчего введено не чрезвычайное, но все же особое положение? — спросил он.

Был шанс услышать нечто толковое, пусть и крохотный.

Юноша немного подумал, потом вскинул на Сварога азартный взгляд:

— Если только не произошло чего-то, о чем мне знать не полагается... Вероятнее всего, все из-за Нериады, что-то не доведено еще до конца...

Неплохо, одобрительно подумал Сварог. У него самого эта версия стояла на первом месте. Никак нельзя исключать, что связи разумных камней в Империи не ограничились Орком и принцем. Могли быть и другие. Как ни старались, среди ларов еще оставались потаенные адепты «Черной благодати» и просто недовольные, те, кому категорически не по вкусу реформы и перемены последних лет, введенные Яной и осуществленные дюжиной сановников, в первую очередь Канцлером и Сварогом. Большинство, как это было всегда и везде, так и ограничится недовольным ворчаньем за чаркой — но есть люди порешительнее, способные устроить серьезный заговор. С начала реформ раскрыты три таких группы, так и не успевшие запустить заговоры на полную катушку, но всерьез намеревавшиеся это сделать. Одна из них всего-навсего собиралась подбить изрядное число ларов на мирный горлопанский протест,

потребовав бы созвать Большую Ассамблею, этакое вече — на что имели право по одной из статей Эдикта о вольностях, нужно было только собрать нужное число голосов. Две других были настроены гораздо более жестко, там речь шла об убийстве Канцлера со Сварогом и еще нескольких человек. Одна из двух серьезно поговаривала даже о свержении Яны или по крайней мере подписании ею указа, делавшего бы ее куклой на троне. Во всех трех случаях среди заговорщиков оказались и лица высокопоставленные — если снова прибегнуть к армейским меркам, полковники с генералами. Следовало проявить пессимизм и считать, что есть и другие, до поры не разоблаченные...

— Пойдемте, лорд Сварог? — юноша коснулся браслета на левом запястье. — Ваших людей сейчас устроят. Наша гостиница, — он указал на одно из больших зданий, — практически пустует, да и отдыхающая только одна... — у него форменным образом сорвалось с языка: — Но какая...

На миг у него на лице мелькнуло примечательное выражение — смесь вдохновенности и грусти. Сварог фыркнул про себя. Ну конечно, молодая красавица юношу не оставила равнодушным — но какие бы то ни было внеслужебные отношения врачей с пациентами категорически запрещены у медиков, тем более в восьмом департаменте. Правда, не запрещено встречаться с пациенткой после прохождения ею курса лечения — так что сей выюнош, не исключено, через короткое время в Латеране объявится, на что имеет полное право... Может быть, так и надо? Молодая красавица одинока, от страха перед мужчинами ее, надо полагать, излечили полностью, так что речь идет о своего рода психотерапии, дело полезное.

Из боковой двери проворно выскочил и чуть ли не рысцей припустил в их сторону человек в зеленом халате с эмблемой восьмого департамента, но без «пьяной змеи» — ага, служитель, явно антланец, все в порядке, ребята на улице не останутся...

Сварог пошел за ординатором, как и полагается в таких случаях, державшимся на шаг впереди. И сразу понял: создатели лечебного заведения приложили все силы и таланты, чтобы оно нисколько не походило на лечебное заведение. Ничто не говорило, что здесь, вульгарно выражаясь, вправляют вывихнутые мозги. Пронизанный лучами клонящегося к закату солнца обширный вестибюль, столь же светлые широкие коридоры окрашены в уютные, приятные глазу цвета, повсюду великолепные мозаики и фрески самого мирного содержания: корабли под раздутыми парусами в спокойном лазоревом море, радуга над лесом, пасущиеся красивые лошади, пейзажи и ландшафты. И повсюду цветы, живые — на аккуратных клумбах разной формы, окруженных каменными бордюрчиками, растут даже цветущие большие кусты и невысокие деревца, сплошь местные. Невольно умиротворяет, расслабляешь душой. Положительно, провести здесь недельку можно без малейшего внутреннего протеста...

На втором этаже юноша распахнул перед ним резную дверь, сам, конечно, остался снаружи. Из-за стола встал человек уже другого полета — этакий медицинский полковник, по меньшей мере ровесник Сварога, если не старше, с располагающим к себе лицом опытного психиатра — дружелюбным, исполненным наивного простодушия.

— Рад вас приветствовать, лорд Сварог, — сказал он. — Доктор Латрок, директор санатория... Ох, простите. Меня, конечно же, предупредили, что ваш визит абсолютно частный, но я впервые в жизни с таким сталкиваюсь — когда приходится представляться вышестоящему визитеру не на служебный манер...

— Пустяки, — сказал Сварог, усаживаясь. — Не будем доводить неофициальность до абсурда. — Он усмехнулся. — К тому же... Доктор Латрок вас ведь наверняка предупредил, что мне отведена и роль пациента.

— Отдыхающего, — мягко оправил доктор. — У нас нет пациентов, только отдыхающие.

— Что пнем по сове... — сказал Сварог. — Как это должно выглядеть?

— Я кое-что проработал... Курс легкой терапии, включающий и экскурсии по примечательным местам. Вы бывали прежде на Сильване? Нет? Вот видите. Здесь есть на что посмотреть, я сам родом с Талара, но до сих пор в свободное время отправляюсь к здешним достопримечательностям и красивым местам, их здесь множество. Латрок говорил, вы планируете пробыть здесь неделю? Если есть возможность, я увеличил бы срок до двух. Вы сами понимаете, он должен был рассказать мне о ваших проблемах... легких проблемах. Вы несколько лет не отдыхали по-настоящему, а для человека на вашем месте это непозволительно и чревато...

— Попробую выкроить две, — сказал Сварог, твердо решив пока что увести беседу от формата «врач-пациент». — Мы это обговорим позже. А сейчас расскажите, как обстоят дела у герцогини.

— Смело можно сказать — прекрасно, — доктор произнес это уже совершенно другим тоном. — Вот только... Поговорим о медицинских делах или других проблемах?

— Ого! — сказал Сварог. — Что же, есть и д р у г и е проблемы, не медицинские?

— Оказалось, есть.

— Они могут подождать или требуют незамедлительных решений?

— Пожалуй, могут и подождать.

— Тогда давайте сначала о медицине.

— Ну что же... Дела обстоят прекрасно, и я ничуть не преувеличиваю. В основе своей психика у девушки здоровая, крепкая... видимо еще и оттого, что она выросла в деревне. Я не впервые сталкиваюсь с жителями земли. У сельских жителей психика изначально крепче — это горожане подвержены иным чисто городским стрессам, от которых никто не скроется... Могу вас заверить: мы убрали всю г р я з ь, что оказалась в ее сознании. Собственно, с сегодняшнего утра все процедуры прекращены за нена-

добностью. Правда, она сама говорит, что с удовольствием осталась бы еще на несколько дней — путешествия, экскурсии... Ей здесь очень нравится, на Сильване. Если она здесь останется, это не противоречит каким-то вашим планам?

— Нисколько, — сказал Сварог. — Планы у меня простые — вылечить ее полностью. А ваших планов, если она еще проживет здесь, это не нарушает?

— Никаких. Планы у нас всегда одни и те же — отпустить отдыхающего полностью излеченным и радующимся жизни. К тому же санаторий практически пуст...

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Пусть остается и улетит отсюда не раньше, чем сама захочет... Значит, она совершенно здорова?

— Да. Вот только есть одна, небольшая даже не проблема — я бы выразился, загвоздка... Позвольте говорить откровенно?

— Ну, разумеется.

— Загвоздка... — повторил доктор. — Видите ли, это обнаружилось вчера вечером, при последнем исследовании перед прекращением курса. Я буду предельно откровенным, как положено медику. Большое место в ее сознании отведено именно вам. Никак не благодарность — восторг, некое обожание и, скажем прямо, ярко выраженное желание вам отдаться — опять-таки не из благодарности. Вы для нее — что-то вроде рыцаря Рюгена. Именно так и обстоит.

Сварог досадливо поморщился — этого только не хватало. Что называется — плюс на минус. Рыцарь Рюген, надо же. Старинный герой таларского фольклора, один из главных, наподобие Шугуты-Семь-Мечей или мудреца Шаалы — а также и нескольких более поздних романов, как приключенческих детских, так и философских. Странствующий рыцарь, в отличие от Дон Кихота смотревший на жизнь более реалистично, никогда не принимавший стадо овец за скопище чудищ, а крестьянку — за прекрасную герцогиню. Странствовал по свету, рубил

в капусту вполне реальных монстров и нечисть, восставливал справедливость, насколько удавалось. Символ благородства и чести, как его еще называют, Рыцарь Серебряного Седла — потому что седло и сбруя у него были посеребрены, щедро украшены серебряными бляхами и подвесками, что помогало в борьбе с нечистью. Некоторые книжники считают, что речь идет о жившем в незапамятные времена реальном человеке — то же самое пишут о Шугуте и Шаалы. Удостоился, надо же...

Доктор продолжал:

— Разумеется, я от вас ничего не вправе требовать. В конце концов, это не обязательно, не является каким-то не переменным условием курса лечения. Но если бы вы... ну, вы понимаете. Это было бы отличным завершением курса психотерапии. Вот э т о мы лечить не возьмемся — поскольку оно не имеет ничего общего с какой-либо патологией. Вполне естественные для молодой женщины чувства. Никто и никогда не брался э т о лечить, и вряд ли когда-нибудь возьмется... — он едва заметно улыбнулся. — Лорд Сварог, мы взрослые люди, мужчины. Она ведь вам нравится?

— Нравится, — сказал Сварог, глядя в сторону. — Помоему, она нравится любому нормальному мужику...

— Безусловно. Скажу честно, и мне. А бедняга Илкес по юношеской пылкости совершенно потерял голову — хотя врачебную этику соблюдает свято. Позвольте быть предельно откровенным, лорд Сварог? Девушка очаровательна, а вы, насколько мне известно, никогда не вели монашеского образа жизни. К тому же, что немало важно, речь идет не об обычной интрижке с очередной доступной придворной красоткой, а о психотерапии, пусть не необходимой, но крайне полезной в данных условиях...

— Убедили, — сказал Сварог. Ему было чуточку неловко, и он постарался перевести разговор на другие рельсы. — Коли уж медицина требует... Кстати, у вас есть еще что-то чисто медицинского плана?

— Да нет, пожалуй, это все. Хотите перейти к д р у г о м у? К тому, что касается уже не медицины, а спецслужб?

— Безусловно, — сказал Сварог.

Доктор опустил руку на один из пультов, чуть выступавших над столом, — их имелось целых четыре, прямо угольных и полумесяцем. Пояснил:

— Лечение мы, как не раз прежде, начали с обширного ментального сканирования. Проще говоря, изучали ее воспоминания за определенный срок — все воспоминания, все пережитое, казалось бы, прочно забытое, остается в глубинах мозга. Ничто не пропадает, не тает. У нас есть техника, позволяющая это делать — и при необходимости просматривать воспоминания за месяцы и годы в ускоренном режиме, останавливаясь на том, что заслуживает особого внимания. Там не было ничего, требовавшего бы вмешательства не медиков, а других управлений восьмого департамента, тех, что заняты наблюдением за земными обитателями и сыском. Кроме одного эпизода... Смотрите сами.

Он коснулся клавиши, и вспыхнул экран. Обширная комната, судя по обстановке, принадлежащая таларскому дворянину из весьма даже небедных и титулованных — под эти определения супруг Вердианы полностью попадает. Ярко освещена карбамильскими лампами. На фоне стены, обтянутой роскошными мадиновыми в золотых узорах обоями стоят две обнаженные девушки, улыбки у обеих широкие, искренние — но, без малейших натяжек, блудливые дальше некуда.

Д е в у ш к и?!

Их можно было прекрасно разглядеть во всех подробностях. Самые обыкновенные обнаженные девушки, хорошо сложенные и смазливые, каких на Таларе сотни тысяч. Вот только там, где у женщин «роза» или «жемчужная раковина», как пишут поэты, у э т и х — натуральнейшие мужские причиндалы немаленьких размеров, в полной боевой готовности. Сварог в жизни такого не видел — и на картинках в старинных ученых книгах тоже.

Не женщины и не мужчины. Создания...

С о з д а н и я, улыбаясь, двинулись на зрителя — то есть танцующей походкой подошли вплотную к Вердиане. Что-то на пару секунд заслонило экран — ага, это с нее бесцеремонно снимают платье, опрокидывают на постель, грубо ласкают, смазливое личико, искаженное похотливой улыбочкой, во весь экран...

Доктор вернул изображение назад, к тому месту, где обе непонятных девицы стоят на фоне обоев, остановил.

— Вот так, — сказал он. — Такой вот эпизод воспоминаний.

Сварог осторожно произнес:

— Я, конечно, совершеннейший дилетант в медицине. И знаю, что в глубине души врачи крайне неодобрительно относятся к рискнувшим высказать свою точку зрения дилетантам. И все же... Я когда-то читал, что иные «воспоминания» на самом деле ложные, как-то занесены извне, но осели в мозгу именно как воспоминания...

Он не стал уточнять, что читал это на Земле — к чему лишние детали? Главное, статья была достаточно серьезная, написанная психиатром, именно с этой точки зрения разносившим в пух и прах иных «встречавшихся с инопланетянами».

— Я понимаю, — серьезно сказал доктор. — Ну, что же, явление и в самом деле психиатрии давно известное. Индуцированная ложная память — ИЛП, как же. Однако есть одно немаловажное обстоятельство... Это явление принадлежит далекому прошлому, когда гипнозом занимались только л ю д и. Сейчас эта функция в значительной степени отведена машинам. Конечно, не во всех случаях, порой гипнозом занимаются и люди — но с герцогиней никто не проводил долгих сеансов, которые могли бы вызвать ИЛП. Она действительно все это видела. Это происходило с ней.

— А почему не предположить, что кто-то гипнотизировал ее на земле? — спросил Сварог. — Для обитателей земли занятия гипнозом строжайше запрещены... ну, это

еще не значит, что никто гипнозом не занимается. Мы их вылавливаем со всем усердием, но всех до одного пока что не извели...

— Мы подумали о том же самом, — кивнул доктор. — Мы, конечно, чистой воды медики, но из-за специфики службы кое-о-чем осведомлены. Будь это всего-навсего обычный гипноз, примененный на земле земным жителем, он все равно требовал бы фиксации, локализации, разработки. Думаю, в этом вы разбираетесь лучше меня. Но давно уже есть методы, позволяющие безошибочно отличить последствия гипнотического воздействия от реальных воспоминаний. Я не буду вдаваться в детали, вы, простите, попросту не поймете, но могу сказать со всей определенностью: это не гипноз. Она их в и д е л а. Посмотрите еще раз. Это не гермафродиты, здесь что-то другое. Эти... создания и в самом деле обитают в замке герцога... по крайней мере, обитали еще в прошлом году. Дальнейшее уже в вашей компетенции. Здесь специалист — вы. Я знаю, что реагировать следует немедленно...

— Безусловно, — неспешно с расстановкой произнес Сварог. — Это не разноцветные тревоги, как мне представляется, — но автоматически срабатывают некоторые параграфы некоторых циркуляров... Судя по тому, что вы не доложили мне сразу, пытались сначала искать самостоятельно? Я не в претензии, вы имеете на это право...

— Пытался, — кивнул доктор. — В Библиотеке ничего нет. Когда я перешел к нашим архивам, ничего не обнаружил ни в Хранилище, ни в Горнице. Ну, а заходить в Камору мне не позволяет положение...

Сварог прекрасно знал, о чем идет речь. Библиотека — это открытый любому лару, начиная с десятилетнего возраста, этакий, по выражению кого-то из земных фантастов, Глобальный Информаторий: сведения по всем областям знаний, беллетристика, в том числе земная, открытые для всеобщего допуска летописи и хроники, как земные, так и написанные в Империи. Хранилище — архив восьмого департамента, как дела прошлых лет, так

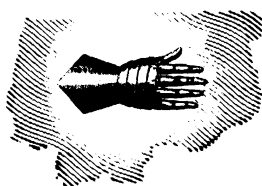

и актуальные. Доступен любому штатному сотруднику департамента. В Горницу могут попасть только те, кто руководит каким-то подразделением, — главы управлений, отделов, лабораторий, спецобъектов вроде санатория. И наконец, Камора доступна лишь высшему начальству — около двадцати человек, включая, естественно, Сварога. Что же, это нечто, прежде не дававшее о себе знать? Или строжайше засекреченное? На ум в первую очередь приходят забавы Ледяного Доктора — создания совершенно в его стиле, подобных монстров, сочетавших в себе, казалось бы, несовместимое, не существующее в природе, он в свое время немало наплодил.

— Я этим сейчас же займусь, — сказал он. — Где мне можно будет встать на постой?

— В любом домике, — сказал доктор. — Номер семь занимает герцогиня, остальные одиннадцать свободны. Вам нужно лишь в прихожей повернуть рукоятку на левой стене — она там одна такая, перепутать не с чем. Автоматически включатся все системы. А о чисто медицинских аспектах вашего визита мы можем поговорить и завтра с утра, сейчас уже поздний вечер, нет необходимости спешить...

— Отлично, — сказал Сварог. — Если у вас все, я бы откланялся...

Глава II

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩА

Неторопливо спустившись по широкой лестнице, с обеих сторон украшенной красивыми цветочными горшками — и на стенах, и на перилах, — он ненадолго задержался у высокого, под самый потолок, зеркала. Обозрел себя, хмыкнул. Фланеры с центрального проспекта Саваджо, тамошнего стилижьего Бродвея (причем пешеходного, что давало массу возможностей людей посмотреть и себя показать), за версту признали бы в нем своего. Легкий светлый костюм, синяя футболка с белым изображением какого-то старинного дворца, легкие летние туфли с замысловатым узором, образованным дырочками. Разве что он, в отличие от тамошних пижонов, не носил ни перстней, ни золотой цепочки с самоцветом на левом лацкане, ни драгоценных камней на пряжках туфель. И торч в открытой кобуре слева на поясе под пиджаком.

Сам он не приложил ни малейших усилий, чтобы нарядиться именно так, — спасибо Канилле. Благодаря платьям с Той Стороны как-то незаметно став законодательницей женских мод Империи, она, не будучи феминисткой, и мужчин не забывала — однако ни малейших успехов не добилась. За исключением полудюжины ори-

гиналов, любивших все экстравагантное, мужчины не проявили никакого интереса к одежде с Той Стороны. А вот Сварог — наоборот. Очень уж тамошние мужские костюмы походили на те, что носили на оставленной им Земле. Различия в сущих мелочах: не тот крой, не тот фасон, иные очертания лацканов... Пустяки, в общем.

Вышел, спустился по широким низким ступенькам и не спеша пошел к домикам. В полном одиночестве, понятно, как сам и хотел. Юный стажер с помощью довольно неуклюжих маневров (которые явно полагал хитрой дипломатией) откровенно набивался в спутники. Конечно же, усмотрел великолепный повод якобы невзначай встретиться с Вердианой, чего в одиночку сделать не мог согласно той самой врачебной этике: курс лечения закончен, частные беседы врача с пациентами не предусмотрены. Ну, а о возложенной на Сварога миссии знал только доктор Латрок.

Заблудиться в крохотном поселочке, представлявшем собой одну-единственную улочку длиной не более полулиги, не мог бы и малый ребенок. Поэтому Сварог отделался от кандидата в провожатые вежливо, но твердо, сказав, что должен поработать с карманной связью — хотя он здесь частным образом, остается при исполнении, и разговор секретный. И ничуть не обманывал. Стажер принял это с грустной покорностью судьбе.

Очень быстро он оказался напротив первого домика. Отсюда видно, что они, вся дюжина, возведены каждый в своем стиле, выглядят красивыми и чертовски уютными, хотя совсем маленькие — пара окон по фасаду. Зато стрельчатые окна в красивых витражах, водосточные трубы заканчиваются разверстыми пастями разнообразных чудовищ, высокие и крутые черепичные крыши украшены каминными трубами (он не спрашивал, но каминные наверья действуют — живой огонь на расстроенные нервы действует умиротворяюще, даже ратагайские лекари, в большинстве своем не обремененные грамотой, это знают и порой велят больным долго смотреть в пламя костра).

Сел на вычурную скамейку справа от крылечка, достал «портсигар», зажег экран, световую клавиатуру и принялся сосредоточено работать.

Естественно, прежде всего он навестил Камору. Ввел в поисковую систему: «Женщины, обладающие половыми органами мужчин при полном отсутствии женских» — как ни изошрял мозги, другой формулировки не смог придумать.

Не было и в Каморе никакой информации на данную тему. Возможно, все дело в формулировке — но другая так и не пришла на ум. Чуть поразмыслив, он вызвал Элкона, имевшего в Камору доступ, продиктовал ему свою формулировку и поручил попытаться найти другую и, если получится, провести поиск уже с ее помощью. Просить помощи у Канцлера или профессора Марлока было, пожалуй что, рановато — он пока что не исчерпал всех своих возможностей.

Как точно подметил лет сто назад один известный тогда юморист, ближе всех к населению располагается полиция. А посему Сварог отправил Интагару обширное сообщение со снимками загадочных созданий — которые он простоты ради поименовал для себя «мужебабами». На Таларе магией занимались другие ведомства, и в их число тайная полиция не попадала — но Интагар многое знал о тех вещах, что не входили в его компетенцию. Да вдобавок Сварог ему велел передать сообщение (и картинки) лицам безусловно гораздо более компетентным: мэтру Алкесу, Грельфи и мэтру Анраху. И это было все, что он мог сделать — и как глава двух спецслужб, и земной король королей. На Таларе сейчас солнце едва перевалило за полдень (полдень в смысле полдень, а не юг), все на местах, трудятся, аки пчелки. О результатах (либо отсутствии таковых) он распорядился сообщить ему не раньше завтрашнего здешнего утра, да раньше вряд ли и справятся, придется рыться в архивах (а мэтру Анраху в старинных фолиантах), а спешить все равно некуда, не тот случай — даже если мужебабы, подобно нериадским

камням, в прямом смысле с неба упали, это произошло как минимум год назад, и до сих пор они ничем и никак себя не проявляли, никакого вреда внешнему миру от них не было. А чтобы разобраться с клятым герцогом, предстояло организовать серьезную операцию, созвать штаб, посоветоваться, многое обговорить с чинами имперскими и земными.

Из-за угла выскочила крупная рыжая белка, совершенно безбоязненно подбежала к Сварогу и просительным стала на задние лапки — зверюшка явно прикормленная и людей не боявшаяся. Сварог поднял руку ладонью вверх — и на ладони у него оказался очищенный грецкий орех. Протянул его белке. Та проворно сцапала передними лапками добычу и, подпрыгивая на задних, удалилась за дом.

Спрятав компьютер во внутренний карман пиджака, он поднялся и неторопливо пошел к изящной балюстраде цвета старого тусклого золота, на всем протяжении ограждавшей обрыв высотой уардов в десять. Слева располагались подъемники — четыре тонких, прямых, как лазерный луч, канатика, на которых каким-то чудом (точнее, ухищрениями научно-технического прогресса) держались прозрачные шары, способные вместить парутройку человек. Три у кромки обрыва, четвертый внизу, на золотистом песке.

Опершись локтями на нагретые солнцем перила, он смотрел вниз. Солнечный диск на безоблачном небосклоне уже коснулся горизонта, все тени стали длиннющими — от зонтика Вердианы, от двух башенок по сторонам проливчика, от домика на том берегу бухты, от корабля. Вердиана в золотистом купальнике-бикини и темных очках лежала неподвижно, разбросав руки — может быть, задремала. Не удивительно посреди такого уюта, благолепия и тишины.

Пройдя к крайнему шару (при его приближении прозрачная выпнутая дверца моментально отошла в сторону), Сварог вошел внутрь. Разобраться с управлением было

легко, даже не понадобилось применять должные магические умения: всего-то две клавиши на диске цвета слоновой кости, вделанном в прозрачную стенку, на одной стрелка указывает вверх, на другой вниз. Ясно даже ежу.

Шар заскользил вниз и быстро достиг земли — вернее, крупного золотистого песка. Уже через несколько шагов песок этот стал набиваться в туфли, и Сварог, недолго думая, их снял, а следом и носки, босиком пошел по теплому, но вовсе не раскаленному песку, и это было приятно. На миг его словно бы пронизала лютая нечеловеческая усталость, захотелось рухнуть навзничь в теплый песок, разбросать руки, закрыть глаза и долго ни о чем не думать.

Справившись с этим наваждением, он зашагал дальше. Видел уже, что Вердиана устроилась с максимальным комфортом: рядом с покрывалом белая сумка-холодильник, небольшой серебристый диск, здешний плеер, негромко играет что-то определенно знакомое. Ну да, напоминающая томный блюз мелодия — «Осенние листья», сочиненная за облаками музыка.

Чтобы не напугать ее ненароком, Сварог громко зашвистел любимый таларским военным людом Коройтенский марш:

*— Прочь застольные беседы,
шагом марш и к черту грусть!
Либо я вернусь с победой,
либо вовсе не вернусь!*

Вердиана не спала — она тут же приподнялась на локте, повернулась к нему без малейшей тревоги — чего или кого тут бояться? — проворно сняла темные очки. Очаровательное личико озарилось непритворной радостью:

— Ваше величество?!

— Я тебя умоляю, без титулов, — сказал Сварог, присел на корточки и поставил туфли на песок. — Я сейчас никакой не король. Лорд Сварог, и все тут. Был здесь по имперским канцелярским делам, а на обратном пути ре-

шил завернуть к тебе, посмотреть, как ты... Не помешал беззаботному отдыху?

— Ну что вы, лорд Сварог! Я так рада вас видеть...

В первый миг, когда она только заметила Сварога, машинально потянулась к белому кружевному халатику, но тут же убрала руку, придала себе вид полнейшей неприужденности. Ага, не без затаенного хвастовства демонстрировала, что вполне освоилась с нравами Империи. Земные купальные костюмы чертовски пуританские: панталоны из легкой ткани до колен, глухая блуза с длинными рукавами (мужские точно такие же — для дворян и солидных горожан, крестьяне без затей купаются голышом — ну, правда, парни на значительном отдалении от девок, хотя парни частенько пытаются подплыть к девкам под водой, опрокинуть в воду или ущипнуть за ногу. Веселый парадокс, кстати, — женские платья обнажают ноги гораздо больше, чем купальные костюмы, ну да так уж сложилось).

При ближайшем рассмотрении купальник из золотистого кружева оказался почти что символическим. Имперские столь же скупы — но именно этот фасон Канилла среди прочих свистнула на Той Стороне вместе со всей коллекцией, припасенной модельерами для будущего лета, — о чем модельеры никогда не узнают.

Какое-то время Сварог откровенно ее разглядывал — на что земной король в отношении своих очаровательных подданных женского пола имеет полное право, пусть он в данный момент юридически и не король. При чем тут скучная юриспруденция? Точеная загорелая фигурка, копна золотых волос, прелестное личико, серо-голубые глазищи. Любой юный стажер потеряет голову, да и иные более зрелые...

Вердиана опустила пушистые ресницы в наигранном смущении, но тут же подняла глаза, ответила откровенным взглядом, недвусмысленно гласившим: он может делать с ней все, что угодно, прямо здесь. Сварог отвел взгляд — без всякого смущения, но с некоторой неловко-

стью оттого, что все было высказано без слов столь откровенно. Ну какого черта они в меня порой втрескиваются по уши — не без душевного смятения подумал он. Сначала Томи, теперь она... Нашли сокровище. Нисколько не льстит его персональному мужскому самолюбию — как-то перестали задевать такие вещи...

Лицемерием и враньем было бы притворяться перед самим собой, будто возложенная на него медицинская миссия вызывает внутреннее сопротивление. Ни следа подобного, господа мои...

— Ну как ты здесь? — спросил он.

— Все замечательно. Врачи говорят, что я теперь совершенно здорова. Я и сама чувствую себя д р у г о й... Все ушло, как дурной сон...

— Не скучно?

— Ну что вы! — воскликнула она. — Ничутьточки! Я плавала по морю на этом вот кораблике, летала в разные интересные места...

Она никогда не была болтушкой, но сейчас, захлебываясь от впечатлений, прямо-таки тараторила: горы и исполинские водопады, невиданные на Таларе секвойи, коралловые острова, царские дворцы и беломраморные города, живописные замки, моржовые лежбища там, где снега и льды, сотни клыкастых зверей... Большой Каньон Колорадо, известный здесь как Великий Овраг, охота на кабанов с пикой, старинный город, где вместо улиц каналы (Венеция тоже существовала и здесь, только название носила другое), куропатки на вертеле над костром где-то на опушке дикого леса... Что ж, доктор Латрок постарался на славу.

— Мы даже были в двух городах на земле, одетые местными жителями. В одном холодно, там ходят в мехах — но много красивых зданий, в другом — жарко, женщины прикрывают лица тканью, правда, воздушной и прозрачной... а какие там ткани! На Таларе таких нет и у знатных, их почему-то с Сильваны не привозят купцы. Вы представляете, лорд Сварог — кусок ткани в полови-

ну этого покрывала можно пропустить через мое кольцо с мизинца, и она не мнется, остается такой же красивой, узорчатой...

Что это за город, где люди ходят в мехах и много красивых зданий, Сварог с ходу определить не мог — таких тут немало. А вот закрывающие лица женщины и великолепные ткани — это, конечно же, Ахмадийское царство. Тамошний властелин, человек весьма небедный, далеко не всегда гонится за презренной выгодой, из неких соображений престижа запретил под страхом смертной казни вывозить из своего царства иные ткани — чтобы их носили лишь его подданные. Ни у кого нет, а у него есть. На ларов этот запрет, естественно, не распространяется — и туда частенько летают благородные дамы, одевшись, и точно, под местных жительниц, прикрыв лица прозрачной тканью. Но на Таларе таких тканей и в самом деле не видывали.

Черт, вот этого Сварог не предусмотрел. Нужно было распорядиться, чтобы ей выдали достаточно денег на всякие сувениры — ларам ничего не стоит изготовить монеты любого земного государства, в точности соответствующие оригиналам по металлу, весу и прочему. Главное — вбрасывать их не мешками, чтобы не подорвать земную экономику...

— Я часа два ходила по лавкам, — прямо-таки завороченно продолжала Вердиана. — Ткани, украшения... Мне сказали, что я могу покупать все, что захочется, не ограничивая себя в деньгах...

Понятно, весело подумал Сварог. Женщины есть женщины. Без труда можно представить, во что выльется двухчасовой поход по лавкам, особенно когда женщина не ограничивает себя в расходах. Наглядный пример перед глазами: ее императорское величество Яна-Алевтина, на его памяти несильно раз летавшая в столицу Ахмадийского царства и тоже не менее двух часов обходившая лавки Большого Базара. Пожалуй, когда Вердиана будет отсюда улетать, понадобится не просто брагант, а вима-

на, чтобы все покупки уместились. Молодчина Латрок и это предусмотрел — ну, тут не нужно быть опытным мозгоправом, достаточно знать женскую натуру...

— Как вы думаете, лорд Сварог, если я попрошу, чтобы меня оставили здесь еще на несколько дней, мне разрешат? Здесь еще столько красивых мест, я видела по телевизору...

— Ничего сложного, — сказал Сварог. — Можешь здесь жить, пока не надоест. Доктор мне говорил, что у тебя есть такое желание, и я согласился. Понимаешь, я, видишь ли, главный начальник над здешними медиками, так что никаких хлопот...

— Вот не знала, что вы еще и медик...

— Никакой я не медик, — сказал Сварог. — Просто в том департаменте, которым я заведу, есть и медики... В общем, ни малейших хлопот ты никому не доставишь.

— Спасибо. Я еще не видела действующих вулканов, а они тут есть, не то, что на Таларе... И еще многое... А долго мне здесь можно оставаться?

— Я же сказал: пока не надоест, — усмехнулся Сварог. — Я тебе больше скажу: я и сам намерен тут задержаться на недельку.

— Вот здорово! — вырвалось у нее. — Быть может, мы могли бы вместе...

— Полететь к вулканам? — понятно подхватил Сварог. — С удовольствием. Как-то так сложилось, что я никогда не видел вулканов. А моржей видел только в зверинце. А дел нет никаких. Устал что-то чертовски, врачи твердят, что следует отдохнуть и развеяться...

— Это прекрасно! — опять прямо-таки вырвалось у нее.

— Что я дьявольски устал? — усмехнулся Сварог.

— Ну что вы! Конечно, нет! То, что вы остаетесь здесь, без всяких дел, и я вас буду видеть каждый день...

Да уж, плюс на минус, подумал Сварог без всякого раздражения. Попытался определить, где они сейчас находятся — соответственно географии покинутой им Земли. Карты Сильваны он помнил плохо, но примерно опре-

делить мог: где-то южнее знакомой ему Южной Италии. Здесь Средиземное море гораздо меньше, нет Гибралтарского пролива, нет Сицилии, Сардинии и Корсики, на их месте суша...

— А вот серьга... — сказал он с искренним любопытством. — Здесь что, такая мода?

В правом ухе у нее висела тяжелая, затейливая серьга из тусклого золота, с крупным рубином и четырьмя бриллиантами поменьше. На Таларе одну серьгу носят только мужчины, исключительно дворяне и моряки в буквальном смысле слова — те, кто ходит в море. Речники на это не имеют права. Если уж вьедливой точности ради... Серьги с драгоценными камнями — привилегия одного дворянства, и если серьга моряка сверкает самоцветами — это, несомненно, пират. Каковые многими писаными законами пренебрегают.

— Нет, женщины здесь носят две серьги, как и у нас. Просто... Здесь неподалеку есть остров, и там очень живописная полуразрушенная древняя крепость. Там я серьгу и нашла, в переходах. Красивая, правда? В Латеране обязательно закажу ювелиру вторую. Старинная работа, мне объяснили...

Не стоило посвящать ее в некоторые тонкости, которые Сварог как раз знал. В рамках той же психотерапии живописную полуразрушенную крепость построили три года назад по распоряжению доктора Латрока — а к подобным находкам очень грамотно п о д в о д и т сопровождающий. Будь на ее месте мужчина, отыскал бы в переходах какой-нибудь старинный кинжал, благодаря мастерству древних оружейников, знавших хитрые сплавы, за столетия не тронутый ржавчиной, усыпанный самоцветами...

— Обязательно закажи, тебе идет, — сказал Сварог. — Может быть, еще и диадему с перстнями, получится все уж красиво.

— Вы полагаете? Я обязательно подумаю. Меня обещали еще свозить в развалины на другом континенте, где по-

падают старинные красивые фигурки из янтаря. Отец любит янтарь, у него небольшая коллекция... — она печально покривила губы. — На серьезную не хватало денег.

Бьюсь об заклад, и янтарные фигурки вышли из той же мастерской, подумал Сварог. Интересно, из каких мелочей складывается грамотная психотерапия. Как бы самому не подсунули в рамках экскурсии что-нибудь этакое. Да нет, не станут устраиваться начальству такие розыгрыши...

Узкий белый браслет на ее тонком запястье мелодично засвиристел, пару раз мигнула синяя лампочка.

Сварог глянул вопросительно — на устройство связи это никак не походило.

— Это напоминание, — пояснила Вердиана, — Через квадранс — ужин. Здесь нет какого-то строгого режима, но врачи говорят: для пользы организма пищу следует принимать регулярно, в одно и то же время.

— Ну да, мои лейб-медики мне давно уже плешь проели совершенно такими же наставлениями, — проворчал Сварог. — Со всевозможными высокоучеными терминами, половина из которых — пережиток древних веков, устаревший напрочь... Ну что же, пошли? Будешь все это забирать? — он кивнул на ее пожитки.

— Мне сказали — нет необходимости. Все равно здесь никого нет, кроме меня... и теперь вот вас. — Она гибко встала, накинула белый кружевной халатик, застегнув его лишь на половину пуговиц. — И словно бы решила: — Лорд Сварог... Вы не отужинаете со мной? Коли уж вы сейчас не король, а имперский начальник, и строгий этикет, в общем, не действует. Вам же скучно будет сидеть одному в домике, к видео вы привыкли больше чем я...

— С удовольствием, — сказал Сварог.

Что ж, все складывалось само собой. И в самом деле, было бы скучно и глупо пялиться на экран — а какие еще развлечения оставались в этом тихом уголке?

— Ты так и ходишь босиком? — спросил он, когда они неторопливо направились к пузырям лифтов.

— Конечно, — безмятежно ответила Вердиана. — Здесь просто не обо что поранить ногу. — Она чуть смущенно улыбнулась. — Последний раз я бегала босиком в отцовском замке... захудалые дворяне частенько так и поступают...

— Послушай, — сказал Сварог. — Ничего, что я буду тебя звать сокращенным именем?

— Конечно, это привилегия королей и друзей.

Судя по очередному откровенному взгляду, ей хотелось, чтобы Сварог совмещал то и другое в одном лице.

— Можно, я буду звать тебя Диана?

— Это довольно необычно... Обычно меня зовут Верди.

Что поделать, не мог же он объяснять: для него «Верди» была в первую очередь мужская фамилия, знаменитая в том мире, о котором здесь ничегошеньки не знали.

— Тебе не нравится? — спросил Сварог.

— Ну что вы! Чутьочку необычно, вот и все. А вообще — красиво. Нам вот сюда, я выбрала седьмой домик, как-никак счастливое число.

Домик и внутри был, как игрушечка — небольшая гостиная, она же столовая, со старинной мебелью и камином — единственной привязкой к современности оказался большой экран, но обрамленный узорчатой рамой с золочеными углами, как старинная картина. Справа виднелась крохотная кухонька без двери, где с трудом мог повернуться один-единственный человек. Ничего удивительного: г о т о в и т ь в старомодном смысле этого слова там не приходилось, достаточно доставать кушанья из замаскированного под старинную кирпичную печь кухонного автомата.

— Располагайтесь, как вам будет удобно, — Вердиана показала на низкий диван. — Я сейчас...

И ушла в единственную дверь в глубине гостиной — спальня, надо полагать. Вопреки обыкновению женщин уделять переодеванию больше времени, чем отнимает запряжка конно-артиллерийского полка, она появилась быстро, в вишневом платье наподобие халатика, опять

таким не грешившем пуританской длиной, тщательно причесанная. Встретила его взгляд — истины ради, отнюдь не равнодушный — не опуская глаз. Девочка шла к своей цели, как атакующий торпедный катер.

— Какую-нибудь музыку? — спросила она, остановившись у стены, у серебристой пластинки с клавишами.

— Что-нибудь спокойное, мелодичное, — сказал Сварог. — На твой вкус, в общем.

Она поиграла пальцами по клавишам и кнопкам, оглянувшись на Сварога прямо-таки с детской горделивостью: ага, показывала, что и эту технику освоила. Ну что же, неплохо: камера плыла невысоко над зелеными перелесками, перемежавшимися цветущими лугами, узкими серебристыми реками, спокойная негромкая музыка напоминала клавесин.

— Ничего, если я выберу блюда по своему вкусу? — спросила она.

— Конечно, Диана, — сказал Сварог. — В конце концов, ты здесь хозяйка, а я в гостях...

Когда она ушла на кухню, проверил «портсигар». Камень не светился, сигналов о сообщениях не поступало. Ну что ж, задачу он своим людям задал нелегкую, дай бог справиться к завтрашнему дню. Если что-то и есть, оно запрятано глубоко...

Вернулась Вердиана, ловко управляя плывшими перед ней в воздухе двумя большими антигравитационными подносами, к каким Сварог давно привык у себя в маноре и на имперских пирах. Ага, она и это освоила, судя по блестящим глазам, вновь старается произвести впечатление. Искусство, в общем, нехитрое, семи пядей во лбу не требует.

Она коснулась чеканной завитушки справа — и тарелки с блюдами проплыли по воздуху, приземляясь перед Сварогом невероятно плавно.

Присмотревшись к яствам — перед Вердианой стояли в точности такие же, — он стал испытывать некоторые подозрения, уверился в них, когда меж тарелками встали

его любимые напитки: келимас «Старый дуб», «Драконья кровь», «Слезы русалки». Сверкающей двойной вереницей проплыли позолоченные — а то и золотые, судя по тяжести — столовые приборы, занимая отведенные им места.

Ну да, совпадением не объяснишь: раковый суп, вальдшнепы на вертеле по-ратагайски, жареные пороссячи хвостики в розовом соусе. Все то же самое — перед Вердианой.

— Это ты нарочно? — весело спросил Сварог, когда девушка уселась напротив него.

— Конечно, — она на миг опустила ресницы. — Я ведь была на последнем Королевском обеде, и графиня Дегро была так любезна, что отвела мне место прямо напротив вас. Я знаю: на таких обедах королю подают его любимые блюда... Или следовало выбрать какие-нибудь местные деликатесы?

— Ну что ты, — сказал Сварог. — Ты молодец, отлично придумала. — Суп исходил приятным парком, да и все остальное выглядело выше всяких похвал, хотя и было приготовлено не человеческими руками. — Ну, что же, приличный ужин положено начинать с чарочки келимаса перед горячим супом? Твое здоровье! Точнее, за твое выздоровление!

Если отвлечься от всех сопутствующих сложностей, вечер удался на славу — прибыла и вторая перемена блюд, опять-таки выбранная Вердианой в полном соответствии со вкусами Сварога. Вино и келимас понемногу брали свое, прибавляя веселья и раскованности. Вот только Сварог еще до того, как опрокинули первую чарку, проверил дом на предмет микрофонов и камер — кто знает, как далеко простираются границы современной психотерапии. И ничего подобного не обнаружил, после чего раскрепостился окончательно. Без заминок тянулся обычный застольный разговор, непринужденный и несерьезный — Вердиана рассказывала о своем деревенском житье-бытье, об оборотне, которого крестьяне

видели в лесах, о всяких смешных случаях из жизни их деревеньки. У Сварога, так уж сложилось, как-то мало в жизни было веселого — но он знал немалое количество гланских и каталаунских легенд и смешные случаи, изрядное количество анекдотов из тех, что вполне можно рассказывать при благородных девицах. Одним словом, вечеринка удалась — вот только взгляды Вердианы становились все более откровенными. Она не захмелела, ничуть, но явно раскрепостилась и пару раз даже довольно искусными намеками наводила разговор на иные отношения меж мужчиной и женщиной.

В конце концов настал момент, когда они танцевали медленный танец происхождением с Той Стороны — возле камина с ненастоящим огнем, веявшим настоящим теплом, у огромной шкуры черного пещерного медведя. Все угрызения совести у Сварога, если и были таковые, улетучились напрочь. Тем более что Вердиана прижалась гораздо теснее, чем позволял танец, опустила голову ему на грудь, и это уже было совершенно недвусмысленно, как и его ладони пониже тонкой талии, не наглые, но решительные.

Верхний свет давно уже не горел, гостиную освещал только камин, не требовавший новой порции дров.

— Диана... — сказал Сварог, касаясь губами пушистых волос.

Она поняла голову, уставилась ему в глаза:

— Да, и сто раз да. Неужели вы не поняли? Мне и думать не хочется, что вы не поняли... Вы же умный, вы все понимаете... Вы мне нужны больше всего на свете. Только не подумайте, что тут есть какая-то благодарность, ничего подобного, честное слово, я просто не могу без вас, вы мой первый н а с т о я щ и й мужчина, нельзя же считать все, что было... — Вердиана вдруг отстранилась, подняла голову, уставилась ему в лицо огромными сухими глазами. — Или вы теперь думаете, что после всего э т о г о я стала... г р я з н а я? Если так, скажите правду.

— Ну, что ты, — сказал Сварог, осторожно притягивая ее к себе. — Вся грязь в таком далеком прошлом, что ее словно и не было вовсе. И больше никогда не будет.

— Значит, вы не отвергаете меня? — прошептала она, уткнувшись лицом ему в плечо.

— И думать так не смей, — сказал Сварог, ища ее губы в пушистой кипени волос. — Ты чудо, Диана...

Она тихонько вздохнула:

— Я так мечтала о вас с некоторых пор... Когда пришла в здравый рассудок... Я не прошу... отношений, у вас ведь есть женщина, которая для вас значит больше меня, я не собираюсь вам надоедать, не требую отношений... но сегодня вы мне нужны. Сегодня я — ваша, ведь правда?

— Правда, — сказал Сварог.

Они как-то незаметно оказались на медвежьей шкуре, в лениво колышущихся отблесках пламени, заливавшего загадочным сиянием разбросанную одежду и обнаженные тела, и это было прекрасно. Гораздо позже, когда они уже лежали в приятном утомлении на широкой постели, Вердиана, примостив голову у него на груди, не открывая глаз, прошептала:

— Впервые чувствую себя настоящей женщиной. Раньше словно бы ничего не было...

— Поздравляю, — шепнул ей на ушко Сварог, ни о чем не сожалея.

...Как не раз прежде случалось, он медленно вынырнул из сна с ощущением: что-то произошло. Не «случилось» — в таких случаях он форменным образом подхватывался. Что-то произошло, что-то изменилось.

Окружающий мир выглядел обычным и спокойным, За роскошными шторами — синий бархат и по потолочной лепнине — на смену серому приходила предрассветная синева. Окно спальни выходило на лес, и уже заливалась какая-то птица из ранних.

Покосился налево. Вердиана спала на спине, не озаботившись прикрыться роскошным покрывалом местной работы. Чему-то улыбалась во сне мечтательно

и нежно — и Сварог вновь не ощутил ни малейших угрызений совести.

Не особенно и раздумывая, протянул руку, запустил ладонь во внутренний карман легкого пиджака, висевшего на спинке стула, поставленного вплотную к постели. Сразу почувствовав кончиками пальцев знакомую вибрацию (приглушенную, правда, по ночному времени), извлек прибор. Ну да, синий сапфир на крышке размеренно мигал, но камни по углам не горели — следовательно, никакой спешки и уж тем более тревоги, пришло сообщение, и только.

Осторожно, чтобы не разбудить сладко спавшую девушку, выбрался из постели, извлек из воздуха пушистый халат и, натягивая его на ходу, прошел в гостиную. Света было достаточно, и лампу зажигать не стоило. Зажег экран.

Интагар докладывал прилежно и обстоятельно. Сам он никогда в жизни ни о чем подобном не слышал — как и двое его доверенных помощников, порой отслеживавших иные проявления черной магии — никогда не знаешь, где она пересечется с чисто полицейскими делами, а потому следует держать руку на пульсе. Мэтр Анрах тоже ничем не смог помочь — хотя пообещал, что старательно зароется в свои книжные скопища. Сварогу не раз приходило в голову: неплохо было бы научить Анраха пользоваться компьютером — и перевести в электронный вид все его богатейшее собрание. Увы, увы... Второе проделать было довольно просто — всего-то на неделю работы даже не компьютерным гениям вроде Элкона, а просто несколькими специалистами со сканерами. Вот только Анрах оказался из тех, кто органически не способен компьютер освоить — после нескольких попыток Сварог оставил эту безнадежную затею. Так что мэтр работал по старинке: напрягал свои золотые мозги, листал фолианты, полагаясь на интуицию. Вполне возможно, ответ таился где-то в глубине его библиотеки, но в этом случае оставалось полагаться лишь на удачу.

Отца Алкеса Интагар не нашел — тот пребывал где-то в отлучке, наверняка по какому-то серьезному делу, но найти его в таких случаях невозможно. Зато Грельфи порадовала: прислала сообщение. Компьютер она тоже не освоила, бормоча, что ей этикие научные хитрости ну совершенно ни к чему, писанных архивов у нее кот наплакал, все необходимое держит в памяти, ничуть не ослабевшей, несмотря на почтенные годы. А вот видеосвязью пользоваться научилась давно, еще до появления здесь Сварога, посчитав, что дело это нужное и нехитрое. Поэтому пришедшее от нее сообщение было коротким: «Свяжись со мной, светлый король, не заморачиваясь ночной порой. У миня и бисонница, и дела».

Действительно, едва Сварог набрал код, Грельфи уже через пару секунд возникла на экране — полностью одетая, сидела за массивным столом в своем кабинете, в том самом небольшом домике посреди большого запущенного сада. В здание побольше она перебираться отказалась давно и наотрез, твердя, что ей и этого хватает, агенты к ней идут не так уж чтобы вереницей, а бумаг у нее, как уже говорилось, мало, и служат у нее только люди с хорошей памятью, привыкшие держать все в голове.

— Не соскучишься с тобой, светлый король, — сказала она с постоянно ей присущей легкой сварливостью, с которой все знавшие ее давно свыклись. — Ну, так оно и жить веселее. Выслеживаешь паршивого ямурлакского вампира из недобитых, да старую стерву, вздумавшую наслать падеж на конюшню гвардейской казармы. Ничего интересного, на пятак пучок, сколько их таких было... а тут ты подсовываешь интересное дельце, про которое и думать забыли. Я сама ни разу в жизни не сталкивалась, а история примечательная...

— Есть что-то? — жадно спросил Сварог.

— Ого-го! Еще немножко — и полный отчет можно давать. У отца Алекса в Багряной палате с полдюжины канцеляристов в архивах роются, чтоб составить для

тебя полную картину, он там всех работать заставил, не смотря на ночь — полночь... ну да им не привыкать полуночничать, как и мне. Серьезное дело выходит...

— А в двух словах? — спросил Сварог.

— Пора бы тебе усвоить: сплошь и рядом в двух словах можно описать только, как кошки рожают, — отрезала старуха. — Нужно тебе прилететь самому, — она глянула куда-то через плечо Сварога, морщинистая беззубая физиономия расплылась в понимающей улыбке. — Можешь не срываться с места, как ошпаренный, несколько часов у тебя всяко есть, не горит. Как раз утречком и прилетай, все готово будет в лучшем виде...

Она залихватски подмигнула, и экран погас. Сварог обернулся. За спиной у него стояла Вердиана в том самом халатике из белоснежного кружева.

— Я не помешала? — спросила озабоченно. — Проснулась — а вас нет. В первый миг подумала даже, что мне все приснилось, но там, на стуле, ваша одежда и кобура с этой штучкой...

— Ну что ты, — сказал Сварог. — Мы, собственно, закончили... Дел было — всего ничего. Садись.

Она присела на широкий темно-красный диван — умиротворенная, даже веселая, без тени вчерашней печали в глазах. Осторожно спросила:

— А это кто? Если мне можно знать...

— Милейшая старушка, — сказал Сварог. — Раньше была ведьмой, но давно исправилась и руководит целым департаментом по отлову черной нечисти. Надо вас как-нибудь познакомить. Между нами говоря, у старушки в последнее время появился большой пунктик. Жизнь у нее была, в молодости особенно, тяжелая и опасная, пару раз чуть на костре не сожгли, и не сказать, чтобы безвинно. Вот ей теперь и хочется в компенсацию за все прошлые лишения на приемах в знатных домах побывать. Ну, не так, чтобы стать завсегдатаем, но время от времени. Будешь ее принимать?

— Как любого из ваших друзей! — воскликнула Вердиана. — Со всем радушием!

— Не пожалеешь, — усмехнулся Сварог. — Бабка многое повидала, рассказчица хорошая, а уж по части анекдотов драгунского вахмистра за пояс заткнет... Что ты так рано подхватила? Спать еще и спать...

— Сама не знаю. Толкнулось что-то. Я как-то уже начала чувствовать, когда вас нет рядом... У вас и здесь дела?

Сварог пожал плечами:

— А когда их не было у королей и чиновников — особенно когда оба поста оказываются причудливо перемешаны... — он погасил экран и отложил «портсигар» в сторону. — Ничего, это было недолго... Ну что, жизнь прекрасна и удивительна?

Вердиана прильнула к нему, прижалась щекой к его плечу. Лицо у нее было такое счастливое, что Сварог даже позавидовал чуточку. Сказала тихонечко:

— Я вам так благодарна...

— Диана, давай внесем кое-какую ясность, — сказал Сварог. — Если я от тебя еще хоть раз услышу какие-то благодарности, честное слово, рассержусь. И относиться к тебе буду совершенно иначе, мне это, правда, неприятно. Нет ровным счетом никаких причин для благодарности, понимаешь? Я просто-напросто не оставил тебя в беде, вот и все. Что мне практически ничего и не стоило. Не пришлось рубить чудовищ, бороться с нечистью, с затаившимися опасными врагами, совершать какие-то подвиги — крайне неприятное занятие, кстати, для того, кому приходилось с этим сталкиваться... И не более того. Ты же умница, должна понимать...

— Я понимаю, — заверила она серьезно. — Больше не буду, ни разу не услышите, — и робко улыбнулась, чуть приподняв голову, глядя ему в глаза. — Вот только... Помоему, то, что мне хочется с вами быть, не имеет ничего общего с благодарностью, правда? Это совсем другое.

— Пожалуй, — сказал Сварог.

— Это не будет такой уж большой наглостью, если я попрошу вас сопровождать меня в прогулках? Вы ведь тоже приехали сюда отдыхать...

— В другое время я бы с удовольствием согласился, — сказал Сварог. — Полюбоваться здешними красотами, да еще с тобой... Вот только, видишь ли... Я через несколько часов улетаю на Талар. Не получилось отдыха в который раз...

На ее лице появилась прямо-таки детская обида и разочарование:

— И ничего нельзя изменить?

— Увы... — сказал Сварог. — Срочное дело, где без меня обойтись не могут никак. С королями и высокими государственными чиновниками такое случается чаще, чем хотелось бы. И ничего тут не поделаешь — ремесло такое... — у него словно бы вырвалось стоном. — Думаешь, мне не хотелось бы не спеша лететь над великолепными пейзажами, держа тебя за руку? Но придется сидеть с верными людьми и старательно ломать голову над сложностями и опасными тайнами...

— Это опасно? — тихо спросила Вердиана.

Сварог почувствовал злую усмешку на губах.

— Для меня — нисколько, — сказал он. — А вот для других — очень может быть, даже наверняка, уж я постараюсь... — он откинулся на мягкую спинку дивана, прикрыл глаза. — Знаешь, что главное в этой жизни, Диана? Восстанавливать справедливость не задним числом, а в самую пору, как это получилось с тобой — мы успели вовремя. А бывает и по-другому: и справедливость восстановлена, и злодеи сучат ножками в петле, но иных уже не вернешь и иного уже не исправишь, хоть подожди все до горизонта...

Он чувствовал себя вымотанным, пустым. В который уж раз проклял и свое ремесло, и прочие жизненные сложности, никак не дававшие жить спокойно. Хотя и знал: никогда и ни за что не променял бы все это на бесхитростную, незатейливую жизнь какого-нибудь лавочника

из провинции, вроде Оллана из Гаури (которого он, заехав туда месяц спустя во всем королевском блеске, собирался было вознаградить по-царски — но Оллан решительно отказался от л и в н я благ и взял, как он выразился, лишь столько, «чтобы зажить чуток получше»).

Теплые пальцы Вердианы погладили ему виски.

— Только не подумайте, что я вас жалею, — прошептала она на ухо. — Вы слишком сильный человек, чтобы вас жалеть. Не нуждаетесь в жалости. Я бы просто хотела хоть как-то облегчить вам жизнь, если это в моих силах. Вы улетаете прямо сейчас?

— Нет, — сказал Сварог. — Через несколько часов.

— Вот и прекрасно...

Нежные губы прижались к его губам. Обняв девушку и отвечая на поцелуи, он подумал не без грусти: милая, глупая, ты искренне веришь, что облегчаешь мне жизнь, а на самом деле лишь добавляешь сложностей — мне же еще Яне в глаза смотреть... Но никак нельзя тебе об этом говорить, коли уж так все причудливо переплелось...

Глава III

ГОСТИ ИЗ ПРОШЛОГО

Отец Алкес сидел на своем обычном месте, справа от стола Грельфи, машинально складывая бумаги в аккуратную стопу. Получалось это у него плохо — иные, порывевшие от старости, покоробились, завились трубочками по углам, но он не обращал внимания. Кажется, главе Багряной палаты просто хотелось занять чем-нибудь руки.

Грельфи привычно очищала коротким кинжалом сургуч с горлышка «Кабаньей крови» высшего качества, бормоча свое обычное присловье:

— Ты так не смотри, светлый король, не за казенные деньги куплено, за свои. Жалованье ты по доброте своей душевной мне положил достаточное, так что могу позволить, и никакого вреда для дела не будет от малого стаканчика, только мозги прояснит.

— Золотые слова, — сказал Сварог без улыбки. — А потому налейте и мне. ...Отец Алкес?

— Пожалуй, — отозвался монах, перестав, наконец, возиться с непослушными бумагами.

Приятный аромат выдержанной «Кабаньей крови» распространился по комнате. Двое мужчин слегка

пригубили, старуха Грельфи воробыиными глотками себя не ограничила.

— Ну что тебе сказать, светлый король... — протянула она, оставив наполовину пустой стакан. — Вот уж не думала, что вживую придется столкнуться с этими тварями. Давненько не появлялись, я уж думала, в свое время начисто извели всех *рукодельников*, или, верней говоря, *рукоблудов*. Последний раз про них моя бабка слышала в молодости, а уж с той поры годков пронеслось...

— Совершенно верно, — кивнул отец Алкес. — Последний раз таковой *мастер* попадал в Багряную палату около девяноста лет назад, — он положил руку на бумаги. — Здесь полные протоколы расследований и допросов... а также составленный по всем правилам и утвержденный королем приговор о сожжении на Монфоконе. Их всегда сжигали, ваше величество, эти забавы числились среди самых богомерзких.

— В чем там дело? — спросил Сварог.

Ответила Грельфи:

— Это, светлый король, где-то даже и не черная магия, а наука, — по своему обыкновению она произнесла последнее словечко с некоторым насмешливым пренебрежением. — Только и черной магии там хватает. Этакая помесь науки с магией. Случались такие вещи. Наука — она, по большому счету, дура безмозглая. И равнодушная, что ли. Ее с одинаковым успехом можно прищиплаторить и к злему делу, и к доброму... Короче говоря, такие создания были известны с незапамятных времен. Мужчина с женскими причиндалами зовется «белинь», женщина с мужскими — «белина».

— А зачем они нужны? — спросил Сварог с некоторым недоумением.

— Как это — зачем? — словно бы даже изумилась Грельфи. — Исключительно для особо пресыщенных развратников, которые на этом свете перепробовали все, что только возможно. Ни для чего другого они и не годятся, в жизни не слышала о каком-то другом их пред-

назначении. Судя по той сценке, что ты мне показал, у герцога в замке — классические белины. Человек с грязной фантазией два десятка способов придумает, как их использовать. Там в бумагах отца Алкеса много чего про них прописано, а я, уж прости великодушно, подробно эту мерзость описывать не буду. Все это противу природы человеческой...

— И откуда они берутся? — спросил Сварог.

— А это уж отец Алкес на ученый манер лучше расскажет, — сказала Грельфи. — Я о них только слышала то и се, да и то из десятых уст, с приукрашиваниями и преувеличениями, а у отца все в бумагах записано, в Багряной палате с них подробные допросы снимали, когда меня еще и на свете не было, да и отца тоже...

Сварог повернулся к монаху, тот положил руку на верхний лист, но к глазам не поднес — видимо, хорошо изучил.

— Пришлось изучить подробнейшим образом, ваше величество, — сказал отец Алкес, словно угадав невысказанный вопрос Сварога. — Никогда не думал этим заниматься, казалось, с ними давно покончено, но бумаги сохранились — у нас почти ничего не списывается в архив. Иногда то, что считалось давным-давно исчезнувшим, появляется вновь... Я постараюсь дать полное и в чем-то, к стыду науки, наукообразное объяснение. Люди, занимавшиеся этим, с позволения сказать, ремеслом издавна именовались Черными Алхимиками. Или Черными Швецами. Потому что, в отличие от других алхимиков, не искали философский камень, эликсир бессмертия и прочие маниявшие алхимиков тинктуры, зелья и снадобья. Занимались исключительно тем, что сами они называли «шитьем». И в самом деле, ш и л и всевозможных живых существ, не обязательно тех, которых вы нам показали. Самые диковинные и омерзительные комбинации из разнообразных живых существ, не только людей... впрочем, эти комбинации порой состояли из разных частей человека и неразумных живых существ. По сравнению с некоторыми

белини и белины — безобидные цветочки... Использувавшиеся уже не для утонченного разврата, а всевозможных злых дел, в первую очередь членовредительства и убийств. Представьте себе очаровательную девушку, в некотором месте снабженную натурально гадючьей пастью со змеиными зубами и ядовитыми железами. В которой невозможно непосвященному заподозрить убийцу — и потому некий владетельный граф, чьей смерти с нетерпением ожидаются неразборчивые в средствах наследники, приглашает ее в свою спальню, ни о чем не подозревая. Я говорю о реальном случае. Или, например, безобиднейший кролик, подаренный на день рождения ребенку — старшему в роду обладателю титула и майората при наличии родственника, жаждущего заполучить и то, и другое. Да мало ли было таких «сочетаний»... Иногда изначально предназначенных для убийства. Иногда — всего лишь для изощренного разврата, как белини, белины и немало других разновидностей — порой представлявших собой омерзительную помесь животного и человека. Иногда, гораздо реже, их мастерили исключительно для развлечения знатных особ — мяукающие зайцы, черепахи, способные вылезать из панциря, и тому подобные, безобидные, по сути, монстры. Вот только, что бы ни мастерил Черный Швец, свои главные способности он получал от нечистой силы. И...

— Минуту, — поднял ладонь Сварог. — Мне нужно кое-что обдумать...

Ассоциации не нужно было долго искать — они подвораживались сами собой. Практически тем же самым занимался Ледяной Доктор — отвратительные гибриды людей и животных, а то и растений. Не похоже на простое совпадение. Вот только аппаратура, которую он для этого использовал, как раз и находилась в том здании, что сгорело дотла — потому что к соответствующим службам она не попала. Да, очень похоже...

— Продолжайте, отец, — сказал Сварог. — Как они этого добивались? Только заклинания или что-то еще?

— Заклинаниям меньше всего отводилось места, хотя и они присутствовали. Черные Шведы использовали самые настоящие лаборатории — со множеством устройств и приспособлений, утвари, большого количества всевозможных химикатов и металлов, подопытных животных и подопытных людей. Все это занимало очень много места, — отец Алкес вымученно улыбнулся: — С одной стороны, это порой помогало в разоблачении. Обычный черный колдун довольно легко может сбежать, прихватив мешок с книгами или магическими принадлежностями. Черный Швец свою немаленькую лабораторию на плечах не унесет, понадобилось бы изрядное количество повозок, целый обоз. С другой стороны, есть места, где можно долго скрывать от посторонних глаз самую большую и сложную лабораторию Черного Швеца... например, в огромном и богатом замке этого герцога, где достаточно и места в подвалах, и верных слуг, приученных держать язык за зубами, и золота, чтобы улаживать какие-то... шероховатости. А потому с давних пор к услугам Черных Алхимиков прибегали люди, не стесненные в средствах, обладавшие нешуточной властью. И денег требуется немало, и необходимо достаточно большое здание, где можно обеспечить должную секретность. В особенности если замаскировать это... заведение под обычную алхимическую лабораторию, блажь родовитого скучающего аристократа. Вы же знаете, есть разновидности алхимии, не связанные с черной магией, ими дозволяется заниматься практически каждому — при условии получения свидетельства о благонадежности от Багряной палаты. Мы, конечно, стараемся контролировать такие занятия, но все объять не в состоянии. В наших архивах зафиксировано два случая, когда Черных Алхимиков держали у себя два короля в разных государствах — в этих случаях было еще труднее работать, как вы понимаете.

— И для чего короли их использовали? — криво усмехнулся Сварог.

— Для всех трех разновидностей — убийство, разврат, безобидные забавы... В одном случае короля удалось отстранить от власти, признаться, не вполне этичным способом — используя честолюбивого наследника, по его мнению, засидевшегося в наследных принцах, и его сообщников, достаточно серьезных заговорщиков. Но так уж сложились обстоятельства, что поступить иначе было просто нельзя. В другой раз все вскрылось после внезапной, но совершенно естественной смерти короля — Черный Швец и его подручные не успели сбежать, лабораторию обнаружили в подвалах, начальник тайной полиции проявил расторопность и действовал очень грамотно... Однако кое-кто из тамошних созданий — понятно, те, что обладали человеческим разумом, — успел ускользнуть, и я не уверен, что тогда переловили всех. Впрочем, сами по себе они были не так уж опасны, смертны, как обычные люди... Да и порой при разных обстоятельствах невольно выдавали себя. Все это есть в бумагах, ваше величество. Вы — человек крепкой душевной закалки, но на ночь лучше не читать. Да, Черные Алхимики — не все, но некоторые — умели еще изготавливать разные премерзкие зелья, уже чисто для убийства. Человек, например, начинал неудержимо стареть, юноша в считанные месяцы превращался в дряхлого старца и умирал от старческих немощей. Или начиналось неудержимое кровотечение — сквозь стенки кровеносных сосудов, через поры кожи. Смерть в этих случаях вообще случалась через считанные дни. Да много чего еще... И еще одно, очень важное обстоятельство. Так и не выяснено, каким образом, но иные Черные Шведцы каким-то образом ухитрялись ускорять ход времени. Это звучит невероятно, но есть примеры с неопровержимыми доказательствами. Скажем, один Черный Швец вырастил для своего покровителя-магната классическую белину за полгода — из конкретной деревенской девочки, ее потом опознали родители. За п о л г о д а. Были и другие случаи, позволяющие утверждать совершенно точно: некоторые из Черных Шведцов умели ускорять время...

Черт знает что, в сердцах подумал Сварог. Ускорение времени, невероятные гибриды людей и животных, белины и белины... Где был Гаудин с его восьмым департаментом? Где были другие имперские спецслужбы? Огромные лаборатории, основанные на какой-то неведомой науке, смешанной с черной магией... И ведь мы ничего не узнали бы, не окажись Вердиана тверда характером и не бросься она бежать из замка в неизвестность... А о чем мы еще не знаем?

— Великолепно, — сказал он, кривя губы. — Всего в нескольких конных переходах от моей столицы, в полусутках езды — такой вот гадюшник. Хотя... Вовсе не обязательно ведь, что этих тварей делают у него в поместье, верно? Мог он их у кого-то купить?

— Безусловно, и такое возможно, — сказал отец Алкес. — Многие именно что покупали. Но рынок, где торговали такими вот... всегда был самым тайным из всех черных рынков, какие только есть. Вы сами понимаете, обстоятельства... В общем, это мало что меняет. Покупателя такого всегда немедленно брали под самое пристальное наблюдение. А Черных Алхимиков преследовали особо безжалостно и целеустремленно. Опять-таки из-за обстоятельств. Обычный черный маг, даже сильный, все же приносил гораздо меньше вреда. А эти были, как выражается кое-кто из наших молодых, заточены на убийство. Даже Белые Лисы — я, кстати, считаю, что иные из них уцелели до сих пор, — гораздо менее опасны. В конце концов, у них всего-навсего — орудия убийства, выглядящие безобидными дамскими безделушками. Создания Черных Алхимиков гораздо более трудноуличимы и опасны...

Он чутьочку замялся. Старуха Грельфи тут же подхватила, уставив на Сварога костлявый палец:

— Отец у нас, хоть и руководит Багряной палатой, все же — служитель божий, и ему неловко толковать об иных мирских вещах. Ну, а мне можно напрямки. Вот скажи, светлый король, много ли мужчин, приведя в спальню

красотку, предварительно раздевают ее догола и обследуют чуть ли не с лупой? По легендам, были особенно боявшиеся покушений короли, так у них имелись особые люди, которые каждую новую бабу изучали так, что она и бусинку не могла спрятать, не говоря уж о заколках и тому подобных штучках Белых Лис. Но это было так давно, что сказками стало. Нынче времена просвещенные... Ну кто станет?

— Да мало кто, думаю, — сказал Сварог.

Он вспомнил, как в свое время специально раздел Литту при свете и осмотрел, якобы любуясь, как мог тщательно. Но там было совсем другое — он опасался именно что какой-нибудь смертоносной, но безобидной на вид безделушки из арсенала Белых Лис. Действительно, жутковато. Красотка утром уходит как ни в чем не бывало, а короля находят уже захламодевшего, погибшего несомненно от укуса ядовитой змеи — и никак не связывают это с очередной постельной игрушкой его величества. В лучшем случае долго ищут по всему дворцу змею — мало ли какие чудеса случаются, могла и заползти, или подбросил кто-то...

— Конечно, нужно немедленно взять под наблюдение, — сказал он. — У вас уже есть какие-то соображения, отец Алкес?

Интагара он не позвал по очень простой причине. Вернее, по двум. Во-первых, у него все равно не было агентыры в поместье герцога, а во-вторых, сыщики отца Алкеса не просто подготовлены столь же хорошо — учитывая специфику службы, владеют кое-какими навыками по обнаружению черной нечисти и противодействию таковой. Им и карты в руки.

— Разумеется, ваше величество, — кивнул отец Алкес. — У меня было достаточно времени до вашего возвращения. И должен вас огорчить: у меня пока что нет ни соображений, ни тем более плана действий. Все из-за специфики места действия: обширное сельское поместье, окруженное герцогскими владениями. Не те места,

где может даже короткое время отираться кто-то посторонний. Правда, не так уж и далеко пролегает Большой Тракт, но это ничего не меняет, почти невозможно придумать убедительную причину, по которой путник съехал бы с тракта и повернул в герцогские владения. Купцы приезжают редко, и в замок их никогда не пропускают, управляющие с ними всегда встречаются в одной из деревень на границе герцогских земель. Странствующих монахов без церемоний гонят прочь, — он грустно pokrивил губы. — Что само по себе никаких подозрений не вызывает: увы, так поступают многие спесивые магнаты, не имеющие никакого отношения к черной магии, зато бравирующие безбожием... В гости к нему ездит считанное количество дворян — главным образом соседи, такие же анахореты, только добровольные. Люди светские подобных герцогу опальных вельмож объезжают десятой дорогой. В городе работать было бы значительно легче: во дворец знатного человека, подобного герцогу, часто съезжаются многочисленные гости, и среди них не так уж трудно найти человека, который согласится по м о г а т ь. Да и в в е с т и в такой дом своего человека под видом слуги довольно легко: из городских дворцов знати слуги частенько бегут, по самым разным причинам: проворовался, проштрафился, спутался со смазливой служанкой, и оба отправились искать лучшей доли. Крепостных порой манит волюшка-воля. Слуги, служанки, секретари в богатые дома требуются почти всегда. И явившихся искать места не подвергают столь уж скрупулезнейшей проверке. Здесь же — почти невозможно работать. К чему я веду? Вы, ваше величество, располагаете не в пример большими возможностями — уже не в качестве короля. То, на что моим людям потребуется много времени и немало усилий, вы в состоянии проделать гораздо быстрее и легче, — и он послал Сварогу выразительный взгляд. — К тому же Черные Алхимики — первостепенный предмет интереса некоторых имперских учреждений. Правда, о них и там подзабыли уже, но, насколько мне известно,

циркуляры и предписания на их счет не отменены, как не имеющие срока давности...

Он был совершенно прав. Возможностей у Сварога несравненно больше. Причем речь идет не о имперских. Наблюдательные системы Велордерана гораздо совершеннее тех, которыми располагают имперские спецслужбы. Всего-то — полететь в Хелльстад, поставить задачу Золотым Обезьянам и праздно сидеть у экранов с чашечкой кофе под локтем. Какая-то пара часов — и немаленький замок герцога будет при полнейшем неведении его обитателей осмотрен изнутри от флюгеров до подвалов. А все, что там найдется необычного, — ментально зафиксировано и заснято. Ничьей санкции на это не требуется — Сварог в Хелльстаде занимался многим, не испрашивая ничьих санкций. А если там все же лаборатория, которую следует брать силами имперских служб, санкцию Сварог получит в два счета...

— Вы совершенно правы, отец Алкес, — сказал Сварог. — Я это проделаю легко и быстро. Утруждаться нисколько не придется...

И чуточку удивился: на лице монаха вместо ожидаемого облегчений явственно отразилось что-то вроде сожаления.

— И вы, конечно же, заберете все дело к себе? — спросил отец Алкес все так же чуть сожалеючи. — Как подпадающее под категорию «имперских преступлений»?

— Вам бы тоже хотелось участвовать? — догадался Сварог.

— Признаться, да, — не без смущения ответил отец Алкес. — Я, конечно, понимаю, что сколько-нибудь существенного вклада внести не в состоянии... Однако все мы люди и ничто человеческое нам не чуждо... Я всю жизнь только слышал о Черных Алхимиках, последнего схватили еще до моего рождения... по крайней мере, так считают на земле... Даже если там нет лаборатории, только эти создания и их покупатель, невероятно хотелось бы принять участие...

— Примете, — твердо сказал Сварог. — Мое слово. — В конце концов, дело происходит на земле, возможно, в будущем это знание Багряной палате пригодится... — Я ведь обязан думать и о земных интересах, как земной король... — он открыто улыбнулся. — И вообще, кто знает, вдруг да и понадобится ваше содействие?

...Так и случилось: часа через полтора он с чашкой кофе у локтя сидел перед экраном, а у соседнего манипулировал клавишами и кнопками Золотой Обезьян под номером восемь. Сварог распорядился начать наблюдение с высоты не менее лиги — хотел воочию взглянуть, что собой представляют владения опального герцога.

Действительно, случайному путнику сюда пробраться невероятно трудно, практически невозможно: замок окружен даже не парком, настоящей лесной чащобой югеров в двадцать, вокруг разбросаны деревеньки, поля, дорог много, сушая паутина, но все они, сразу видно, так сказать, местного значения — либо соединяют деревни друг с другом, либо ведут от них в герцогский замок (наверняка подвозят съестное и вообще все необходимое, такие поместья ведут сущее натуральное хозяйство, из города доставляют лишь отсутствующие в сельской местности деликатесы и хорошие вина).

«Глаз» опускался неспешно, словно идущий на посадку воздушный шар. С внешним миром поместье, вообще весь этот район, соединяет одна-единственная дорога, упирающаяся в Большой Тракт. Вердиана, надо полагать, скакала вон там... и вон там... а потом вырвалась за пределы герцогских владений...

Что ж, предки герцога пошлой бедностью не страдали, замок они давным-давно выстроили на широкую ногу: огромное главное здание из красноватого камня, с серой черепичной крышей, похожее сверху на затейливую буквицу какого-то из старинных алфавитов, вокруг чуть ли не целый городок строений поменьше, но тоже выглядевших отнюдь не убого — надо полагать, стандартный набор имения знатного магната: дома для

слуг, кладовые, поварни, конюшни, каретные сараи и прочие атрибуты сытой богатой жизни. Парк вокруг дворца с мощеными дорожками и фонтанами как-то незаметно переходит в дикий лес. Сварог сердито сжал губы: вон тот кусочек леса, окруженный высокой каменной стеной, наверняка тот самый поганый Диснейленд, в котором чертов извращенец, напав на медвежью шкуру, гонялся ночью за девушками. Ну, развлекаться скоту осталось недолго. Даже если он всего лишь покупатель, дело, как объяснил отец Алкес, согласно действующим до сих пор старинным законам кончится Треугольной площадью. А своим правом на королевское помилование Сварог в жизни не воспользуется. Так что Вердиана без малейших усилий станет молодой богатой вдовой. И не в богатстве дело — к нему она, в общем, равнодушна. Просто этой ночью она призналась Сварогу: пусть она выздоровела, пусть все отлично, но все равно у нее порой зябкие мурашки пробегают по спине, когда она вспоминает, что этот скот живехонек-здоровехонек и как ни в чем не бывало пребывает в роскоши и покое, предаваясь прежним удовольствиям... И еще она всерьез опасалась, что герцог рано или поздно устроит на нее покушение.

Вот э т о (в чем со Сварогом всецело соглашались медики) не имело никакого отношения к психическим расстройствам вроде мании преследования. Угроза была вполне реальной — герцог пылал к сбежавшей юной супруге лютой ненавистью. И потерял слишком много: его отлучили от двора (где его предки блистали лет четырехста), отправили в ссылку, практически пожизненную (учитывая, сколько лет жизни осталось герцогу и сколько — Сварогу). Он лишился лучшего поместья «Медвежьей берлоги», родового дворца, каждый год должен выплачивать Вердиане кругленькую сумму. Одним словом, сразу и не скажешь, какой ущерб весомее — материальный или моральный, говоря казенными оборотами...

Разумеется, Сварог принял все возможные меры. Вердиану охраняли не хуже, чем коронованных особ. Положа руку на сердце, у этих предпринятых Сварогом мер, кроме благородной подоплеки — спасти жизнь немало претерпевшей молодой девушке, — была и, как в жизни частенько случается, и чистой воды прагматичная. Если герцога удалось бы уличить в подготовке покушения на жизнь супруги, никаких усилий не пришлось прилагать бы, чтобы отправить его на Треугольную площадь, к мастерам печальных церемоний и позолоченному мечу.

До сих пор тревожных звоночков не было: мерзавец и подонок далеко не всегда бывает глупцом. Герцог умен и коварен. Должен прекрасно понимать, что слежку за ним установят плотнейшую. Вряд ли откажется от мести, но спешить не будет, постарается сработать ювелирнейше — в конце концов Сварог и Интагар люди, а не всеведущие боги...

Позавчера люди Интагара принесли в клювиках интересные новости. В Латерану приехал некий маркиз из герцогских дворян — им-то, в отличие от герцога, никто не запрещал покидать поместья. Вердиана, когда Сварог вчера показал ей фото со своего компьютера, моментально этого субъекта узнала — один из полудюжины особо доверенных людей герцога, занимавшихся всевозможными грязными делами. Так что события, похоже, двинулись с мертвой точки.

А впрочем, подумал Сварог, это уже и не имеет особого значения. Уличенный в связях с Черными Алхимиками герцог, как любой другой на его месте, прямо-таки автоматически получит билет в один конец — то бишь на Треугольную площадь. Главное — раздобыть улики, а уж потом...

— Дальнейшие приказания, командир? — вырвал его из задумчивости бесстрастный голос сидевшего одесную Золотого Обезьяны. (После некоторых раздумий Сварог и им, не мудрствуя лукаво, велел обращаться к нему именно так.)

Спохватившись, он уставился на экран. «Глаз» словно бы висел на высоте первого этажа в точке, откуда просматривался весь длинный фасад замка с помпезным главным входом, островерхими башенками по углам и слегка траченными столетиями каменными фигурами мифологических чудовищ, шеренгой восседавших у подножия крыши от угла до угла.

Совершенно все равно, откуда проникать внутрь дворца — хоть через главный вход, хоть через любую каминную трубу. Но все равно следовало определить какую-то конкретную точку, когда имеешь дело не с людьми, а с роботами. Робот попросту не поймет команды «Да где угодно», ему необходима предельная точность формулировок...

Правда, долго голову Сварог не ломал: он просто-напросто указал на одну из стеклянных витражных аркообразных дверей, выходящих на опоясавшую второй этаж галерею — с черепичной крышей и вычурными каменными перилами. Какая разница?

Замок, галерея, ало-золотисто-синий витраж поплыли навстречу...

Полное впечатление, что раздалось пронзительное «Бан-н-н-н-н-г!».

Ерунда, конечно. Ничего подобного. Просто-напросто экран сплошь заволокло нечто вроде грязновато-серой паутины, образовавшей довольно правильный узор с черными точками в местах пересечения нитей.

— Непреодолимая преграда, командир, — столь же бесстрастно, как о любом другом событии, доложил Золотой Обезьян.

Удивления не было — скорее раздражение. Не размещаясь на эмоции, Сварог отдал новую команду. И еще одну. И еще. Потом на пару минут задумался, составляя в уме уже не короткий приказ, а обширную программу действий — с учетом личности подчиненного и образа мыслей его электронных мозгов.

Программа получилась толковая, Золотой Обезьян не попросил никаких уточнений. Вот только она, осу-

ществляясь на продолжении квадранса, показала свою полную несостоятельность. Иными словами, хелльстадским средствам наблюдения проникнуть внутрь замка оказалось невозможно — ни через окна, ни через двери, ни через стену, подвальные окошки, трубы, крышу. Всякий раз непреодолимой преградой вставала эта самая паутина. Как когда-то в Горроте. Правда, там рисунок «преграды» был другой — как и той «преграды», что не позволяла орбиталам ларов следить за Хелльстадом. Но суть та же — непреодолимая, несмотря на все возможные манипуляции, стена. Разве что выглядит иначе, незнакомо.

Вот такие дела. Означает ли это, что герцог был как-то связан с Брашеро? Особенно если вспомнить странную схожесть иных имевшихся в его замке тварей с творениями Ледяного Доктора? Или случилось элементарное совпадение, и здесь что-то другое? Скажем, именно такую защиту умеют ставить Черные Алхимики? Нет, бессмысленно ломать голову, не имея должной информации...

Дальнейшие изыскания заняли более часа, но иначе было просто нельзя, к загадке следовало подойти со всей скрупулезностью, как ученые к экспериментам...

Результаты и выводы: в любое из многочисленных строений, расположенных вне дворца на территории поместья, можно было проникать совершенно свободно, видеть и слышать все происходящее внутри — от болтовни попивавших пиво свободных от несения службы лакеев до оживленного лирического общения молодого конюха со смазливой служанкой на ворохе соломы в углу денника; от деловитой суеты на поварне до маявшегося лютой скукой привратника у ворот. Недоступным оставался только сам дворец. А посему прямо-таки напрашивался логический вывод, отнюдь не притянутый за уши: в замке есть не что, что герцог не хочет показывать постороннему глазу. Никто не вешает хитрый надежный замок на пустую кладовую...

Поразмыслив как следует, Сварог пришел к выводу, что эта нежданно-негаданно объявившаяся чертова «паутина» не усложняет, а облегчает ему задачу. Поскольку при ее обнаружении у него отныне полностью развязаны руки как в качестве начальника восьмого департамента, так и директора девятого стола. Есть законнейшие основания — более того, настоятельная необходимость — хоть сегодня же захватить замок силами всех подчиненных ему спецназов, повязать поголовно всех, кого там найдут, допрашивать их уже не на земле, а за облаками. Разумеется, после совещания с Канцлером, которому, как и Яне, следует немедленно доложить столь любопытные новости. Что до земли... Кажется, вполне разумным будет еще до доклада наверх поручить Интагару аккуратненько изъять этого маркиза так, чтобы его исчезновение осталось незамеченным и никому неизвестным. И немедленно вдумчиво порасспросить его о том, что, собственно, происходит в замке, и о некоторых созданиях, там обитающих — а также о персонах, кои там м о г у т обитать. Один из доверенных мастеров по грязным делам, не первый год состоящий при герцоге, что-то да может знать. По крайней мере, о загадочных «девицах» он знает точно: перед отлетом из санатория Сварог, как ни противно было, просмотрел подробно кое-какие записи воспоминаний Вердианы — и в ходе одной из грязных игр маркиз обнаружился вместе с означенными «девицами»... Еще до выброски десанта на замок будет свидетель...

Велев Золотому Обезьяну прекратить наблюдение, от которого больше не было никакого толку — из ситуации выжали все, что возможно, — Сварог достал «портсигар», вызвал Интагара и поставил задачу. Интагар, как и следовало ожидать, попросил полчаса на обдумывание, планирование и точные расчеты предстоящего к о н ц е р т а, после чего обещал исполнить все в точности. Сварог, конечно же, эти полчаса ему предоставил — серьезные операции с бухты-барахты не проводятся...

Сделав себе еще кофе и закулив очередную сигарету, он задумчиво вертел «портсигар» на колене, прикидывая, с кем связаться в первую очередь — с Яной или с Канцлером. По всему выходило, что — с Канцлером, поскольку...

Лежавший на колене «портсигар» тихонько засвиристел, завибрировал, размерено замигал «самоцвет» на крышке. Сварог моментально проделал нехитрые манипуляции, отвечая на вызов.

На экране появился маркиз Оклер, стоявший где-то на морском берегу — за спиной у него уходила к горизонту лазурная морская гладь, поблескивавшая искорками солнечных зайчиков, — где бы он ни был, погода там стояла прекрасная, ясный солнечный день.

— Лорд Сварог, я со своими людьми сейчас на полуострове Тайри, на его «внешней» стороне... — сказал он и замолчал.

Лицо у него не выражало ни тревоги, ни тем более страха — но некоторое тягостное раздумье определенно присутствовало. Сварог давненько уж знал: «внешней» стороной полуострова Тайри именуется та, что обращена к открытому морю. «Внутренней», соответственно, — та, что совместно с континентом образует залив Скаури, где расположен Фиарнолл.

— Что-то случилось? — спросил Сварог.

— Да, вот именно, — сказал маркиз. — Конечно, следовало бы в первую очередь доложить Канцлеру, но он все еще на Нериаде, вы гораздо ближе... В конце концов, случай из тех, о которых следует незамедлительно ставить в известность все спецслужбы Империи. Я подумал и решил на свой страх и риск, что никаких Тревог объявлять пока не следует, не та ситуация...

— Что случилось? — повторил Сварог жестче.

— Если вы не заняты чем-то сверхважным, вам, по моему, следует немедленно прилететь, — сказал Оклер. — Сейчас я дам картинку...

Он исчез с экрана, изображение дернулось, смазалось на миг — маркиз повернул свой передатчик. Сварог смо-

трел на то, что там появилось, лишь несколько секунд. Ни одного вопроса он не задал — все и так ясно, коли уж Оклер, исправный служака, назубок знающий все уставы, регламенты и параграфы, поступил именно так, то именно этой ситуации и требовала. Как требовала и немедленного прибытия туда Сварога.

— Мне до вас примерно квадранс полета на максимальной, маркиз, — сказал он, другой рукой гася в массивной пепельнице из резного оникса едва начатую сигарету. — Я в Хелльстаде. Когда взлечу, сообщу вам, дадите пеленг. А вы тем временем свяжитесь с Канцлером. В общем-то вы правы: никаких поводов для тревог...

Резко отодвинул кресло, встал и направился к выходу, пряча в карман «портсигар». Действительно: не видно пока что поводов для тревог. Всего-навсего очередная загадка, возможно, долгого времени на разгадку и не требующая...

За время полета он тщательным образом изучил все материалы по полуострову Тайри. В этом не было ровным счетом никакой надобности — но не хотелось четверть часа просидеть бездельником, пока виману-самолет ведет автопилот. Да и земному королю полезно знать как можно больше о своих землях — мало ли как, когда и где пригодится. Заниматься этим систематически не хватало времени, а перелеты, особенно долгие, идеально подходили...

Он узнал, что полуостров Тайри природой во многом обделен. Большая часть земель — сухая и каменистая, непригодная ни для пашен, ни для пастбищ. Меньшая часть — песчаные земли, как нельзя лучше подходящие для картошки (по этой причине дворянство иронически именует братьев по классу, сохранивших там имения с крепостными, «картофельными господами»).

По вышеупомянутым причинам те самые каменистые земли почти что и не заселены. Жизнь кипит только на морском берегу — там множество рыбацких деревень, ремесло это позволяет и сытно жить, и даже порой неплохо

заработать. Примерно две трети рыбаков — фригольдеры, а остальные — переведенные на оброк крестьяне немногочисленных дворян, тех, у кого не нашлось достаточно денег, чтобы перебраться в более комфортные места (о чем, впрочем, они и не жалеют особенно — оброк идет приличный). Хватает и шаланд-баркасов прибрежного плавания, но немало и двух категорий «рыбаков открытого моря», уходящих в океан кто на сто, кто на пятьсот морли. А некий маркиз, получивший после смерти тетки в Сноле немаленькое наследство, не уехал отсюда, а построил немаленькую «плавучую мастерскую», большую флотилию, бороздящую океан. Посмеиваются и над ним, прозвав «рыбьим маркизом», но маркиз, человек оборотистый, и в ус не дует, уверяя, что зарабатывает гораздо больше, чем если бы взялся хозяйничать в доставшихся в наследство теткиных имениях. И нисколько не лукавит: «плавучие мастерские», Сварог и до того знал, ловят (и частью на борту же солят, вялят и коптят) рыбу самых дорогих, деликатесных пород — а ее косяки держатся обычно далеко в открытом море.

(И еще одна пикантная деталь, о которой не знало спесивое дворянство, но знал вездесущий Интагар — у маркиза давненько уж состояла в любовницах красавица-русалка из ближайшего подводного города. На докладе об этом марьяже Сварог наложил резолюцию «Оставить без внимания» — поскольку никакого нарушения законов не усматривалось, а под шпионаж никак не подходило — подводные жители за сухопутными не шпионят, разве что собирают по мелочам информацию, главным образом в портовых кабаках, чтобы знать, что делается на земле и чем там живут.)

Так, прилетели... Сварог остановил самолет в воздухе, уардах в тридцати над деревней, чтобы немного осмотреться сначала.

Деревня большая, не из бедных — как сообщил компьютер, здесь в основном «сотняги», есть даже с полдюжины «пятисоток». Длиннющий деревянный причал

пуст — ну конечно, все в море. Только справа сиротливо приютился двухмачтовый кораблик, судя по оснастке, из «сотняг». Должно быть, чинится — на палубе деловито суетятся десятка два рыбаков, кажется, реи меняют.

Почти посередине в причале зияет здоровенный пролом — ага, именно там эта тварь и вылезла из моря, от причала к деревне тянется четкий глубокий след, словно бы оставленный гигантской танковой гусеницей — очень похожий отпечаток. Несколько ближайших к морю домов разрушены — тварь двигалась по прямой. Но уардах в трехстах от моря ее остановили...

Слева, рядом с причалом, лежат на спокойной воде «Ящеры» Морской бригады — шестерка одноместных боевых и транспортник, раза в три их побольше. Жители сгрудились тесной толпой уардах в полусотне за деревней — причем не похоже, чтобы их специально туда отогнали, не видно ни оцепления, ни караульных. Видимо, насмерть перепуганные люди (главным образом женщины, дети и старики — мужчины почти все в море) ждут, когда Высокие Господа Небес изволят внести какую-нибудь ясность.

А теперь — главное. Он о... Среди развалин двух домов и их надворных построек замерла неподвижная туша — нечто овальное, на первый взгляд, длиной уардов в десять и шириной в три. Сплошь покрыто то ли панцирем, то ли чешуей из шестиугольных плиток, как и короткий толстый хвост. Цветом гораздо темнее вареного рака, скорее бурое, чем красное. Ага, по бокам передней части — где виднеется нечто напоминающее голову — два толстых щупальца с пучками более тонких и коротких на конце. Вокруг — несколько человек в синей с серебром форме Морской бригады, все при деле, все нацелились на чудово морское какими-то аппаратами, а один упер в бок блестящий шест с чем-то овальным на другом конце.

Сварог не был знатоком морской фауны — так, знал с дюжину самых распространенных, живущих главным образом у поверхности животных, как хищников, так и

безобидных. Но был твердо уверен, что с этой непонятной тварью связана некая странность — иначе зачем здесь боевые машины и эксперты Морской бригады?

Решив, что увидел достаточно, повел самолет к восходной окраине деревни, где, глядя в небо, стоял прекрасно знакомый ему человек. Опустился уардах в трех от него, откинул лесенку и слетел на землю на морской манер — почти не касаясь подошвами ступенек, держа руки на перилах.

Оклер подошел и отдал честь. На его лице Сварог не увидел ни растерянности, ни тревоги — так что не похоже, будто случилось нечто из ряда вон выходящее.

— Вот такие у нас дела, лорд Сварог, — сказал маркиз, опять-таки спокойно. — Объявилась вдруг тварюга... Орбиталы-наблюдатели сообщили нам практически сразу, и я отправился с группой. Пятый параграф... вы ведь его знаете?

Сварог кивнул:

— Конечно, по должности положено. Точнее, по двум должностям.

Да, такие вещи и начальнику восьмого департамента, и директору девятого стола полагалось держать в памяти. Существует длиннющая официальная бумага с сухим названием «Устав о поведении в случае обнаружения необычных явлений». Пятый параграф как раз и касается необычных явлений и необычных существ морского происхождения.

Со здешним океаном обстоит совершенно иначе, чем с морями-океанами покинутой Сварогом Земли. В отличие от земного, таларский в свое время, уже после Вьюги, в течение примерно полусотни лет был изучен вдоль и поперек, проведена своего рода инвентаризация всей морской флоры и фауны, вплоть до самых глубоководных (причины Сварогу как-то объяснил Канцлер — нужно было выявить и истребить то, что было не творением природы, а делом рук черных магов, некогда баловавшихся созданием разных морских чудищ, наперечет пред-

назначенных не для добрых дел). «Продукцию» магов в конце концов выловили и истребили практически поголовно, а тех, кто появлением обязан был природе (она, как известно, и не добрая, и не злокозненная, вообще не существует в виде физического либо юридического лица) описали, классифицировали и занесли в обширные каталоги — от громадного гривастого крокодила до крохотного слепого рачка, обитающего на морском дне, на различных глубинах.

Так вот, если в прибрежных селениях или городах объявлялись прекрасно известные науке морские твари, имперские службы не вмешивались, как бы твари ни буянили — считалось, это чисто земные дела, с которыми земные обитатели обязаны справляться своими средствами — не дети маленькие, обойдутся, Империя не обязана их опекать...

Всякое случалось. Пусть и редко, но порой гривастые крокодилы, морские змеи и пятнистые саламандры (хищники с земного крокодила размером) нападали и на рыбацкие лодки, и даже на небольшие корабли — главным образом оттого, что одряхлели или не могли гоняться за обычной добычей с прежней сноровкой из-за какого-нибудь калечества (как когда-то обстояло с индийскими тиграми, становившимися людоедами примерно в силу тех же причин). А особо наглые выползали на берег поживиться пасущейся скотиной, а то и человечинкой.

Зло было давнее и привычное, а потому на земле в таких случаях в общем, головы не теряли и в панику не приходили. Незваных гостей довольно быстро истребляли — именно в расчете на такие случаи жителям городов и деревень, расположенных не далее десяти лиг от моря, была давным-давно пожалованная королями привилегия держать дома холодное оружие любого вида (за использование «не по назначению» полагалась петля). Правда, иногда случалось и вмешиваться регулярным войскам, и даже с артиллерией — как было лет двадцать назад, когда по одному из необъяснимых капризов природы крабы-

бокоходы размножились прямо-таки неимоверно — и хлынули на землю ордами в несколько сотен, причем в трех местах. Твари были серьезные: величиной с крупного волкодава, проворные, способные вмиг отстричь человеку руки-ноги, а то и перекусить пополам. И в обычных условиях, чтобы их добывать, от рыбаков требовалась нешуточная смелость — краб-бокоход человека нисколечко не боялся и никогда не ждал покорно, когда его проткнут остройгой, защищался со всем усердием (и все равно их добывали во множестве — вкусное было мясо, считалось господским деликатесом, и платили на него приличные деньги). Ну, а уж когда на суше оказывалась орава экземпляров в триста, а то и пятьсот, голодных и лишенных всякого страха перед человеком — тут уж без армейцев с мушкетами и пушками было не обойтись...

Так вот, пятый параграф... Он как раз и касался на прямую необычайных, неизвестных прежде морских созданий. Вот в этом случае имперские службы реагировали прямо-таки молниеносно — ну, не любили в Империи неизвестного и непонятного... Так произошло и на сей раз — обнаружив, что очередной морской гость ни в каких каталогах не значится, орбиталы моментально посылали сигнал тревоги Серебряной бригаде — а после создания Морской бригады уже ей. Так что «бурого» ухлопали уже минут через двадцать после его неожиданного появления из моря.

— Мразь редкостная, — сказал Оклер, морщась. — Несомненный хищник — местные нам рассказали о сожраных...

— Жертв много? — спросил Сварог, вспомнив, что он еще и земной король.

— Вроде бы человек пять, — сказал Оклер. — Точно мы пока не установили — там главным образом женщины, детишки, старики, истерики, плач, не получается толковых разговоров... Пойдемте, посмотрим?

— Пойдемте, — сказал Сварог. — Нет, подождите-ка, маркиз...

Отделившись от толпы, к ним поспешал не особенно и сторбленный старик — опираясь на толстую палку, но довольно проворно. Очень уж целеустремленно к ним спешил, так что следовало задержаться и узнать, в чем дело, — иногда от стариков бывает нешуточная польза: много повидали, много знают...

Так... Одет скромненько, но опрятно, довольно живописен — расчесанная седая шевелюра, столь же ухоженная борода, на шее ремешок с какими-то фигурками, ракушками, кусочками янтара, веточками розового и синего коралла, засушенными крабиками. На худых запястьях — браслеты в том же стиле, на лбу — ремешок с большим отшлифованным сердоликом.

Ага, вот ты у нас кто... Классический гриот — деревенский колдун с морской спецификой. Не так уж редко попадают откровенные шарлатаны — причем многие как сыр в масле катаются благодаря умению устраивать мастерские фокусы (что и в местах, расположенных далеко от моря, — не редкость). Однако, по достоверным данным, есть и кое-что знающие, кое-чем владеющие. Знания и умения не особенно серьезные, но все-таки... И в имперских спецслужбах, и в земной тайной полиции о них есть очень интересные материалы — какое, к черту, шарлатанство...

Так что Сварог терпеливо ждал. Добравшись до них, старец — глаза умные, пронзительные, по-молодому ярко-серые — склонился перед Сварогом, протянув свободную руку к земле. Он явно намеревался отдать земной поклон, но был уже не в состоянии выполнять такие упражнения.

— Не утруждайте себя, почерс*, — сказал Сварог королевским тоном.

Старик с трудом выпрямился и, глядя вполне осмысленно, молodo, сказал звучным баритоном:

* Почерс — «почтенный старец», обращение, принятое у крестьян, вообще в простонародье, у горожан низших Гильдий (прим. автора).

— Приветствую вас в наших убогих местах, светлый король...

Сварог пока что не делал никаких выводов. Это вовсе не обязательно **н а с т о я щ и й** гриот, опознавший Сварога посредством тех самых **у м е н и й**. В конце концов, и в таком захолустье попадаются портреты или бюсты Сварога Барга — скажем, в провинциарии, где старик мог бывать. Есть еще и портреты Сварога, которыми торгуют на ярмарках. Лубки для простого народа, но сходство порой передают довольно точно, хотя встречаются и фантазийные (Сварог даже шутки ради коллекционировал одно время, собрал с полсотни, целую стену украсил в Латеранском дворце, а потом наскучило, перестал).

— Это чудище из янтара, ваше величество, — сказал живописный старик. — Значит, как всегда, нужно ждать Большой Беды. Они всегда были предвестниками Большой Беды. Так что будьте наготове, светлый король...

Его глаза вовсе не горели никаким таким фанатическим огнем, как у иных полубезумных пророков, о которых Сварог читал, его голос звучал ровно и спокойно, словно старик говорил о самых что ни на есть бытовых вещах: виды на очередной улов, починка сетей... И это, вот закавыка, как-то располагало к нему и никак не позволяло зачислять во что-то вроде сельского юродивого (которых Сварог, в отличие от пророков, несколько раз лицезрел своими глазами).

— О чем вы, почерс? — спокойно спросил Сварог.

— У меня не получится так подробно и учено, как у этого молодого человека, — сказал старик, указав на Оклера. — Он сможет гораздо лучше. Главное, я вас предупредил, ваше величество... Разрешите уж удалиться? Посидеть тянет, ноги совсем плохие...

Сварог кивнул. Старик поклонился и пошел к столпившимся поодаль односельчанам, упираясь палкой в каменную землю не со столь уж и старческой дряхлостью.

— Интересно... — задумчиво сказал Оклер. — Пожалуй что, не шарлатан, а настоящий гриот. У меня есть агентура

кое в каких портах — по должности положено. А главное внимание — Стагару. Так что давно убедился: вокруг морского колдовства, как водится, кружит немало небылиц, но оно есть. Узнать в вас короля он мог... ну, скажем, видевши ваш портрет. А вот того, что я подробнее и лучше него могу рассказать о чудовищах из янтара, о бычньй человек знать никак не мог. Да, это несомненный гриот, надо будет взять на заметку, у меня на них картотека, как и на многое другое, связанное с морем...

— И что же это за чудовища из янтара такие? — спокойно спросил Сварог.

— Рассказывать придется довольно долго... Может, сначала вы взглянете на эту тварь вблизи, пока ее не увезли наверх ученые? Или она вам неинтересна?

— Все даже наоборот, — сквозь зубы сказал Сварог. — Не могу я пренебречь тварью, которая нагрязнула на мои земли и напала на моих подданных... Что-то у вас вид, полное впечатление, стал чуточку виноватым. Верно?

— Простите уж, мой король... — сказал Оклер. — Я ведь, вашими милостями, еще и земной дворянин, так что... Это эгоизм, конечно, так думать, но я чуточку рад, что оно выползло здесь, а не на нашем Сегуре.

— Да ладно, — сказал Сварог. — По-человечески понятно, я бы тоже радовался, выползи оно, скажем, в Лоране — и даже не чуточку... Пойдемте?

Они зашагали по широкой улице меж добротных домов, как две капли воды похожих на домовладения зажиточных крестьян — да, небедная деревня... Правда, со своей спецификой: нет ни хлевов, ни огородов. Из живности только собаки да домашняя птица — создания, которые могут прожить и на этих бесплодных землях, потому что человек прокормит.

Когда они оказались уардах в двадцати от исполинской бурой туши, на Сварога нахлынула сильная, густая волна — если рассудить не вонь, но крайне неприятный запах — оттого, что он казался настолько

чужим, не похожим ни на что знакомое, вообще словно бы не принадлежащий этому миру. Сварог невольно поморщился.

— Ох, простите, я не подумал... — сказал Оклер, двумя пальцами достал из нагрудного кармана черный решетчатый диск размером с серебряный спестерций, протянул Сварогу. — Положите в карман. Это, упрощенно объясняя, респиратор.

Сварог опустил диск в карман — и моментально перестал ощущать какие бы то ни было запахи, любые. Он заметил, что людей в синем вокруг чудища осталось наполовину меньше, да и оставшиеся, такое впечатление, уже работают без прежнего прилежания, словно работа подходит к концу.

Обошел тварь кругом, переступая через поломанные балки, черепицу и тому подобные следы разрушения. Повернулся к неотступно сопровождавшему его маркизу:

— Что-то я не вижу на нем никаких следов... Инфразвуком били?

— Ну да, — кивнул Оклер. — Чтобы биологи не ныли потом, что им привезли ошметки. Оказалось, и на него инфразвук отлично действует. Правда, времени это отняло чуточку больше, чем следовало бы. То ли у него, как порой с животными случается, сердце более одного, то ли панцирь какое-то время защищал...

Оглядевшись, Сварог подобрал с земли обломок бруса длиной примерно в уард и без малейшей брезгливости — и не такое приходилось проделывать — сильно постучал по шестигранным пластинам, оказавшимся при ближайшем рассмотрении размером с тарелку. Ну да, судя по глухому костяному стуку, это действительно была не чешуя, а панцирь, наподобие черепашьего, только гораздо толще.

Подошел к тому, что с некоторой натяжкой можно было назвать головой. Собственно, головы как таковой не имелось — просто впереди часть туши словно бы срезана, широкая пасть ощерилась двумя рядами изогнутых

желтых клыков, а выше — буркалы (нисколько не заслуживавшие звания глаз), с кулак величиной, мутно-серые, потухшие, числом четыре. Сварог невольно чуточку передернулся.

— Мерзость какая, — сказал он с чувством. — Пойдемте? Расскажите, что имел в виду старик. Вон там даже присесть можно...

Они присели на серый, нагретый солнцем камень неподалеку от крайнего дома — сразу видно, чертовски старый, вросший в землю, выщербленный, но все же сразу позволявший судить, что это дело человеческих рук. Некогда камень, близкий формой к обычному брусу, был довольно тщательно отесан. И более всего походил на единственное, что осталось от стоявшей здесь во времена почти былинные древней крепости — видывал Сварог нечто подобное.

Он закурил и вопросительно глянул на Оклера.

— Подобные твари не впервые появляются, всякий раз разные, — сказал маркиз. — У них есть длинное научное название — ученых ведь хлебом не корми, только дай приспособить к чему угодно длинное научное название, без этого им и жизнь не мила... Есть там и слова «неизвестной природы» — потому что за восемьсот лет так и не доискались, откуда они берутся, в то время как им совершенно не положено б ы т ь... Ну, а земные книжники и люди вроде этого гриота их еще в старые времена прозвали «чудищами из янтара». Вам доводилось видеть куски янтара с замурованной в них разной живностью вовсе уж древних времен... собственно, из тех периодов, которые книжники именуют «до начала времен»?

— Конечно, — сказал Сварог. — И не только здесь. Там, откуда я... пришел, тоже хватало такого янтара.

Подробностями семейной жизни он делиться не стал, хотя они были совершенно приличными. Пару месяцев назад Яна всерьез увлеклась коллекционированием янтара с древней живностью. Сама она ни о чем таком не просила, но чего не сделаешь для очаровательной супру-

ги, крайне терпимо относившейся вдобавок к иным его в ы х о д к а м. Пришлось поставить задачу Интагару, и в сжатые сроки появился целый отдел тайной полиции, прочесывавший антикварные лавки и надзиравший за янтарными месторождениями.

— Научно обоснованной версии до сих пор нет, — сказал Оклер. — Самая правдоподобная, как говорит профессор Марлок, — они неким загадочным образом попадают к нам с Соседних Страниц. Нечто вроде того случая, когда открылись некие врата, и к нам ворвались очаровательные пиратки из некоего Коргала... ну, вы эту историю знаете лучше меня, вы ведь были даже не очевидцем — участником... В общем, у нас нет научно подтвержденных версий. Книжники очень быстро выдвинули свою: все эти твари — з д е ш н и е. Они много, много лет спали в некоем янтаре, подобно всем этим ящеркам-бабочкам, которыми торгуют антиквары. А потом отчего-то проснулись... — он ухмыльнулся. — А вот дальше... Как частенько случается и с земными учеными, и с нашими, объяснений предлагается десятка два, самых разных, и автор каждого уверен, что только он прав, но никто ничего не в состоянии доказать... Ни мы, ни они. Правда, у нас есть одно-единственное небольшое преимущество: мы точно знаем, что это невероятно древние твари, считавшиеся вымершими. Правда, это ничему не помогает и ничего не объясняет...

— Так, — сказал Сварог. — Давайте-ка с самого начала и по порядку. Чувствую, история длинная...

— Да, это тянется больше восьмисот лет... Собственно говоря, началось гораздо раньше, но когда именно, мы не знаем. Почему-то подробно описывать эти случаи и сохранять туши стали только восемьсот лет назад — но в одном из первых отчетов мельком упоминается, что «такое случается далеко не впервые». Самая старая известная нам книга, в которой впервые упоминаются чудовища из янтара, написана более трех тысяч лет назад, это установлено точно. Никто не знает, почему всерьез

за изучение тварей взялись только восемьсот лет назад — ну, мы с вами не юные кадеты, прекрасно знаем, что бюрократическую логику даже самых серьезных контор порой постороннему понять невозможно... В общем, так получилось. Сегодняшняя тварь — девятая по счету. Трех палеонтологи идентифицировать так и не смогли... Впрочем, это можно объяснить и тем, что в их распоряжении сейчас — бранные окаменевшие останки далеко не всех разновидностей древней фауны. Зато остальных шестерых они определили влет — как и этого красавца, практически в минуту, — он кивнул в сторону деревни. — Разумеется, есть длиннющее научное название. А если без него — древний морской хищник, обитавший на не-больших глубинах и вымерший не позднее полумиллиона лет назад, еще во времена, когда наши предки бегали по Сильване в шкурах и с каменными топорами, а здесь обитали Изначальные...

Сварог вспомнил Землю — точнее, одну из любимых книжек своего детства. Ученый мир считал, что рыба целакант вымерла миллионы лет назад — а потом оказалось, что вымирать она и не думала, все это время обитала не на таких уж больших глубинах, в таких количествах, что местные афроамериканцы прозаически торговали ею на базаре, как какой-нибудь селедкой, а колючую шкуру использовали вместо наждачной бумаги. Были и другие подобные примеры...

— Послушайте, — сказал он. — А не могло ли все же оказаться так, что считавшиеся вымершими древние животные все же сохранились где-то в укромных уголках? В моем мире был не один случай...

Оклер прищурился:

— А н а с к о л ь к о в вашем мире был изучен океан?

— Честно говоря, поверхностнейшим образом, — вздохнул Сварог.

— Вот видите. У нас все обстоит совершенно иначе. Вы ведь в силу обеих ваших должностей должны знать, что в свое время океан был форменным образом п р о ч е с а н?

(Сварог кивнул.) Ну вот... Буквально прочесан самым тщательнейшим образом. Ни одно не то что крупное животное вроде этого, а и совсем мелкие тварюшки не могли не остаться незамеченными. Я говорил со специалистами. Они заверяют, что науке неизвестны не то что бессмертные, но и чрезвычайно долго живущие представители фауны. Отсюда вытекает: чтобы сохраниться столько лет, нужно воспроизводство особей, а это требует их изрядного количества. Они клянутся честью и научной репутацией: сохраниться где-то в потаенном уголке эти твари никак не могли — потому что в н а ш е м мире нет таких потаенных уголков. И потом... Как я уже говорил, твари всякий раз р а з н ы е. И в один потаенный уголок наука категорически не верит, а уж в девять... Наука порой заблуждается, но, по-моему, сейчас не тот случай — я давно освоился в должности, груду материалов переворошил... Они приходят откуда-то из других миров... или, если поверить на слово книжникам, долго спали в некоем янтаре, а потом неизвестно почему проснулись...

— Ну ладно, — сказал Сварог. — Не будем углубляться в дебри, где точных доказательств нет, а есть лишь гипотезы, версии и предположения... Давайте о конкретике: как, почему... Тьфу! — он улыбнулся чуть смущенно. — Конечно же, «почему» никто не знает. Думаю, значительно лучше обстоит с «как»?

— Да, вот именно. Итак... Как я уже говорил, девять «явлений». Причем сегодняшнее буквально выламывается из существующей статистики... да, вот так. Кое-какие статистические данные имеются. Твари всегда появлялись раз в столетие. Не в тот же самый день, не в тот же самый месяц, но непременно — раз в столетие. Частота появлений хаотична — это может быть начало века, середина, конец, другие периоды. Но до сегодняшнего дня присутствовала железная закономерность — раз в столетие. Естественно, эту закономерность только выявили, а объяснить не могут. Да, человеческие жертвы случались не всегда: в четырех случаях их удавалось обнаружить

еще в море, довольно далеко от берега. Трех прикончили, четвертого по настоятельным просьбам ученых взяли живьем, силовыми полями. И никакой ясности это не внесло: очередное морское животное, считавшееся вымершим чуть ли не миллион лет назад. Прожило в аквариуме лет двадцать, потом сдохло, скорее всего, от старости... А сегодняшний случай... Понимаете, если можно так выразиться, лимит для нашего столетия уже выбран. Предпоследняя тварь объявлялась несколько лет назад, в первое десятилетие нашего века. Впервые за восемьсот лет — в т о р о е...

— А что старикан имел в виду под Большими Бедами?

— И это — сложный вопрос... — протянул Оклер. — Книжники старых времен, как ни грызлись по другим деталям, сходились в одном: появление «чудовища из янтара» непременно предвещает какую-то большую беду. Не то чтобы непосредственно сразу — но Большая Беда обязательно грянет...

Сварог с любопытством спросил:

— И что, никто не пытался это проверить научными методами? Той же статистикой? Сопоставлением событий?

Оклер усмехнулся словно бы с некоторой печалью:

— То-то и оно, что пытались. Уже на моей памяти, когда я еще служил в Серебряной бригаде, лет сорок назад. Один молодой эксперт загорелся и в нерабочее время занимался этим месяца полтора. Именно что сопоставлял даты и события. В семи случаях из восьми и в самом деле после появления твари случалось что-то, заслуживавшее именованья Большой Беды. Извержение вулкана, считавшегося, как и все таларские, беспробудно спящим тысячи лет. Погибли два городка и дюжина деревень, число жертв составило более двадцати тысяч — лава, каменный дождь, облака удушливых газов... Знаменитый Великий Пожар в Андилатене. Человеческих жертв было, в общем, немного, но большой, красивый и богатый город выгорел начисто, за триста лет так и не вернулся к прежнему

состоянию. На Таларе он считался третьим по красоте после Латераны и Сегулы. Погибла картинная галерея, которую снольдерские короли — те из них, кто всерьез интересовало искусством, — собирали лет четыреста, вторая по величине и количеству древних книг и рукописей, порой уникальных, библиотека. Да много чего еще... Наконец, Гаримфельская война — она считается самой долгой и кровопролитной войной столетия. Ну, и еще пять случаев, подходящих под ту же категорию. Я не буду рассказывать подробно — проще сбросить вам все материалы... на что вы безусловно имеете право по службе. Никакой закономерности на сей раз нет — временной интервал после появления очередной твари и до очередной Большой Беды колебался от нескольких дней до нескольких недель и нескольких месяцев...

Сварог невесело усмехнулся:

— Судя вашему тону и выражению лица... Что-то мне вешует: начальство и научные круги гипотезу не приняли?

— Угадали, — столь же невесело ответил маркиз. — Ученые заявили, что восемь случаев — слишком мало для вывода закономерности. Лучше бы двадцать восемь, и совсем хорошо — сто двадцать восемь. Говорили, что за эти восемьсот лет произошло десятка три событий, подходящих под категорию Большой Беды, но никак не связанных с появлением тварей — и в этом был свой резон... Напомнили, что — уже гораздо позже, касательно последнего случая — э т о появление твари не вызвало ничего, отдаленно напоминавшего бы Большую Беду. Парню сломали карьеру в научном отделе Серебряной бригады. Мы и тогда были хорошо знакомы, и сейчас поддерживаем дружеские отношения. Он сейчас работает в Технионе у профессора Марлока — но, по мнению некоторых, далеко не на той должности, какой заслуживает. Можете с ним встретиться, если хотите.

— Посмотрим... — сказал Сварог. И сразу же вспомнил Каниллу, те причины, по которым ее выставили из Лицея. — Ваш друг был слишком горяч, а? Слишком

рьяно отстаивал свою гипотезу? Так, что сановитым ученым мужам это категорически не понравилось?

— Значит, вы что-то знали? — удивленно вытаращился на него Оклер.

— От вас первого слышу, — сказал Сварог, и криво усмехнулся. — Просто немного знаком с поведением в подобных ситуациях сановитых ученых мужей — и здесь, и за облаками. Стандартно себя ведут сановитые ученые мужи. У меня в Трех Королевствах сидит за колючей проволокой один такой корифей науки — не стал размениваться на интриги, подослал к «молодому и горячему» наемных убийц. Я вам как-нибудь потом расскажу, если вам будет интересно. А сейчас... Что там в одном случае из восьми, когда никакой Большой Беды так и не случилось?

— Это предпоследний, — сказал Оклер. — В шестом году, за два неполных года до вашего появления здесь. Ровным счетом ничего Б о л ь ш о г о не произошло. — Он широко улыбнулся: — Нельзя же считать Большой Бедой ваше появление здесь? По-моему, как раз наоборот. Наконец вы появились через д в а года после твари. Интервал меж тварью и Большой Бедой никогда не затягивался так надолго. Самый длинный — семь с лишним месяцев. Так что скептики, увы, в чем-то и правы: ничего не произошло...

— Не произошло... — медленно повторил Сварог.

Некая заноза засела у него в подсознании. Шестой год текущего столетия определенно с чем-то ассоциируется. Если, подобно тому парню, сопоставить даты...

— Маркиз, — сказал он, чувствуя, как внезапно пересохло в горле. Когда именно появилась та, предпоследняя тварь?

— Числа я, простите, точно не помню. Но месяц могу назвать со всей уверенностью: фион. Кажется, конец фиона... впрочем, можно сделать запрос, если вам нужно точное число.

— Не строит, — сказал Сварог.

По спине у него прошел легкий холодок. Конец фииона пять тысяч пятьсот четвертого года. Это на з е м л е ничего не произошло. А вот за облаками... Через несколько недель, в Квинтилии, на Сильване с Яной едва не произошло нечто, безусловно положившее бы начало тому, что заслуживает названия Большой Беды — с непредсказуемыми последствиями и для нее самой, и для всей Империи. Вот только знают об этом считанные люди — имеются в виду те, кто остался на свободе в прежнем своем состоянии. Десятка три знающих из тех, кто попроще, свободы никогда уже не увидят. Значит, вот так. Девять из девяти, а не восемь из девяти...

— Лорд Сварог... — с некоторой тревогой произнес Оклер. — Что такое? У вас вдруг лицо стало... не знаю, как и назвать.

— Да так, глупости, — сказал Сварог насколько более естественное, моментально придав лицу выражение полного спокойствия. — Просто мелькнула одна шалая догадка... Точнее даже, тень догадки, которую еще нужно обдумать, чтобы не выглядеть потом дураком. Что ж, интересная тема. Правда, нет причин заниматься ею всерьез и немедленно. Пока что никакой особенной угрозы для Талара — и уж тем более для Империи. Я кое с кем поговорю, чтобы мне подобрали все старые книги, где говорится о тварях и Больших Бедах...

— Нет никакой необходимости, лорд Сварог, — живо ответил Оклер. — Граф Себедер — тот самый мой добрый знакомый, что связал тварей с Большими Бедами, — в свое время собрал абсолютно все книги, о которых вы говорите. И перевел в электронный вид. Архиву Серебряной бригады они оказались не нужны ввиду известного финала этой истории, но все материалы, я точно знаю, Себедер держит в своей библиотеке. Не думаю, чтобы пришлось его особенно уговаривать сбросить вам копии. Это гораздо проще. Хотите, я сразу же с ним свяжусь, когда покончу

со всем этим, — он мотнул подбородком в сторону деревни.

— Вы бы мне сделали большое одолжение, — сказал Сварог.

Оклер махнул рукой:

— Я всего лишь смогу вас хоть чуточку отблагодарить за все, что вы для меня сделали... Ага! — радостно воскликнул он, уставясь в небо. — Летят ученые мужи, видите виманы? Значит, все кончится самое большое через полчаса, и я тут же свяжусь с Себедером. В успехе уверен заранее — у меня до сих пор остается впечатление, что он и сейчас охотно бы к этой теме вернулся, а уж когда он узнает, что этим заинтересовались вы... Наверное, лучше будет отослать все на ваш компьютер в девятом столе?

Он ничего не стал добавлять, но, судя по тонкой улыбке, вполне разделял чуточку ироническое отношение к восьмому департаменту, в последнее время возникшее среди некоторых серьезных людей.

— Еще лучше будет отправить все на мой компьютер в Латеранском дворце, — сказал Сварог. — Я сейчас лечу туда, там и останусь до завтра — дела накопились...

— Как скажете! — с энтузиазмом выпалил Оклер.

...Когда самолет взлетел на автопилоте и взял курс на Латерану, Сварог откинулся на мягкую спинку кресла и, как частенько в минуты тягостных раздумий, включил Тарину Тареми.

Кто-то мог не верить, но ему и в самом деле успокаивал нервы этот голос с легкой неповторимой хрипотцой...

*— Несчитанные дни, немыслимые дали
остались позади, а край все непочат.
Как много мы сожгли, как мало мы создали
По милости людей, которые молчат...*

Нельзя сказать, что он отнесся к появлению непонятного чудища совершенно равнодушно — но и особой

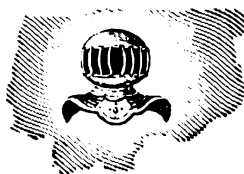
тревоги не испытывал. Не видел поводов. Все зависит от того, о т к у д а смотреть на события — с поверхности земли, с холма, с высокой горной вершины...

И как король королей, и как глава двух имперских спецслужб, он не усматривал во всей этой тянувшейся во-семьсот лет истории г л о б а л ь н о й угрозы, всепланетного катаклизма вроде Шторма или Вьюги (кстати, нужно наконец посмотреть сохранившиеся материалы по Вьюге, вдруг да отыщется нечто полезное). Даже если допустить, что правы были старинные книжники — и пользовавшийся их трудами граф Себедер — и в с я к о е появление Чудища-из-янтара непременно влечет за собой Большую Беду — все дело в масштабах, если можно так выразиться. Большая Беда, да, безусловно — но никак не глобальная катастрофа. И потом, ничего нового. Извержения вулканов и прежде случались, и в паре случаев — как моментально подсказал ему получивший соответствующий запрос компьютер — жертв и разрушений было даже больше, чем в том, что последовало за появлением чудовища, вымершего до начала времен. Гаримфельская война была самой долгой и кровопролитной исключительно для своего столетия — но не для пяти последних тысячелетий. Великий Пожар в Андилатене — опять-таки не уникален, случались и побольше, лет пятьсот назад из-за лесных пожаров практически полностью выгорела целая провинция — восемь городов, десятка четыре деревень, верфи и мельницы, пороховые склады и лабазы купцов, речные корабли. Исполинский марен, когда-то буквально сровнявший с землей немаленький портовый город Арчелат (около сорока тысяч погибших, убытки оценивались в миллионы ауреев золотом) тоже был не единственным. Так обстояло и со всеми прочими трагедиями. Уникальным был разве что случай с Яной.

Одним словом, нет причин бить в колокола и поднимать на ноги многочисленные рати гвардейцев и сыскарей. Еще и потому, что невозможно предсказать, когда и где грянет очередная Большая Беда, что она такое будет...

Есть гораздо более серьезные причины пусть не для тревоги, но для самого скрупулезного расследования с участием немалого количества как таларских, так и имперских сил, самых серьезных контор. Замок герцога Латери. Загадочное г н е з д о всего-то в сотне лиг от Латераны. Явственно обозначившийся след Черных Алхимиков, о которых успели подзабыть и считали вымершими или, подобно множеству черных таларских колдунов, сбежавшими в неизвестные д р у г и е миры. Нечисть отнюдь не мелкая, занимает одно из первых мест в «черных списках» как Багряной Палаты, так и имперских спецслужб. К тому же — замок недоступен для хелльстадских систем наблюдения (и для имперских тоже, Сварог из педантичности проверил). Вот на что в первую очередь следует бросить все силы...

Глава IV

БЕЛОСНЕЖНАЯ ТАЙНА

Сейчас мэтр Анрах — как случалось уже прежде — крайне напоминал печального старого филина, уставшего от всего на свете, в том числе и от себя самого. Понуриясь, уперев взгляд в заваленный фолиантами в потертых кожаных переплетах стол, он угрюмо молчал. За спиной у него высились полки, набитые такими же фолиантами — библиотека Вентордерана, где мэтр порой засиживался сутками, да вдобавок работал в имперских книгохранилищах. Сварог старался компьютеризовать свою команду, насколько возможно. Вслед за Интагаром компьютер получил и мэтр Анрах, как ни противился, Томи недели за две обучила его простым операциям — работать в электронных библиотеках и поддерживать связь со Сварогом. А Сварог снабдил кодами допусков в иные не самые засекреченные, но недоступные рядовому пользователю архивы. Пока что особой выгоды это не принесло, но нужно же заглядывать вперед и делать заделы на будущее...

Наконец мэтр поднял усталые покрасневшие глаза и сказал с некоторой виноватостью:

— Увы, ваше величество... В том, что я до нынешнего времени перелопатил, ни единым словечком не упоминается о н е о б ы ч н о м янтаре...

— Не переживайте так, мэтр, — мягко сказал Сварог. — Вам попросту не в чем себя винить. Что поделать, если ни единого упоминания нет... И вот что... Вам лучше бы лечь и выспаться. Вы работаете на износ, с первого взгляда видно.

— Я привык, — упрямо сказал мэтр Анрах.

— И все же ваши годы... — еще мягче сказал любивший старика Сварог. — Я моложе и крепче вас, но и за мной, скажу по секрету, уже давненько ходят по пятам врачи, твердя о переутомлении, работе на износ, точнее, о ее вреде, о необходимости отдохнуть... — он подпустил в голос немного королевского металла. — Мэтр, вы же бывший гвардейский кавалерист, привычку к дисциплине сохранили до сих пор, Король вам приказывает идти и выспаться. Иначе... Простите великодушно, но, честное слово, если вы не подчинитесь приказу, если мне об этом доложат из Вентордерана, я пошлю слуг, чтобы насильно увели вас из библиотеки и дали надежного снотворного. С этими золотыми болванами спорить бесполезно, вы сами давно убедились. Я вам приказываю, мэтр!

Сработало. Старик подтянулся, распрямив плечи, прямо-таки отчеканил:

— Будет исполнено, ваше величество!

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Рад, что и на сей раз я в вас не разочаровался. Впрочем, я никогда в вас не разочаровывался, уверен, так будет и впредь... До свиданья.

Он отключил канал Анраха, но остался на связи с Вентордераном. Вызвал Мяуса и кратенько его проинструктировал. Как многие старики, мэтр Анрах педантичен и стоек в бытовых привычках. Перед сном он всегда выпивает стаканчик сока синей малины, на который в свое время Сварог его форменным образом подсадил, да и

сам подсел — врачи утверждают, что это вкусное питье обладает и некоторыми целебными способностями. Прежде чем мэтр доберется до спальни, в стаканчик трудами Мяуса уже будет подлита некая жидкость без вкуса и запаха — эликсир, гарантирующий Анраху часов двенадцать здорового крепкого сна — при полном отсутствии вредных последствий. Очередное полезное творение имперских фармацевтов, ага. Мэтру необходим отдых, на него смотреть жалко...

Отключив экран, Сварог посмотрел на Интагара с неммым вопросом в орлином королевском взоре. Верный бульдог сидел так, что экрана видеть не мог, но разговор слышал прекрасно — и потому немой вопрос истолковал совершенно правильно. С тем же сокрушенным видом, что у Анраха, развел руками:

— Я задействовал всех, кого мог, государь, вплоть до морской разведки и таможенников. Никто в жизни не слышал о н е о б ы ч н о м янтаре... возможно, оттого, что никто никогда не озадачивался поисками какого-то необычного янтара. Да и обычным никогда не занималась тайная полиция. Не ее головная боль. Незаконными добытчиками занимается сыскная, а контрабандистами, кроме таможенников, еще и контрразведка — контрабандные тропки частенько используют иностранные шпионы. Когда-то и тайная полиция эти тропки держала под присмотром — их пользовали еще и окопавшиеся за границей мятежники-заговорщики. Но это было давно, — он усмехнулся, что его бульдожьей физиономией не сделало краше, наоборот. — Давненько уж сбежавшие за границу всевозможные бунтовщики крайне измельчали, резко уменьшились в количестве, и денег у них мало. А контрабандисты проведут своими тропками хоть черта с рогами — но за хорошую плату. Без денег на их тропинках делать нечего. Ох, простите, я, кажется, отвлекся — у меня, откровенно признаюсь, домашние сложности, голова не тем забита...

— Ничего страшного, — сказал Сварог. — Все равно главное вы уже сказали. Ну что ж... остается повторить то, что я только что ответил мэтру: не стоит себя виноватить. Вы не виноваты, что необходимой нам информации нет. Существой она где-то в доступности, такие люди, как Анрах и вы, оба таланты на свой манер, что-то да отыскали бы... — он откинулся в кресле, закурил. — Да, а что там насчет герцога Латери?

Интагар вновь развел руками:

— В е с т и в его замок моего человека попросту нереально. Видите ли, все дело в сложившихся традициях. И те, кто что-то замышляет, подобно герцогу, и люди, совершенно ни в чем не замешанные, поступают одинаково: замковую прислугу набирают исключительно из жителей подвластных им поместий. Это весьма практично. Городской вольный слуга сплошь и рядом — птица перелетная. Может обокрасть хозяина и сбежать, что не так уж редко случается. Другое дело — человек с в о й. Он как бы врос корнями в землю. Его предки многими поколениями обитали в этих местах, у него семья, куча родственников. Да и спрос со с в о е г о строже, в особенности если он не фригольдер, а крепостной. Конечно, и с в о и порой... откалывают всякие фокусы, но неизмеримо реже, чем городские слуги. Я не отклоняюсь от темы, государь, я просто хочу подробно объяснить вам систему, сложившуюся традицию, которая нам связывает руки...

— Я все понял, — кивнул Сварог. — И что же, совсем ничего нельзя сделать?

— Ну почему же? — Интагар словно обрел полную уверенность в себе. — На такой случай давным-давно разработаны соответствующие методы. Особенно эффективные, когда речь идет о персонах вроде нашего герцога — богачах, магнатах, окруженных толпой дворян-приживальщиков, имеющих обширные знакомства среди благородных соседей, близких и дальних, часто задающих балы, на которые съезжается множество гостей — которые к тому

же часто ездят в гости и поодиночке. Метод несложный, но всегда давал хорошую отдачу. Все это многочисленное окружение к л и е н т а тщательно изучается, как показал многолетний опыт, всегда найдется слабое звено. Тот или та, кто согласится нам стучать прилежно, как гвардейский барабан поутру, бьющий побудку. Способов добиться этого немало — деньги, шантаж, обещание карьеры, хорошего места, еще всякое... Впрочем, такие детали вам наверняка не нужны, государь?

— По-моему, совершенно не нужны, — сказал Сварог. — Вникать еще и в них — получится суший «синдром штурвала»...

— Простите, что?

— Пустяки, — Сварог небрежно махнул рукой и, чтобы не пускаться в совершенно ненужные объяснения, добавил: — Есть одна подзабытая старая поговорка... Сколько времени занимает такое вот... мероприятие?

— Несколько недель... а то и пару месяцев. Тут нужно работать филигранно, если хочешь иметь надежного, качественного «барабана». Тщательнейшим образом его изучить, чтобы не стал двурушником, не выложил все тому, за кем его подражают следить.

— Ну, в таком случае... — сказал Сварог. — И не начинайте никакой разработки. Не тот случай. Я с этим делом собираюсь покончить как можно быстрее.

— Штурм в а ш и м и силами?

— Ценю я ваши золотые мозги, Интагар... — усмехнулся Сварог.

— Ну, не так уж трудно было догадаться, — скромно потупился Интагар. — Вариантов мало. Если не внедрение агента, то штурм...

Сварог кивнул. Сегодня с утра штабисты Серебряной бригады и офицеры обоих подчиненных ему спецназов засели за планирование штурма, каковой намечалось произвести в самом скором времени. Дело привычное для всех — разве что операция получится даже более масштабной, чем вторжение в Гартвейн. Для вящей на-

дежности, чтобы в замке не успели уничтожить нечто уличающее, спецназ должен был ворваться в каждую дверь, в каждое окно, не озабочиваясь запорами на дверях и наличием в окнах стекол.

— А впрочем, и у вас будет свой участок работы, Интагар, — сказал Сварог. — Брать герцога будете именно вы. У вас много опытных людей, уж к э т о м у не стоит привлекать кого-то... со стороны.

— Вы уже наметили какой-то план, ваше величество, или этим заняться мне?

— Наметил, — сказал Сварог. — В ближайшие дни я лишу его титула камергера, снова объявлю опалу и велю немедленно удалиться в свое поместье. По дороге ваши ребята его и возьмут. Это, по-моему, эффективнее, чем врываться к нему в дом?

— Безусловно, государь. В особенности если это проделать уже за городом, на некотором отдалении от застав. Примеров хватает. Покинув город, человек расслабляется, ему кажется, что самое скверное позади, его охрана — а у герцога она есть — тоже чуточку утрачивает бдительность... Дело знакомое.

— Вот и отлично, — сказал Сварог. — А что там с этим герцогским маркизом... как, бишь, его?

— Маркиз Гибер. Имена у них там, в провинции... Наблюдение за ним неустанное. Из шести слуг, которых он нанял, когда снял дом, четверо — мои люди. И повар тоже.

— А повар-то зачем? — с любопытством спросил Сварог. — Он-то что может подсматривать и подслушивать со своей кухни?

— Все просто, государь. И здесь примеров хватает. Иногда, чтобы кого-нибудь арестовать, нет смысла врываться в дом целой оравой. Все зависит от обстоятельств. Иногда проще подлить в питье доброго снотворного или подсыпать его в еду. Здесь как раз тот случай. Маркиз, как выяснилось, обожает грог по-пачальски и перед сном хлебывает приличных размеров чару. Которую ему всег-

да приносит повар, большой умелец такой грог делать. Порошки и эликсиры без вкуса и запаха есть...

— Совсем хорошо, — сказал Сварог. — Снабдите повара... — он жестко усмехнулся, — особыми ингредиентами, делающими грог особенно оригинальным на фоне традиционной рецептуры. Брать его, я думаю, лучше всего в ночь, предшествующую тому дню, когда герцог получит приказ покинуть столицу. А если перед отъездом герцог пошлет к нему людей... Придумаете что-нибудь на этой случай?

— Легко, — так же жестко усмехнулся Интагар. — Маркиз обожает шляться по дорогим борделям и дорогим девкам-надомницам, часто там и ночует. М о и лакеи так и объяснят... а двух посторонних мы для надежности в ту же ночь п о д б е р е м. Что-то еще, ваше величество?

— Да нет, пожалуй, — сказал Сварог, подумав. — Наступил тот блаженный момент, когда не предвидится никаких срочных дел, и в дверь никто не ломится с тревожными вестями. Благодать... Так что теперь самое время поговорить о делах неслужебных. Вы тут мельком упомянули, что у вас домашние сложности. Что там? Если нужно, всегда помогу, вы же знаете...

— Да нет, помощь не нужна, государь, — досадливо поморщился Интагар. — Не тот случай. Вчера ко мне появился один гвардейский лейтенант при полном параде, по всем правилам попросил руки младшей дочери. Велеретта, когда я с ней об этом заговорил, согласилась так, словно этого ждала...

— В чем же здесь домашние сложности? — спросил Сварог с искренним недоумением. — Или за ним что-то такое неприглядное числится? Вы ведь, конечно же, ментально его проверили...

— Разумеется. Вполне приличный молодой человек, как и жених старшей. Родители не бедные, репутация хорошая, гулеванит, конечно, по-гвардейски, с вином и картами — но в меру, головы не теряет. И с девками не путается.

— Ну, тогда я решительно не понимаю, в чем тут сложности...

Интагар печально сказал:

— То же самое, что и в прошлый раз. Очень уж быстро Велеретта согласилась, очень уж обрадовалась, хотя и пыталась это скрыть. Полное впечатление, что знала заранее. Значит, и здесь что-то должно было предшествовать — а я снова упустил, недосмотрел, хотя принял кое-какие меры...

Знаю, подумал Сварог не без веселости. Давно засекли мои парни твоих плотно обложивших Велеретту шпиков. Вот только и вам, любезный Интагар, в «Медвежью берлогу» щупальцы ни за что было не запустить...

Он не сомневался, что Интагар испытывает искреннее, нешуточные моральные терзания: великий мастер тайного сыска просмотрел что-то серьезное, казавшееся его собственных дочерей. В самом деле, жестоко уязвленная профессиональная честь должна рыдать горючими слезами...

— Бросьте вы терзаться, Интагар, — сказал он уверенно. — В конце концов, все кончилось превосходно: обе дочери помолвлены со вполне приличными молодыми гвардейцами, завидными женихами...

— Так-то оно так... А если бы дела пошли не так благополучно? А я не досмотрел...

— Но ведь не случилось ничего скверного? — сказал Сварог. — Да и не могло случиться, я уверен. Открою секрет: по данным уже моей полиции, ваших дочерей, когда они попали ко двору, словно окружала невидимая броня. Никто из вертопрахов, из-за которых с молодыми девушками порой случаются... скверные истории, не решался к ним приблизиться. Зная вашу репутацию добряка и гуманиста... Даже наш славный герцог Лемар опасался за ними ухаживать...

— Вот кого бы я в первую очередь, чуть что... — проворчал Интагар. — Хотя... Должен признать, вы в чем-то оказались правы, государь. С тех пор, как у него нача-

лись... отношения с маркизой Томи, он начисто забросил прежние потаскунские привычки. К моему несказанному удивлению.

— Ну, всякое в жизни случается, — сказал Сварог. — Поблудил с величайшим размахом, но потом встретил девушку, которой не тянет изменять... Не он первый, не он последний. Бывает.

И подумал с некоторым стыдом: черт, Лемар, получается, оказался в чем-то лучше меня. Я-то собирался хранить Яне верность, но случилась «Лазурная бухта». И не надо себя самого убаюкивать сказочками, будто все там происшедшее было поперек души, потому что это получится брехня...

— Оно, конечно, так... — проворчал Интагар. — Вот только других своих старых привычек он не оставил...

— Что, очередная афера?

Интагар мрачно кивнул:

— Как всегда, искусно задуманная и блестяще проведенная. Драгоценности на сорок тысяч ауреев золотом. Очередное уголовное дело завели...

— Ну, вы ведь сможете его у м о р и т ь? — спросил Сварог несколько приказным тоном. — У вас всегда получалось.

— Смогу, разумеется, — сказал Интагар мрачно. — Но как он мне надоед, кто бы знал... Он вам еще долго будет нужен, государь?

И посмотрел со столь горячей надеждой, словно ожидал услышать обратное.

— Увы, увыв... — сказал Сварог. — Долго. Черт его знает, насколько долго, может быть, навсегда, если не потеряет остроту ума... В общем вы уж там сами поработайте, как прежде, я не собираюсь вникать в детали. Что до вас самого... Разрешаю в этом месяце с э к о н о м и т ь пятьсот золотых — у вас две свадьбы на носу, и не стоит делать их скромными. Насчет приданого я сам что-нибудь придумаю. Никак не годится, чтобы они выглядели бесприданницами, взятыми в небедные дворянские семьи.

Я к ним расположен, они хорошие девушки... наверняка благодаря вашему воспитанию (и приложил некоторые усилия, чтобы не рассмеяться, вспомнив обеих девчонок, лихо отплясывавших в Ассамблее Боярышника в платьях, способных довести Интагара до инфаркта). Среди выморочных имений, в последние месяцы отошедших к короне, есть, насколько я помню, парочка подходящих, не больших и не маленьких. Я уточню у главы департамента коронных имуществ... — он решительно поднял ладонь. — Не благодарите, запрещаю. Заслужили... Кстати, оба поместья дают право на баронские титулы, так что замуж ваши дочери выйдут баронессами. Тьфу ты, я же сказал! Не надо делать такое лицо! И так знаю, что вы благодарите от всего сердца, жизнь за меня отдадите и все такое прочее... Заслужили, повторяю. А если хотите сделать мне приятное; принесите из секретера бутылку келимаса и все, что там полагается. Оба можем чуточку расслабиться, благо с тревожными вестями никто не лезет...

Интагар с большим воодушевлением прямо-таки кинулся к высокому резному секретеру в углу кабинета. Мелодично мяукнул компьютер. Протягивая руку к клавише, Сварог подумал с неудовольствием: неужели накаркал? И стряслось что-то, резко нарушающее благодный покой и общение с бутылкой «Старого дуба»?

Определенно те же самые мысли пришли в голову Интагару, так и застывшему посреди кабинета с подносом в руках. Прочитав сообщение, Сварог шумно, облегченно вздохнул:

— Расслабьтесь, Интагар, все в порядке... Это один из моих дежурных в «Медвежьей берлоге». Только что прилетел самолет баронессы... впрочем, с «баронессой Вольмер» покончено. Самолет королевы Хелльстада. Варута уже отправил своих орлов-соколов, так что примерно через квадранс она будет во дворце, — усмехнулся. — Что нам нисколько не помешает разде-

латься с этой славной бутылочкой: в ближайшие пару часов королеве ни до чего и ни до кого не будет дела... Наливайте.

Он не сомневался, что не ошибся в предположениях: где-где, а в Джетараме, поблизости от коего одно из самых крупных на Таларе месторождений янтара, немало антикварных лавок, торгующих янтарем с «вкраплениями». Яна, теща коллекционерскую страсть, провела там весь вчерашний день — в сопровождении не только телохранителей, но и дюжины людей Сварога из оперативников девятого стола, прочесывавших антикварные лавки и «черные базарчики» в поисках того, что Яну интересовало. Джетарам — город большой, и слишком долго ей пришлось бы в одиночку объезжать все грибные и рыбные места...

Они успели осушить по две добрых чарки, когда в кабинет проскользнул заранее предупрежденный статс-секретарь и негромко доложил:

— Королева подъехала к воротам...

— Давайте посмотрим? — весело сказал Сварог, вставая.

Интагар проворно поднялся следом. Два высоких стрельчатых окна Синего кабинета как раз и выходили на главные ворота дворца, на ведущую аллею, обсаженную вековыми липами, помнивших не одного короля и не одно историческое событие (вроде убийства на этой самой аллее лет пятьдесят назад гвардейскими драгунами тогдашнего первого министра — слишком много о себе возомнившего, слишком много рычагов управления государством пытавшегося зацепать. Королю такое головокрушение от успехов очень не понравилось, а гвардейцы поняли туманный намек его величества совершенно правильно, вот и случился досадный инцидент. К сожалению — или к счастью? — флора писать мемуары решительно неспособна...).

В широкие, настежь распахнутые ворота крупной рысью въехала пятерка всадников — Яна в не особенно бога-

том мужском дорожном костюме и четверо ратагайцев. Дворцовые стражники — как обычно, в пышных парадных мундирах — вытянулись, устремив в небо вычурные сверкающие лезвия гуф, — а непринужденно прохаживавшиеся здесь с видом праздных гуляк-дворян тихари военную стойку «смирно» принимать не стали, но подтянулись и дружно поклонились.

— Видели? — фыркнул Сварог. — Тут не двумя часами пахнет. Пожалуй, мы и со второй бутылочкой пообщаемся...

К седлу одного из ратагайцев был приторочен внушительных размеров мешок, вмещавший несколько ведер чего бы то ни было, от картошки до янтаря. Не оставалось сомнений, что поездка была крайне успешной.

Все идущие или едущие к воротам — ими могли пользоваться исключительно благородные дворяне — отшпивали поклоны, кое-кто даже снимал шляпы.

Сварог ухмыльнулся. Прошла уже пара дней с тех пор, как дворец облетела ошеломляющая новость — все узнали о том, что мнимая баронесса Вольмер на самом деле не «смазливая провинциалочка», а королева Хелльстада, то есть законная супруга короля Сварога Барга. Очень быстро новость выпорхнула из дворца и лесным пожаром пронеслась по Латеране — в первую очередь благодаря трудам не дворцовых сплетников, а людей Интагара, из тех, что прекрасно умели как мастерски распускать, так и мастерски гасить любые слухи. «Легализовать» Яну Сварог решил не из пустой прихоти — был у него план, только-только начавший осуществляться — крайне полный для определенной ситуации план...

Разумеется, он никому не собирался открывать, что это — Императрица Четырех Миров. Люди Интагара старательно поддерживали давно уже запущенный другой слух — что король Сварог по очередной прихоти велел подыскать ему девушку, крайне п о х о ж у ю на императрицу.

Никаких осложнений ждать не следовало, а вот юмористический момент уже обозначился. Не далее как вчера к Сварогу неожиданно попросился на прием один из придворных ловеласов, капитан Черных Лучников, рухнул на колени и принялся истово каяться: он имел неосторожность написать баронессе крайне неосмотрительное письмо, но умоляет его простить: он представления не имел, кто она на самом деле такая, считал очередной мимолетной фавориткой, к которой, ходили слухи, король уже начал охладевать. Умолял не губить его молодую жизнь и карьеру — а уж он отслужит, жизни не щадя...

Сварог это письмо читал — Яна, смеясь, тут же принесла ему сей эпистоляр. В самом деле, достаточно вольный — не столь уж и сильно замаскированное, изложенное галантными фразами приглашение в постель — но Сварог, нисколько не чувствуя в себе кипения ревности, не рассердился ничуть. В принципе, не за что было: еще одному мужику понравилась Яна — а кому она не нравилась? В конце концов, бравый капитан упирал исключительно на свои пылкие чувства и пылавшую в его сердце всепоглощающую страсть, денег, как тогда Везунчик, не предлагал. Так что следовало отнестись ко всему философски, что Сварог и сделал — не без труда успокоил пришедшего в панический ужас капитана, поднял с колен, дал королевское слово, что ни малейших репрессий не последует и милостиво выпроводил за дверь, покрутив головой: хорошенькая же у него создалась репутация, если бравый вояка всерьез опасался плахи...

Всадники скрылись из виду — подъехали к парадному крыльцу.

— Пойдемте к столу, Интагар, — сказал Сварог. — Времени у нас — хоть поварешкой хлебай, чувствует моя душа. Такой мешок — это надолго...

А посему король королей и его правая рука, министр тайной полиции, безмятежно расслабились душой и телом. Благо никаких серьезных опасностей на горизонте

не появлялось, а все государственные дела, имевшиеся на текущий момент, были второстепенными и не заслуживавшими личного вмешательства монарха. Неизвестно еще, когда удастся выкроить время для полноценного отдыха, на котором мягко, но методично настаивал доктор Латрок, но в остальном Сварог твердо решил избегать «синдрома штурвала». Все второстепенное уходило через статс-секретаря в его Канцелярию, давненько уж укомплектованную толковыми людьми (сплошь и рядом, подобно герцогу Брейсингему в свое время, молодыми и чертовски перспективными чиновниками, застрявшими на низших ступеньках из-за худородства или отсутствия должных связей) — на таких в свое время велением Сварога и под руководством Интагара устроили форменную облаву по всем подвластным Сварогу землям. Результаты оказались неплохи. Канцелярия больше года работала, как часовой механизм. Правда, самому Сварогу предстояло в сжатые сроки разобраться с герцогом Латери и его хозяйством — тут уж никому не передоверишь...

Правда, и сейчас не удавалось полностью отрешиться от дел. Где-то на середине бутылки они практически одновременно пришли к безусловно светлой идее. Вполне возможно, «необычный» янтарь до сих пор не обнаружили просто-напросто потому, что никогда не искали всерьез, ни имперские спецслужбы, ни таларские, ни ученые книжники. Парочка последних некогда предпринимала поиски (очень уж настойчиво традиция на протяжении тысячелетий связывала янтарь и чудовищ из моря, которым вроде бы не полагалось существовать) — но поиски оказались вялыми, да и серьезных возможностей у книжников не было.

Зато у Сварога их имелось, пожалуй что, в изобилии. А потому после короткого обсуждения было решено: тем сыщикам, что занимаются янтарем, в ближайшее время будут даны подробные инструкции: высматривать любой «неправильный», необычный янтарь, хоть чем-то да

непохожий на уже известный с давних пор. И усилить их людьми из тайной полиции. Труды и расходы невелики, а итог мог получиться и дельным: ну очень уж настойчиво со старинных времен связывают вовсе уж старинных морских чудищ и янтарь. Как показывает опыт, порой подобные вещи оказываются чистой воды баснословием или случайным совпадением, но временами всплывает что-то крайне интересное. Сварог убедился на собственном опыте...

Очень уж надолго маленький банкет не затянулся, и часа через полтора они разошлись, трудами Сварога отрезвленные должным образом. Интагар отправился принимать свежие донесения сыщиков, потаенно обложивших поместье герцога, как лайки медведя, и старательно пытавшихся хоть что-то выведать. Сварог пошел в свои покои.

И обнаружил, что гостиная изрядно преобразилась: стол, за которым для делового совещания или, что уж там, легонького возлияния могла разместиться дюжина человек, отодвинут к стене, как и кресла. Освободившееся место занимали аж четыре стола, каких прежде тут не имелось: низкие, нисколько не подходящие на роль дворцовой мебели: аккуратные, из хорошо струганного дерева, но простые, как две копейки. Ну конечно, Яне ничего не стоило во мгновение ока извлечь из воздуха и более сложные, более габаритные предметы...

Столбы были прямо-таки завалены янтарем, кусками разных размеров — и уже старательно отшлифованными, раздобытыми, несомненно, у антикваров, и совершенно необработанными, мутными, почти что и не похожими на привычного вида янтарь. Яна восседала за крайним слева столом. Подняла на Сварога затуманенные глаза, улыбнулась, кивнула и вновь принялась перебирать добычу, словно бы отрешенная от всего на свете.

Присев в уголке, Сварог разглядывал ее, похмыкивая про себя.

Справа у ее локтя стояла здоровенная серебряная кастрюля, по виду происходившая из дворцовой поварни, наполненная чистой водой. Сварог уже достаточно поднаторел во всем, что касается янтаря, — иное просто и невозможно, когда твоя женщина — лютый коллекционер. И знал, в чем тут секрет.

Гомо сапиенс — изрядный искусник, мастер на все руки. С незапамятных времен подделывает все, что способно принести выгоду.

Как только возник спрос и появились коллекционеры, готовые выложить за редкий экземпляр немалые денежки, начали подделывать и янтарь с интересными «вкраплениями». Благо технология несложная: берется самое натуральное янтарное крошево, плавится, получившейся массой в разного вида формах заливается что-нибудь вполне себе современное — многие жучки-паучки и прочая мелкая фауна ничуть не отличаются от ископаемых, миллионы лет благополучно прожили, ничуть не изменившись. Янтарь застывает, шлифуется — после чего становится как две капли воды похож на древний. Именно из-за этого в те же незапамятные времена появилась традиция: нижнюю часть куска оставляют неотшлифованной, чтобы видно было — янтарь натуральный, дикий камень.

Поддельщики, конечно, очень быстро стали имитировать и д и к о с т ь природности камня. Сугубый знаток чуть ли не с первого взгляда отличит подделку от творения природы — но, помимо знатоков, хватает и невеж с полным кошельком, исполненных самомнения и без всякого на то основания полагающих себя знатоками. Наконец, немало и любителей сувениров, ничуть не озабоченных проверкой подлинности — лишь бы было красиво.

Однако давным-давно открыто безошибочное средство выявлять подделки, никогда не дававшее осечек. Достаточно круто посолить воду, самой обычной солью, сыпануть на такую вот кастрюлю поварешки три-четыре — а то и обойтись мелкой посудой и меньшим

количеством соли. Результат получается мгновенный: натуральный кусок янтара всегда идет на дно, тонет, как утюг, плавленный всегда всплывает. Исключений не бывает. Серьезные коллекционеры и постоянные клиенты известны, им никогда не впаривают подделку — но попадаются и заезжие, которых жуликоватый антиквар видит впервые в жизни и представления не имеет, кто именно перед ним — знаток или простака. А потому не один антиквар получил по зубам, когда его товар тут же, в лавке, проверяли с помощью соленой воды. Мордобой прохвосты принимали безропотно, возмущаться не полагалось: давным-давно в карных кодексах есть и статья о подделке антиквариата. Наказание, конечно, далеко не столь суровое, какое полагается фальшивомонетчикам, но достаточно неприятное. Конечно, всякий, попавшийся на торговле такими вот «антиками», начинает причитать, что сам он, не будучи знатоком, представления не имел, чем именно торгует — а эти вот убедительные на вид редкости продал оптом какой-то незнакомец, сволочь такая — рыжий, косой, зуб со свистом... Вот только моментально следует встречный вопрос: а что же ты, мошенник, не проверил товар соленой водой? Ах, поленился... Кончается все солидным денежным штрафом, а то и отобранием патента на антикварную торговлю...

Все это время, что Сварог наблюдал за Яной, она только как раз бросила в кастрюлю янтарь размером с кулак, отшлифованный по всем правилам, а значит, купленный в лавке. Со своего места Сварог видел, что янтарь моментально пошел ко дну. Удовлетворенно кивнув, Яна его извлекла, обтерла чистой холстинкой, отложила в сторону и принялась за следующие.

Судя по некоторым наблюдениям, дело близилось к концу. Лениво развалившись в кресле, Сварог от нечего делать смотрел, как Яна управляется с добычей — надо сказать, довольно умело и ловко, пару месяцев уже, как ее настиг тот вид легонького психического расстройства,

что именуется коллекционированием — да и консультанты имелись хорошие. Иронизировать над ней не стоило даже мысленно — во-первых, увлечение совершенно безобидное, во-вторых, и сам Сварог подобным переболел менее месяца назад. А до того с полгода старательно собирал помянутые лубки со своим изображением, рассылал агентов по ярмаркам и книжным лакам, самолично указывал лакеям, как лучше развесить новые приобретения. Потом, когда надоело, какое-то время ломал голову — куда все это девать? Изничтожать вещи, имеющие некоторое отношение к искусству, пусть и весьма отдаленное, было бы вандализмом. Он поначалу намеревался отправить все в дальние подвалы Королевского архива, где пылилась груда бесполезного хлама, доставшаяся еще от нескольких предшественников. Но тут поблизости очутилась Канилла и попросила отдать коллекцию ей, что Сварог и сделал с превеликим облегчением. Теперь эти лубки, числом сотни в полторы, служили сомнительным украшением одного из залов «Медвежьей берлоги», где заседала Академия Боярышника.

Яна упоенно трудилась. Создалось даже впечатление, что она пустила в ход заклинание, невидимой стеной отгородившее ее от любых окружающих звуков — есть такие, довольно несложные, из разряда «бытовухи». Проверить это от нечего делать было крайне просто. Сварог сходил в угол за виолоном, поудобнее устроился в кресле и врезал парочку аккордов, довольно громко одарив мир собственным пением.

*— Я по совести укажу
записался в камикадзе,
с полной бомбовой нагрузкою лечу...*

На сей раз он пел по-русски — но в том-то и пикантность, что вот уже несколько месяцев прошло с тех пор, как русский стал не загадочной диковиной, а вошел в употребление — правда, среди крайне узкого круга лиц...

Начало положила Яна. Она несколько раз о б ъ я в л я л а с ь в воспоминаниях Сварога, как это было в том эпизоде с танцплощадкой. Потом и вовсе пожелала знать родной язык Сварога. Что для нее ни малейшего труда не составило — оказалось, владея Древним Ветром, это очень просто устроить. Сварог, конечно, не просил пояснений — даже существуй подробные, он ничегошеньки бы не понял. Удовольствовался главным. На сей раз Древний Ветер работал примерно так, как те заклинания-«хвATALки», с помощью которых у человека крали то или иное его умение — точнее, копировали, переносили на другого, а владелец умения, остававшегося при нем, и не подозревал, что обокраден. Брашero именно это и пустил в ход, подделывая не что-нибудь — горротскую королевскую чету...

Так что Сварогу всего-навсего пришлось посидеть в кресле минут пять, причем вовсе не было надобности замирать истуканом. Все это время он чувствовал, как его виски легонько щекочет словно бы невидимая заячья лапка — и все, не более того. А когда все кончилось, Яна, как ни в чем не бывало, заговорила с ним по-русски.

Имелась только одна забавная детальюшка. Древний Ветер не умел сортировать полученные с его помощью знания или умения, зерна от плевел не отделял. Так что Яна получила в е с ь словарный запас, имевшийся в памяти Сварога — в том числе и те словечки, что безусловно не красят великий и могучий язык, каковой, по мнению знаменитого поэта, выучил бы и негр преклонных годов. И порой, не подозревая, что творит, изрекала тираду, какой постыдился бы запойный советский сантехник или армеец.

Далее забава стала распространяться. Очень быстро Канилла, услышав, как Сварог с Яной непринужденно болтают на незнакомом языке — что для Талара было вещью невозможной, учитывая старые правила, следившие за неизменностью здешнего языка, имевшие скорее силу законов — никак не могла остаться в стороне, пре-

небредь столь увлекательной забавой. И с помощью Яны получила то же знание русского — а следом и все остальные молодые сподвижники Сварога из девятого стола.

Позже Сварог признавался самому себе, что недооценил отчего-то серьезность ситуации, не придал ей должного значения, оставив в качестве развлечения. Но через пару недель случайным свидетелем разговора по-русски оказался Канцлер, великий прагматик по натуре. И дело приняло гораздо более серьезный оборот...

Канцлер, разумеется, в жизни не слышал о русских дворянах старых времен, использовавших французский для того, чтобы их не понимали слуги. Однако, как он тут же рассказал Сварогу, в старых книгах имелись смутные упоминания о подобном — когда до Шторма еще существовали разные языки, иные из них как раз и использовались для того, чтобы благородных господ не поняла чернь. И это было отнюдь не забавы ради: мало ли что в жизни случается, те самые дворяне порой по-французски беседовали отнюдь не о последней вечеринке с шампанским и доступных актрисочках. Иногда речь шла и о том, как бы устроить очередному императору апоплексический удар табакеркой...

В общем, Канцлер подошел к делу насквозь практически — и Сварог не на шутку был смущен тем, что не сам до этого додумался. Знание русского получили десятка полтора особо доверенных людей Канцлера — в том числе, естественно, Марлок, первым после самого Канцлера. А там и Сварог (порядка ради поставив Канцлера в известность) дал то же умение примерно дюжине уже своих особо доверенных лиц, начиная с Интагара — конечно, не он дал, а Яна, но идея была его.

Теперь Канцлер со Сварогом могли обсуждать со своими ближайшими сотрудниками самые что ни на есть секретнейшие дела, не опасаясь, что кто-то подслушает — с помощью техники ларов ли, с помощью прижатого к замочной скважине уха, разницы, в принципе, никакой. Кто и подслушает, не поймет ни словечка. Интагар был

прямо-таки в щенячем восторге. Поскольку скрыть это от обычных ларов не удалось бы, Канцлер запустил слух, что это старинный хелльстадский язык, оттуда и занесенный Сварогом — но владеть им, согласно вышеупомянутым правилам, имеют право считанные люди, для обсуждения самых серьезных и секретных дел. Общественное мнение этот слух заглотнуло, как похмельный извозчик глотает кружку пива. Практически сразу же случился забавный курьез: прослышав о новинке, к Канцлеру явился принц Диамер-Сонирил и прямо-таки потребовал наделить таким умением и его — не без резона заявив, что уж кто-кто, а он в силу служебных обязанностей безусловно входит в число тех самых избранных персон. Ну, что тут поделаешь? Пришлось наделить...

Сварог старательно терзал виолон:

*— Не добраться им до порта,
вот и все, касаюсь борта,
и в расширенных зрачках отражен...*

Хитрушка в том, что эта песня Яне отчего-то категорически не понравилась, когда Сварог ей разъяснил, кто такие камикадзе — и с тех пор Сварог ее при ней не пел (а вот Гарайле песня, наоборот, пришлась крайне по душе. «Вот это по-нашему, — говорил он. — Это по-солдатски»).

В другое время и при других обстоятельствах Яна непременно выразила бы легонькое неудовольствие. Однако на сей раз полностью игнорировала Свароговы вокальные упражнения — пожалуй, и в самом деле, отсекавшие все звуки внешнего мира. Тест удался. Нет, ошибка, тут же сообразил он, — когда его дурная патетика взлетела до высшей точки, Яна мельком глянула на него, сделала недовольную гримаску, но тут же вновь занялась янтаре. Нет, никакого заклинания, просто беззаветно предалась безобидной страсти...

Поскольку делать было совершенно нечего, Сварог продолжал играть, но на сей раз пел то, что Яне нравилось:

— ...Я не прощаюсь, душа моя,
я возвращаюсь в свои края.
Ведь наготове всегда билет,
в стогу иголку ищи, мой свет!

Ага! На сей раз она вновь подняла голову — и уже, полное впечатление, с удовольствием слушала. Помаленьку выходит из нирваны, перебрала, похоже, все до единого недавние приобретения.

— А ночка чертом стучит вослед,
колодой тертой по стыкам лет.
Где на века мне поверит Бог
строку на камне у трех дорог...

И точно, конец нирване. Яна встала, потянулась — в точности как притомившийся косарь. Вульгарный жест и для императрицы, и для дворянок, что земных, что небесных — но посторонних не было, а Сварог на подобные нарушения этикета плевал с высокой колокольни. На Яне по-прежнему был мужской дорожный наряд, правда, камзол сняла — и белая кружевная рубашка обозначила высокую грудь так, что у Сварога поневоле возникли крайне игривые мысли, но приходилось их прогнать — до вечера оставалось еще изрядно времени.

Он спросил с искренним любопытством:

— Яночка, а такие вот поездки отвечают благородным принципам коллекционирования? Ведь это все равно что ягоду собирать там, где ведро можно наполнить за квадранс...

— Вполне отвечают, — заверила Яна. — Именно так себя и ведут серьезные коллекционеры со средствами — с мешком под мышкой прочесывают лавки и промыслы... — она загадочно улыбнулась. — И черные рынки...

— Вот именно, черные рынки... — проворчал Сварог. — Тебе удовольствие, а мне, как королю, лишние хлопоты...

— Ты о чем?

Сварог усмехнулся:

— С тех пор, как ты увлеклась янтарем — и черных рынков не обходила, — пришлось принять кое-какие меры. Чтобы тебе было легче, сыскная полиция через Интагара получила приказ оставить в покое черные рынки и нелегальные промыслы. Ну, разве что там примерно втрое прибавляется тихарей, когда там появляешься ты.

— Как интересно... — сказала Яна. — А я их никогда не видела.

— Не высмотрела, — с ухмылкой поправил Сварог. — У меня хорошая полиция, ее так просто не высмотришь... Ладно, в конце концов это черный рынок янтара, а не курительной дури или чего-то столь же неприглядного... Перетерпит сыскная. Значит, ты себя ведешь, как истинному коллекционеру и положено...

— Вот именно, — сказала Яна, присела на широкий мягкий подлокотник его кресла, покачивая в ладони одно из приобретений. — К тому же... Я уже давно прошла тот этап, когда начинающие сгребают все подряд. Покупаю с большим разбором, а менее интересное... Ну, тебе ведь наверняка докладывают твои тихари?

— Естественно, — сказал Сварог. — Два раза в неделю приезжаешь в Янтарную Ассамблею, меняешься там всю, репутацию у коллекционеров кое-какую приобрела...

— А как же, я такая... — она прищурилась. — Ты, наверное, запомнил просто. Когда ты собирал лубки, действовал точно так же — твои люди прочесывали ярмарки чуть ли не с мешками на плече, гребли под метелку...

— Да, было дело... — чуть смутился он. — Разве что у меня все прошло, как насморк, а ты, похоже, надолго в этом увязла... Ладно, в конце концов это не Ночные Кавалькады и не пляски в «Лотере-Грации» — вполне благопристойное увлечение.

— Ой, да сколько было тех Кавалькад... А в «Грации» — один-единственный раз, и его хватило. Главное — я тебе верна, как каталаунский пес охотнику.

— Да я тебя ни в чем и не упрекаю, — сказал Сварог. — попросту констатирую, что увлечение благопристойное даже для императрицы. — Он покосился на кусок янтара в ее руке. — Что, раритет какой-нибудь? Такое впечатление, ты его из рук выпускать не хочешь...

— Ага, — сказала Яна. — Сам посмотри, какая прелесть. На Ассамблее мне будут завидовать многие матерые собиратели — многим эта редкость так и не попалась...

Сварог присмотрелся. Из лавки, несомненно: янтарь тщательно отшлифован — нижняя часть, конечно, оставлена необработанной. И в янтаре — черепашка длиною поменьше его мизинца, с растопыренными лапками и вытянутой шеей. словно бы спокойно спит — он ни разу не видел, чтобы угодившие миллионы лет назад в вязкую смолу, будущий янтарь, пребывали в конвульсивных позах отчаянной борьбы за жизнь. Видимо, в конце концов они, истощив все силы, прекращали биться...

Яна сказала с ноткой хвастовства:

— Я это чудо буквально выхватила из-под носа у весьма матерого, точно, собирателя. Будь я мужчиной, обязательно кончилось бы дуэлью, но даме он, естественно, уступил...

Сварог еще раз присмотрелся. Конечно, рисунок панциря красивый и очертания составляющих его плиток — или как там они называются — какие-то необычные. Но во всем — черепашка как черепашка.

— Объясни профану, в чем тут редкость, — сказал он. — Черепаха, конечно, морская, раз оказалась в янтаре — ага, вон и перепонки меж пальцами рассмотреть можно... И это, конечно, детеныш — даже я знаю, что в смолу попадали либо маленькие создания, либо крохотные детеныши. Редкость в том, что это — ч е р е п а х а?

— Ну, насчет маленьких не всегда и верно, — сказала Яна тоном сугубого знатока. — В одной коллекции есть морской рак размером с локоть, рассказывали и о вымерших рыбах примерно такой же величины, и о других созданиях. Вот только такой к р у п н ы й попадаетеся очень

редко, за ним гоняются, как гончие за зайцем. Редкость в том, что это одна из пород, не доживших до нашего времени, вымерших миллионы лет назад. Те морские черепахи, что дожили до нашего времени, у серьезных собирателей не особо ценятся, их много, а такие вот...

— Понятно, — сказал Сварог, не сводя глаз с крохотной черепашки.

Яна фыркнула:

— Ага, засмотрелся? Чего доброго, сам увлечешься... Янтарь того стоит...

— Пожалуй... — рассеянно отозвался Сварог.

Мыслями он был далек от каких бы то ни было увлечений. Просто появилась идея, имеющая отношение исключительно к делу.

— Яна, послушай... — сказал он почти спокойно, чувствуя, как не раз уже было в других случаях, охотничий азарт. — Тебе или кому-нибудь еще попадался янтарь с такими вот детенышами — но вымерших крупных морских хищников? Морская черепаха, хотя и рыбкой при случае не прочь закусить, все же не хищник стопроцентный, ты понимаешь, что я имею в виду? Не всеядных животных, а именно хищников...

— Я поняла, — сказала Яна. — Сейчас подумаю...

И старательно задумалась с крайне серьезным видом знатока. Сварог терпеливо ждал. По недостатку точной информации решительно невозможно сейчас сказать, толковая это идея или не имеет ничего общего с реальностью. Если допустить, что в янтарь — не зря же традиция настойчиво связывает именно с ним стародавних чудищ? — попадали и детеныши тварей наподобие тех, что объявилась сегодня. И этот янтарь какой-то о с о б ы й... или есть колдуны, которые умеют как-то... вообще-то получается сплошное отвлеченное умствование — ну да за неимением лучшего...

— Что-то не припомню, — сказала наконец Яна. — Мне самой такое не попадалось, и я, кажется, не слышала... А зачем тебе?

— Да так, очередная рутина... — сказал Сварог.

Разумеется, никто не собирался держать от нее в тайне случившееся. Донесение к ней вскоре поступит — но без малейших пометок о срочности или внеочередности. Загадочное, но далеко не впервые случавшееся явление. Так что пусть пока спокойно поиграет со своими камешками...

— Большая была черепаха? — спросил он без особого интереса.

— Довольно-таки. Самые крупные были величиной с крестьянский домишко.

Нет, не подходит это созданище на роль Чудища-из-янтара. Ни в одном случае из девяти ч е р е п а х не наличествовало — исключительно стопроцентные хищники...

— О чем ты чуть хмуро задумался?

— О делах насквозь практических, — сказал Сварог. — Если и дальше пойдет такими темпами, твоя коллекция уже не уместится в комнате в Аметистовой башенке. Придется, пожалуй что, целый зал в Велордеране тебе выделить. Ничего, там столько места... Я так полагаю, шлифовщиками ты сама займешься?

— Ну конечно, — сказала Яна. — Как настоящему коллекционеру и положено. Там свои нюансы... — и вдруг... — и громко, удивленно вскрикнула: — Ой, Стас!

В этом мире только она одна звала его Стасом — в минуты особенно пылкой страсти либо в крайнем удивлении.

— Что такое? — он рывком поднял голову.

— Похоже, гроза собирается, и немалая. Видишь, как потемнело?

Действительно, в комнате потемнело так, словно солнце заслонила черная туча. Сварог покривил губы: положительно, синоптикам (пусть они и злятся, услышав такие высказывания) нельзя особенно верить в любом мире, в любые времена. Даже имперским с их глобальной системой орбитальных метеостанций, оборудованных по последнему слову техники. Хватает ошибок в прогнозах и у них. А ведь на сегодня предсказали сущее благодорастворение атмосферы, безветрие и ясный солнечный день, да и

завтрашний должен быть таким. Но ведь и в самом деле собирается серьезная гроза, вон как потемнело, едва ли не сумерки... Ливень будет роскошный, с молниями на полнеба — а значит, придется сегодня сидеть во дворце, если не развиднеется, и еженедельный танцевальный вечер придется отменить — такое уже однажды случилось. Конечно, придворные в любую погоду будут рваться во дворец, однако...

Кусок янтаря с бесценным раритетом со стуком покатился по полу — Яна вскрикнула громче, уже с несомненным испугом, вытянула руку в сторону одного из высоких стрельчатых окон. Оно было задернуто не плотной вечерней портьерой, а дневной, из довольно-таки ажурного кружева, так что прекрасно можно было разглядеть, что происходит снаружи.

Сварог не сразу понял, что именно он за окном видит — а когда сообразил, наконец, в два прыжка очутился у подоконника, рванул портьеру в сторону, так, что она затрещала, и, судя по звукам над головой, наполовину оборвалась.

Он замер у окна, цепenea от несказанного удивления. Яна прижалась к его плечу одним из извечных женских движений, подсознательно ища защиты.

За окном шел снег. Натуральнейший снегопад. Насколько хватало взгляда, на дворцовый парк, на крыши, на мощеные дорожки неспешно, совершенно отвесно — ни ветерка! — бесшумно, густо опускались большие, можно отсюда рассмотреть, красивые снежные хлопья, они не таяли, и весь мир за окном на глазах становился белоснежным. Красивейшее зрелище — но ему не полагалось быть, никак не полагалось...

— Что это такое... — ошеломленно прошептала Яна.

— Снегопад, — машинально ответил Сварог, почему-то понизив голос.

— Я знаю, что такое снегопад... Но этого не может быть, этого никогда не случилось после Вьюги... — она поежилась. Точнее говоря, ее форменным образом

передернуло. — Мне кажется, или в самом деле стало очень холодно?

— Не кажется, — сказал Сварог. — Мне тоже холодно...

Имелись заклинания и на сей счет — вдруг его занесет на Сильвану или опять придется лететь на Нериаду тамошной зимой? Сварог вмиг извлек из воздуха подбитый беличьим мехом теплый плащ — неизвестную на Таларе одежду, — укутал Яну, опустил капюшон.

И бросился к соседнему окну.

На Таларе термометры совершенно не в обиходе — потому что колебания температуры редки и, в общем, ничтожны — два-три градуса ниже или выше обычной точки отсчета. Однако Сварог из очередной безобидной прихоти повесил за окном самый настоящий доштормовой термометр, купленный мэтром Анрахом на черном антикварном рынке и подаренный Сварогу на день рождения. Правильный был термометр, полностью соответствовавший доштормовому климату, регулярной смене четырех времен года, от жаркого знойного лета до морозной зимы: имеется ноль, шкала рассчитана (Сварог ее давно научился переводить на здешние мерки по отношению к привычному с детства Цельсию) на сорок градусов что выше, что ниже нуля — до Шторма случалось и особенно знойное лето, и крайне морозная зима. Законы Империи безбожно нарушили и Анрах (как покупатель запрещенного к использованию доштормового устройства), так и Сварог (это устройство нахально повесивший у себя на окне). Канцлеру об этом, конечно же, донесли (Сварог наперечет знал всех, кто был приставлен восьмым департаментом следить за его персоной, их донесения все до одного поступали и к нему в силу той самой бюрократической шизофрении), но Канцлер, как и следовало ожидать, наложил резолюцию: «Оставить без внимания» — и так же поступил принц Диамер-Сонирил. Наверняка оба при этом (как порой Сварог в других ситуациях) были исполнены такой философской грусти. Но так уж сложилось,

что поделаешь. На фоне «Рагнарока», на котором Сварог буднично плавал по морям и рекам, компьютера у Интагара и кое-чего еще термометр выглядел безобиднейшей детской шалостью — в применении именно к Сварогу, никогда не делавшему из имперских и земных законов культа...

А вот сейчас термометр пригодился... Тонюсенький алый столбик опустился до минус двух — по таларским меркам, сибирская стужа. Сварогу было холодно, как на Земле в мороз — он давно уже здесь жил, отвык от холодов...

Подошла Яна, тоже посмотрела на градусник, растерянно обронила:

— Да что же это такое...

— Помолчи минутку, пожалуйста, — сказал он, стараясь выглядеть как можно более спокойным и говорить самым обычным голосом. — Сам ничего не понимаю пока...

Он вынул часы, засек положение секундной стрелки. Зажженная сигарета словно бы сама собой возникла меж пальцами — он чисто машинально произнес нужное заклинание из разряда мелких бытовых. Жадно затянулся, роняя пепел на широкий подоконник из бежевого с синими прожилками яргурейского мрамора. Не сводил глаз с вычурной секундной стрелки, казалось, ползущей по циферблату самую чуточку быстрее неторопливой черепахи. Яна притихла, зябко кутаясь в плащ.

Вот так. Первые наблюдения за феноменом. Алый столбик за три минуты так и не опустился ниже минус двух — но снегопад не прекращался, снег падал все так же обильно, безостановочно, густо... красиво, крыши — а значит, и земля — уже были на добрый локоть покрыты белоснежным, пушистым... и не похоже, что он в ближайшее время прекратится.

В голове царил совершеннейший сумбур, в котором все же промелькивали холодные деловые мысли. Сварог подумал: даже если температура не опустится

ниже, хорошего мало — если она надолго. Люди напялят на себя все имеющиеся одежды, будут сидеть у кухонных печей и каминов, кто-то, знающий сивильские реалии, догадается согреться чем-то крепким. Однако для жителей Талара такой холод — все равно, что сибирский мороз. Если такая температура продержится достаточно долго, станут замерзать насмерть и при такой погоде, в первую очередь маленький дети, старики, больные, слабые. А что будет с урожаем на полях? С домашними животными? Наконец, с кораблями на реках? Вполне может встать лед — и уж совсем не хочется думать о том, что температура может упасть еще ниже. Что будет с здешним человечеством, три с лишним тысячелетия жившим без холода и снега? И ведь ничего нельзя сделать, у ларов (которых происходящее нисколько не затронет) попросту нет техники, способной справиться с морозами в масштабе всей планеты. Так, мелочи: устроить дождь на парочке квадратных югеров или, наоборот, разогнать тучи на примерно такой же площади. И не более того. Тут нужна Крепость Королей, в чьем существовании никто из знающих людей не сомневается — но где ее искать? Сколько ни искали, не нашли.

Крепость Королей... Не следует ли допустить...

Он старательно гнал эту мысль — но попробуйте не думать о белой обезьяне, Ходжа Насреддин тогда, в истории с мерзким ростовщиком, великолепно применил знание человеческого мышления. И все же хоть что-то сделать да можно, не откладывая...

Он повернулся к Яне:

— Я сейчас вызову твою охрану... Твой брагант здесь, на «старой голубятне», тебе нужно немедленно улетать...

— А ты? — спросила она, глядя строго и серьезно.

— Остаюсь, — сказал Сварог. — Я король, и здесь мои подданные. Не для красного словца ведь говорится, что король — отец всем, а все — его дети. Пока что ничего особенно жуткого. Это еще не смерть...

— Вот именно, — сказала Яна. — Это еще не смерть. Позволь тебе напомнить, что это и мои подданные тоже... — она подняла ладонь. — Оставим это, дискуссия закончена.

Она нисколько не побледнела, стояла прямая, как струна, прекрасная, решительная, непреклонная. Сварог, не скрываясь, тоскливо вздохнул. Когда у нее становилось такое лицо, бесполезно было уговаривать или противоречить. С дурным упрямством это не имело ничего общего — просто-напросто, приняв какое-то серьезное решение, она уже ни за что не отступит. И с этим тоже ничего не поделаешь.

В свое время, когда Чертова Мельница подошла к Талару едва ли не вплотную и раньше времени грянула операция «Журавлиный клин», Яну удалось увезти силой — но сейчас это не пройдет, сейчас она расшвыряет Древним Ветром всех, кто попытается ее скрутить, или попросту окутается невидимой, непреодолимой броней...

Никогда в жизни Сварог не чувствовал себя таким беспомощным и никчемным. А проклятый прекрасный снегопад нисколько не унимался — и Сварог покривился, как от кислого: внизу, возле одного из дворцовых флигелей бессмысленно метались, уже по колено в снегу, не менее дюжины людей, судя по одежде, слуги низшего разряда, не имеющие доступа во дворец. Началось. И паника будет только распространяться. А что сейчас творится во дворце? В Латеране? И какую именно территорию накрыл снегопад? Нужно немедленно связаться в первую очередь...

Его опередили на несколько секунд. Он уже вынимал из кармана неразлучный «портсигар», когда тот форменным образом взорвался — судя по курлыканию сразу нескольких разных тонов, миганию и цвету индикатора, его вызывали несколько человек одновременно.

Он включил экран. Дежурные девятого стола и восьмого департамента, в «Медвежьей берлоге» и штаб-квартирах за облаками... Заместитель Элкона по на-

блюдательному отделу... Сам Элкон... Канилла Дегро... Герцог Брейсингем, глэрд Баглю — означает ли это, что и Глан со Снольдером н а к р ы л о? Канцлер... В первую очередь Канцлер...

Он впервые видел Канцлера т а к и м. На нем лица не было, вся прежняя невозмутимость улетучилась.

— Что у вас? — почти крикнул Канцлер.

— Снег все еще идет, — он посмотрел на термометр. — Но температура так и держится на минус двух...

— Сам знаю! — рявкнул Канцлер. — Вы...

Сварог его бесцеремонно перебил, как никогда не позволял себе прежде:

— Насколько это захватило Талар?

— Это захватило в е с ь Талар, кроме Хелльстада, — чересчур ровным для настоящей невозмутимости тоном ответил Канцлер. — В с я планета закутана облаками, орбиталы наблюдения перешли на инфра... Снег идет повсюду, и везде температура та же, остается неизменной... Где императрица?

— Рядом со мной, — сказал Сварог.

— Немедленно отправьте ее наверх!

— Я пытался, — сказал Сварог. — Она отказалась. Сами понимаете, я бессилён что-либо сделать... да и вы тоже, и кто бы то ни было...

Канцлер изрек семиэтажную конструкцию на русском — как нельзя более отвечающую ситуации и строению обоих. Сварог снова посмотрел в окно: людей во дворе прибавилось примерно вдвое, они все так же бессмысленно метались, взрывая снег. Появился дворцовый стражник, судя по всему, не потерявший головы. Даже сюда долетали его крики, призывавшие успокоиться. Но ни малейшего результата они не возымели...

Сварог словно очнулся от беспамятства. Вернулась холодная ясность ума. Кто сказал, что он вообще ничего не сможет сделать? Кое на что король все же способен даже сейчас...

— Канцлер, — вновь бесцеремонно прервал он герцога, попытавшегося что-то сказать. — У вас есть еще какая-то информация по... этому феномену?

— Никакой. Мы знаем только, что снег идет повсюду и температура держится на минус двух...

— Простите, но тогда и говорить нам сейчас не о чем, — сказал Сварог. — Я буду делать все, что могу... Простите, некогда...

И не просто прервал разговор — вырубил «портсигар» напрочь — вряд ли кто-то из тех, кто его сейчас вызывал, мог сообщить что-то полезное. Уж если и Канцлер знает ровно столько, сколько и Сварог...

Он быстро прошел в кабинет — Яна, обеими руками придерживая запахнутый плащ, шла следом, и Сварог ей нисколько не препятствовал: а зачем? Пусть уж будет на глазах...

В кабинете, справа от стола, на стене красовалась узкая мраморная пластина с семью короткими рукоятками, увенчанными вычурными бронзовыми головками. Сварог опустил вниз четыре из них, повернулся к двери и стал ждать. Ожидание отняло всего несколько секунд — все четверо явно уже были в приемной. Ворвались в распахнутую бледным статс-секретарем дверь, выстроились короткой неровной шеренгой: Интагар, начальник дворцовой стражи, командир гланских гвардейцев и штандарт-адъютант Сварога — лейтенант Черных Лучников, гораздо моложе остальных, совсем юнец (но старательно пытавшийся держаться браво, молодчина).

— Что во дворце? — спросил Сварог.

Начальник стражи, на которого сейчас уставился, ответил почти спокойно:

— Н а с т о я щ е й паники пока что нет, но к тому помаленьку идет. Раздаются крики, что это вновь Вьюга, что всему Талару конец... и прочие идиотства.

— Поднимите всех своих людей, — отрывисто сказал Сварог. — Любые проявления паники пресечь.

В средствах не стесняться. Глэрд, усилийте охрану дворца, выставьте всех, кто у вас есть. Марш!

Оба быстро вышли, почти выбежали, громыхая сапогами без всякого соблюдения этикета. Сварог перевел взгляд на Интагара:

— Что в Латеране? Сведения имеете?

— Уже четыре агента доложили, — сказал Интагар каким-то незнакомым голосом. — Практически то же самое, о чем говорил капитан. Паники нет, большинство людей кинулось по домам — но есть и такие, как эти вот, — он кивнул в сторону окна, где стражников объявилось уже трое. — Мечутся по улицам, кричат о Вьюге... и еще кучу всякой ерунды.

— Идите, свяжитесь с протектором, — сказал Сварог. — Моим именем: всю полицию на улицы, в первую очередь конную — конникам будет все же легче, чем пешим... План «Гроза».

Молча кивнув, Интагар вышел. Сварог обернулся к лейтенанту и, несмотря на тяжесть ситуации, не удержался от усмешки, хотя она наверняка получилась бледной: ах, как юнцу было страшно, и как он с этим страхом боролся!

— Скачите в казармы конной гвардии, потом — в пехотные, — сказал Сварог. — Моим именем — план «Гроза». Байза у вас есть, так что нет нужды что-то писать... Марш!

Черные усики лейтенанта казались нарисованными углем на бледном, почти мальчишеском лице. Но держался он хорошо — отдал честь и вышел, грохоча сапогами, а в коридоре, отсюда слышно, припустил бегом. Сварог позволил себе чуть расслабиться, встретив взгляд Яны, растянул губы в подобии улыбки:

— Все, что я могу сделать, как король, Вита... Не допустить паники...

Статс-секретарь навывтяжку стоял в дверях. Повернувшись к нему, Сварог распорядился:

— Сообщите во все столицы и провинции: план «Гроза».

Тот кивнул и размашистыми шагами вышел из приемной, в которой так и стояли трое ратагайцев, судя по лицам, готовые ко всему на свете и готовые рубить в капусту все живое, что станет угрозой. Повелительным жестом велел им сесть, Сварог поступил, как предписывала старая неписаная традиция: достал бутылку «Старого дуба» и налил себе чарку до краев. Покосившись на Яну, налил и ей — в таких вот ситуациях добрый выдержанный келимас еще никому не повредил...

Хорошо еще, что не пришлось ничего придумывать, импровизировать — план «Гроза», давно составленный и доведенный до сведения всех, кого это казалось, сейчас заработает с точностью часового механизма — с поправкой на глубокий снег, который безусловно затруднит перемещения конных и пеших. «Гроза» рассчитана на крупные беспорядки или попытку военного переворота, но прекрасно подходит и сейчас: войска и полиция окружают все объекты, в первую очередь нуждающиеся в охране, — самые важные министерства, арсенал, речной порт, казначейство — займут мосты, перекроют все дороги из города, часть, разбившись на десятки, станет патрулировать улицы, пресекая любую панику в зародыше без стеснения в средствах. Вот и все, что Сварог мог сделать — но это лучше, чем ничего...

В приемной застучали каблук — судя по тому, что ратагайцы так и остались сидеть, быстро шел кто-то свой, достойный доверия. И точно — влетела Канилла Дегро: на прекрасном личике ни тени страха, только злость и азарт, в руке так и зажата плетка с резной костяной рукояткой, мокрые роскошные волосы повисли унылыми сосульками, мужской костюм вишневого бархата кажется почти черным — вывозилась в растаявшем сейчас снегу по самый ворот — и кое-где на одежде и сапогах еще белеет снег.

— Черт знает что, командир! — выпалила она. — Эта мерзость сыплет и сыплет, как из ведра, я такое только в кино видела... Коню кое-где было по брюхо, но я пробилась, только бадагар где-то потеряла. Вы что-нибудь понимаете?

— Выражаясь культурно, ни черта, — сказал Сварог. — Никто ничего не понимает, даже Канцлер. Может быть, ты?

— Да откуда... — сказала она с некоторым унынием. — Ничегошеньки, как все... Налейте стопку, а? Меня что-то знобить начинает, чуть ли не по уши в снегу пробиралась по Адмиральской — там ведь что-то вроде ложбинки, и снег еще глубже...

Сварог налил ей до краев, извлек из воздуха теплый плащ, чуть подумав, присовокупил и большое полотенце, протянул Канилле:

— Закутайся и волосы вытри, а то простудишься. Простуда лечится быстро, но все равно, неприятно...

В первую очередь Канилла осушила стопку, лихо, погвардейски (разве что чуточку закашлялась), потом уже накинула плащ на плечи и принялась яростно растирать волосы полотенцем. Вскоре она выглядела жуткой растрепой, но кого сейчас, и ее в том числе, это сейчас занимало?

— Черт знает что, командир, — повторила она. — Одно вам скажу: это точно не Вьюга. Я о ней кое-что читала, хотя материалов и осталось мало, все равно, нисколько не похоже...

Сварог подумал, что и ему пора наконец посмотреть материалы по Вьюге, благо служебное положение позволяет сделать это хоть сейчас. Налил себе до краев, девушкам — до половины.

— Даже не знаю, с чего теперь и начать... — сказал он, поставив на стол пустую чарку. — Может быть...

Канилла радостно вскрикнула, показав на что-то за его спиной. За спиной у него имелось только окно, к каковому Сварог немедленно и повернулся. И тоже не мог сдерживать радостного возгласа.

Снегопад прекратился, словно повернули некий выключатель. Низкие тучи на глазах таяли, расплзались, открывая там и сям большие пятна безмятежной небесной лазури. Не раздумывая, Сварог бросился в гостиную, к термометру. Алый столбик на глазах поднимался

вверх — и очень быстро температура поднялась до прежнего уровня — значит, скоро эта пакость начнет усиленно таять. Но «Грозу» отменять пока что не стоит — пусть боевое дежурство продолжится до вечера, мало ли как себя поведут перепуганные люди...

Снега успело навалить примерно человеку по грудь — но это не имело никакого значения. Человеку ли по грудь, курице ли по колено, нешуточная загадка повисла на плечах...

— Бог ты мой! — сказал он вслух, а потом грязно выругался от избытка эмоций, толком непонятных ему самому.

КРЕПОСТЬ КОРОЛЕЙ

В резиденцию Канцлера Сварог летел в совершеннейшем одиночестве. На хвосте давно уже не висел брагант с неусыпно бдящей охраной. «Один в бескрайнем небе», — припомнилось ему. Откуда это? Он вспомнил довольно быстро: так назывались воспоминания знаменитого американского летчика-испытателя довоенных времен, прочитанные Сварогом в юности. Поневоле испытываешь нечто вроде ностальгии — эта книга стала одной из причин, в свое время, высокопарно изъясняясь высоким штилем, позвавшей Сварога в небо. Правда, отчего-то не в летчики, как логично было бы предположить, а именно в десант.

Вот именно, один в бескрайнем небе... Канцлер через несколько дней после полета Сварога на Сильвану снял охрану столь же неожиданно, как поставил. Несколько дней за Сварогом (не только на земле, но и, что интересно, в Империи) топали по пятам хваткие молодцы из спецназа Канцлера — как и за Яной, самим Канцлером, Марлоком, Элконом и Каниллой. Вполне возможно, и за кем-то еще, но в точности Сварог не знал. Причем это была, если можно так выразиться, локальная акция: все учреждения Империи работали в обычном режиме, не

объявлялось ни Тревог, ни чрезвычайного положения, ни повышенной готовности по армии и спецслужбам — уж это-то Сварог знал точно — будь все иначе, директора девятого стола и начальника восьмого департамента поставили бы в известность одним из первых...

Никаких объяснений Канцлер не дал — ну что же, в Империи не было людей, за исключением Яны, с которыми Канцлер делился бы а б с о л ю т н о всеми секретами. Так что не следовало в этом усматривать персональное недоверие к Сварогу. Однако давно и хорошо известно: Канцлер никогда и ничего не делает зря и по пустякам серьезные меры безопасности предпринимать не стал бы. Значит, что-то такое б ы л о. Вот только что? Какое-то покушение готовилось то ли на Сварога, то ли на всех взятых под особую охрану людей? Похожее на тот план, что не так давно измыслил почивший Радиант? Некий очередной комплот, задуманный Высокими Господами Небес, раздосадованными, даже разозленными, реформами и серьезными переменами, но пошедших дальше уныло-сердитой болтовни по здешним запечьям? Бесполезно ломать голову: во-первых, сам ни за что не догадаешься, пока Канцлер сам не соизволит поделиться очередной тайной, во-вторых, есть более серьезные вещи, на которых нужно сосредоточиться, въедливой точности ради — числом две. Одна из них — предстоящий штурм замка герцога Латери — выглядит, в общем, вполне рутинной операцией — случались и посложнее. А вот клятый снегопад...

Канцлер не зря созвал совещание лишь через два дня после случившегося. Все это время с полной загрузкой круглосуточно работали все наблюдательные сети и конторы, способные внести хоть какую-то ясность — в том числе и те, что размещались в Велордеране, о чем Сварог за пределами Хелльстада скромно помалкивал, сделав исключение для Яны, обещавшей хранить тайну. (Вот так и живем, с некоторой философской грустью подумал Сварог, — я секречу кое-что от Канцлера, он кое-что се-

кретит от меня, и это не есть вражда — обычное коловращение жизни на грешной земле и, добавим с поправкой на ситуацию, в грешных небесах...)

Вот только ни малейшей ясности этот аврал не принес — ни имперским службам, ни хелльстадскому центру. Как именно все происходило, известно прекрасно, есть подробнейшие записи, сделанные орбиталями: совершенно внезапно сразу в шести точках таларского неба появились спиралеобразные завихрения облаков, ничем не отличавшихся от обычных, — вот только разрастались они необычно быстро, гораздо быстрее, чем это происходит с обычными облаками, так что в течение двадцати двух минут сорока секунд (момент, когда все началось, зафиксирован точно) Талар целиком закрыли эти облака, так что орбиталы переключились на инфра. А потом пошел снег, валивший ровнехонько квадранс, опять-таки по всему Талару, над сушей и над морями.

Дальнейшее Сварог наблюдал своими глазами из Латеранского дворца. Судя по донесениям орбиталов и земных спецслужб, везде происходило одно и то же: когда температура вернулась к прежнему, обычному уровню, снег растаял и сошел за какой-то квадранс (в горах, правда, оставаясь самую чуточку подольше), оставив грязь по щиколотку — полностью высохшую, впрочем, через сутки с небольшим.

Вот и вся информация. Загадочный снегопад не сопровождался какими бы то ни было изменениями магнитного и гравитационного полей, радиационного фона и всего такого прочего. Разве что атмосферное давление резко взлетело вверх — но специалисты говорят, что этого и следовало ожидать при столь глобальном и внезапном изменении погоды. Наблюдательный центр Каниллы в девятом столе опять-таки не зафиксировал никаких изменений излучения «ручейков». Одним словом, ни малейших следов, ни малейшей зацепки...

Хорошо еще, что на земле не возникло г р а н д и о з н о й паники. В больших городах великолепно сработал план «Гроза» (а в городках помень-

ше большинство облеченных властью людей панике не поддавалось и быстренько приняло аналогичные «Грозе» меры — кстати, попозже, когда будет составлен точный отчет, некоторых придается наградить за проявленную инициативу и распорядительность). В деревнях кое-где паника имела место — но в глобальную опять-таки не переросла, вмешалась поднятая по тревоге сельская стража, а также войска — там, где они дислоцировались. Уже на следующий день в нескольких странах выползли на свет божий пророки — казалось, давненько уж, лет двадцать как вымершая окончательно разновидность разумной фауны. Числом одиннадцать. Восемь из них, словно трудились по одному сценарию, вопили, что снегопад — предвестник грядущей в скором времени новой Вьюги, столь же разрушительной, как и первая, и Талару если и не придет полный кирдык, то все города и деревни будут лежать в развалинах, в живых не останется и половины честного народа. Были, правда, и некоторые различия в картинах близкого Апокалипсиса — один пророк пугал, что над землей полетят пыхающие огнем громадные птицы (отчего-то именно птицы, хотя давние фольклорные традиции предписывали скорее драконов), другой вещал, что по земле побегут стаи волков, говорящих человеческим голосом, остальные тоже добавляли каждый свое, свои собственные ужасы. Трое остальных пошли даже дальше — они выдвигали, так сказать, теоретические обоснования скорого катаклизма, как-то: упадок веры в богов, всеобщее падение нравов, вылившееся в блуд, разврат и прочие разные нехорошие излишества, и наконец, многочисленные преступления короля Сварога, от тиранских казней до женолюбия.

Развернуться пророки не успели, их повязали очень быстро и допрашивали очень вдумчиво — особенно того, что вещал о преступлениях Сварога. Как ни старались мастера своего дела, не установили ни какой бы то ни было связи меж пророками, ни того самого единого сценария.

Тайная полиция уверяла, что пророки дурковали поодиночке, каждый сам по себе, и о наличии собратьев ни один не знал.

А в общем и целом, как уже говорилось, — тупик...

Брагант пошел на посадку. Сварог без всякого интереса смотрел на прекрасно знакомый ему манор: красивое трехэтажное здание, резиденция Канцлера, два поменьше, двухэтажные, столь же изящные флигеля для тех, кому по разным причинам приходилось оставаться здесь ночевать (или пребывать под арестом в довольно комфортабельных условиях — как совсем недавно произошло с Орком). Еще несколько зданий гораздо более казенного вида, на краю летающего островка — аккумуляторная шеренга из дюжины замысловатых антенн разнообразной формы, высотой этажа в три. Посадочная площадка, где стоят десятка два разноцветных брагантов и две виманы (гербовые цвета одной смутно знакомы, другой — неизвестны). Ну и, наконец, два ошетилившихся разнообразными стволами драккара — где-то расположился и отряд спецназа, Канцлер давно уже предпринял надлежащие меры безопасности, сразу после исторического визита сюда принца Элвара с оравой каталаунцев, когда оказалось, что резиденция Канцлера, собственно говоря, открыта для любого вторжения извне, что принц блестяще и доказал. Очень уж долго ничего подобного не происходило, в последний раз заговорщики нападали на резиденцию тогдашнего Канцлера примерно две тысячи лет назад, вот Канцлер и расслабился, утратил бдительность и здоровую подозрительность. Тем более, что тогдашние заговорщики не по собственной инициативе действовали — их науськал юный император, ненавидевший Канцлера и намеревавшийся полностью перехватить бразды правления, но Канцлер был человеком умным, могущественным и опасным, обычными методами его не удалось бы снять и императору, вот и пришлось послать молодых гвардейцев — практически все они императора знали с ма-

лолетства, были преданы лично ему (ну, и карьерные мотивы имели место быть). Так что вскоре после визита неожиданных гостей Канцлер по собственной неосторожности споткнулся и упал на меч — и так восемь раз. Иные события, происходившие в Империи в старые времена, абсолютно ничем не отличались от аналогичных им земных: высокие технологии Империи, неизменно превосходившие земные — это одно, а кое-какие патриархальные традиции одинаковы, что за облаками, что на земле...

Сварог направил брагант на свободное место — туда, где стоял человек в лиловом дворянском платье, несомненно, ожидавший его. Опустился рядом с брагантом Яны, улетевшей из Латераны на полчаса раньше, моментально его узнал — он был один такой на всю Империю: ало-голубой, от носа до кормы тянется полоса затейливого золотого орнамента шириной в ладонь.

Захлопнул дверцу. Человек в лиловом подошел к нему — судя по одежде, лар (в одежде ларов и служилых антланцев, имеющих гражданский чин или воинское звание, есть с полдюжины мелких, но весьма существенных отличий, с ходу позволяющих определить, кто именно перед тобой — теперь-то и Сварог их давненько уж знал). Ага, один из тех предупредительных, вежливых молодых людей в цивильном, но с несомненно военной выправкой, что при возникновении в них у Канцлера надобности вырастают словно из-под земли и исчезают, как призраки. Не раз доводилось здесь встречаться, а как же.

Молодой человек поклонился со всем решпектом:

— Лорд Сварог... (разумеется, это звучало утвердительно, без малейшего вопросительного оттенка) Граф Кайл, лорд Кезербир. Все участники совещания на месте, кроме профессора Марлока, но он прилетит в скором времени. До начала совещания еще двадцать минут.

— Знаю, — кивнул Сварог. — Я должен встретиться с Канцлером до того, как совещание начнется?

— Нет, таких указаний мне не поступало, — отчеканил молодой человек. — Располагайте собой, как вам угодно, лорд Сварог.

— Ну, в таком случае я погуляю по парку...

Молодой человек склонил голову, четко повернулся через правое плечо (как и предписывали здешние уставы в отличие от тех, к которым Сварог привык со времен курсантской юности) и бодрым шагом удалился в сторону резиденции. Сварог неторопливо направился в направлении одного из флигелей по мощеной желтовато-белым мрамором дорожке.

Парк был красивым — с фонтаном, горбатым мостиком через ручеек, статуями конных рыцарей и одетых по давно канувшей в небытие моде прекрасных дам. Вот только редким он был, на взгляд Сварога, очень уж далеко стояли друг от друга ухоженные деревья и кусты. Ну, на вкус и цвет товарищей нет — Канцлер как раз не любил чащобы, охотой, в отличие от многих, не интересовался совершенно. Главным его увлечением (если не считать той самой красавицы-блондинки, молодой графини, о которой знало не так уж и много людей, и сплетни, в общем, не ходили) была рыбалка на Сильване. Как правило, Канцлер уходил на парусном корабле в Артадельское море, где и ловил золотистого марлана. Красивая рыбина, длиной чуть ли не в уард, чертовски осторожная, со своими сложными привычками — но даже отлично их знающие опытные рыбаки далеко не всегда возвращаются с добычей, так что два-три марлана — уже несомненное достижение. Вердиане, к зависти не одного любителя рыбалки, это удалось — правда, никто не стал никому говорить, что рыбину, уже малость оглушенную парализатором и изловленную за час до того, ей насадили аккуратненько на крючок подводные пловцы доктора Латрока. В рамках той же психотерапии, включавшей в себя (Сварог испытал некоторое смущение при воспоминании о курсе лечения в «Лазурной бухте») самые разнообразные процедуры...

Он подумал мимолетно: интересно, если он все же выберется на пару недель в «Лазурную бухту», устроит ли ему доктор Латрок в рамках психотерапии какую-нибудь инсценировку вроде ненароком найденной в развалинах «старинного» замка серьги или насаженного на крючок марлана? С него станется. У Латрока хватит умения устроить что-нибудь такое, что Сварог примет за чистую монету — благо хитрая аппаратура, позволяющая безошибочно определить, когда благородный лар говорит правду, а когда лжет или просто о чем-то умалчивает, до сих пор — стационарная, приличных размеров, и портативного варианта пока не предвидится, как ни стараются технари Марлока...

Ага. До флигеля оставалось уардов сто, когда на крыльце появилась знакомая фигура, одетая на сей раз совершенно иначе, чем когда-либо раньше. Сварог шагал к зданию столь же неторопливо.

Он не прилагал никаких усилий к тому, чтобы Интагар стал участником сверхсекретного совещания в предельно узкому кругу — Канцлер сам изъявил такое желание. Ну, о мотивах Сварог, как ему казалось, догадался.

Интагара сюда привезли сутки назад, вчера утром — следовало (и Сварог полностью с Канцлером согласился) предварительно обстоятельно рассказать ему о кое-каких тайнах Империи (в которые посвящен далеко не всякий лар) и массе необходимых подробностей. Чем несколько часов и занимались Канилла с Томи — как люди, давно и хорошо Интагару знакомые — даже Интагар с его умом и хладнокровием, впервые оказавшись в Империи, да еще для участия в столь представительном совещании, испытывал нешуточную оторопь и робость...

Потом девушки доложили Сварогу, что с поставленной задачей, очень похоже, хорошо справились — довольно быстро преодолев робость, Интагар сам начал задавать толковые и дельные встречные вопросы.

Ну, а вечером на него, уже по просьбе Сварога, которую Канцлер принял без возражений и сам поговорил

с принцем Диамер-Сонирилом, на Интагара пролилась кое-какая имперская милость — здесь прямо-таки ничтожная, а вот на земле весьма даже нешуточная.

Сейчас Интагар щеголял в новеньком мундире Канцелярии земных дел, алом с зеленым, обильно расшитым золотом. Три золотых птицы на красном стоячем воротнике означали всего-навсего чин премо-канцеляриста — если каламбурить, невелика птица. В земной чиновничьей табели о рангах четырнадцать классов, в Империи двенадцать, но сходства хватает — и здесь, как на земле, обладатели трех низших чинов приравнены всего лишь к сержантам, даже не гвардейским, армейским.

Однако здесь есть свои нюансы, понятные лишь тем, кто, подобно Сварогу, хорошо знает имперские и земные реалии. На земле обладатель даже самого низкого имперского гражданского чина неофициально приравнен к генералу — Империя порой кое-кого достаивает чина или звания даже выше, но случается это довольно редко. Так что на земле Интагару обеспечены как почет, так и лютая зависть многих титулованных господ — ну, перетерпят, корявые...

А пышность мундира — это уже инициатива предшественника Диамер-Сонирила. В Канцелярии земных дел самые роскошные у чиновников Империи мундиры. Даже обладатель самого низшего чина сияет золотым шитьем — а у высших чинов из-под него и мундирной ткани почти не видно, главным образом на спине, но и она в должной степени украшена причудливым шитьем.

Это не блажь и не прихоть, а точный расчет. Роскошь мундиров служит той же цели, что и откровенно вульгарная, аляповатая роскошь, с какой устроена резиденция Диамер-Сонирила. Любой житель земли, не исключая монархов, должен поневоле испытать должное почтение при встрече с самым мелким чиновничком Канцелярии земных дел, выраженным гораздо пышнее, чем самые высшие земные придворные чины, не говоря уж о генералах и маршалах, высокая политика-с, наглядная аги-

тация — хотя последний термин здесь и неизвестен, его аналогов полно и на земле, и в Империи...

Сварог присмотрелся. На лице Интагара он уже не заметил ни робости, ни оторопелости — скорее уж там присутствовала некая мечтательность. Что было, конечно, сильно — до сих пор понятия «Интагар» и «мечтательность» как-то не сочетались...

— Ну, как настроение и самочувствие? — весело спросил Сварог.

Интагар (с чьей бульдожьей физиономии так и не исчезла полностью мечтательность) не сказал, а именно что в о с к л и к н у л:

— Словами и не опишешь, государь! Империя, т а к о е совещание, наконец, этот мундир... Я рассыпался бы в благодарностях, но прекрасно знаю, что вы этого не любите...

— Терпеть не могу, — кивнул Сварог. — Я вам уже говорил как-то: лучшей благодарностью будет отличная работа. Каковая скоро начнется. Надеюсь, вы уже достаточно собрались с духом, чтобы отбросить все эмоции и работать с присущей вам хваткой? Вы все же не юный кадет, получивший первый офицерский чин...

— Конечно, государь! — отчеканил Интагар, моментально согнав с лица остатки мечтательности и прочих посторонних эмоций, став прежним хладнокровным и цепким бульдогом. — Полностью готов. Признаться, трудновато было обдумать и уместить в голове все, что мне рассказали и показали графиня Дегро и маркиза Томи... но, смею думать, у меня получилось.

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Головоломнейшая задача перед нами стоит, перед всеми, а потому...

Он замолчал, обернулся на стук распахнувшейся двери флигеля. По ступенькам легким шагом спустилась Канилла, в мундире со всеми наградами и знаками отличия, в начищенных сапогах (на сей раз не белоснежных пижонских, а строго уставных черных), при кортике, со строгой косой, уложенной на спине овалом.

Она лихо отдала честь на ронерский манер:

— Командир! Докладываю: готова и собрана. Простуду вылечили еще вчера. Следую в зал совещаний.

Все это было произнесено без тени легкомыслия и улыбки, крайне серьезным уставным тоном.

— Вольно, лейтенант, — сказал Сварог. — Шагом марш.

Она прищелкнула каблуками и направилась в сторону резиденции Канцлера — не отбивая шаг, но и не вольной ш т а т с к о й походочкой. Интагар, глядя ей вслед с несомненным одобрением, сказал:

— Совсем другое впечатление... Совсем другой человек. Солидная, серьезная, будто и не она. Никаких тебе куцых платишек и дерзких вырезов. Вчера и она, и маркиза Томи были одеты и причесаны точно так же. Вот это я одобряю. — И повторил: — Совсем другой человек...

— Все зависит от места действия, — усмехнулся Сварог. — З д е с ь она — на крайне важной и ответственной службе, прилагает все усилия, чтобы выглядеть как раз серьезной и солидной, без тени легкомыслия или ветренности. Кстати, она на хорошем счету, за ней числятся парочка нешуточных достижений. Видели ее регалии? Их в данном конкретном случае зря не вешали, тем более что один знак отличия мой, а я подхожу с большим разбором.

— Я верю, разумеется. Но тому, кто ее видел исключительно внизу, в крайне легкомысленном облике, верится не сразу. Когда они с маркизой вчера меня посетили, я их сначала даже не узнал...

— Я же говорю: все зависит от места действия, — сказал Сварог. — Там, внизу, она просто-напросто развлекается... хотя порой и занимается серьезными делами. Отсюда и подол выше обычного, но не более чем на два пальца, и вырез поглубже на те же два пальца, и все остальное. В конце концов... Ну чего другого вы ждете от девушки двадцати с лишним лет, да еще красавицы?

Он стоял лицом к посадочной площадке и видел, как опустился знакомый, серый с алым брагант профессора Марлока, как его встретил молодой человек в лиловом, и они вместе без всякой спешки направились к резиденции.

— И еще волосы, — проворчал Интагар. — Распустит до пояса... И ведь ей нравится, когда на нее глазают...

— Будь мы с вами красивыми девушками, Интагар, нам это тоже нравилось бы, — сказал Сварог. — Что касается волос — это уже излишние придирки. Только замужней дворянке крайне неприлично показаться на людях с волосами, не уложенными в прическу, а незамужним этикет позволяет ходить простоволосыми... как обе ваших дочки часто и поступают.

— Вот то-то и оно, — мрачно сказал Интагар. — Об этикете мне обе дочурки и напоминали с улыбочками, когда пробовал их мягко наставлять. Давно уже не пытаюсь, бесполезно, отшутятся... и с точки зрения этикета будут совершенно правы, тут уж ничего не возразишь...

Сварог посмотрел на часы. Время в запасе имелось. Давненько уж он собирался коснуться морального облика с а м о г о ревнителя строгой морали, да все времени не находилось. А вот сейчас держитесь, господин новоиспеченный премо-канцелярист...

Он сказал не без вкрадчивости, едва ли не ангельским голосом:

— Знаете, Интагар, я тут предпринял исторические изыскания, довольно несложные и не уходящие особенно уж далеко в глубь времен — во времена вашей юности. И вот что узнал: во времена вашей юности и девушки, и юноши Гильдии, к которой вы принадлежали, шли на всякие модные ухищрения в одежде — как и члены других Гильдий, и дворяне, и крестьяне. Сейчас практически то же самое, разве что большинство модных ухищрений изменилось. Молодые люди делали отвороты на голенищах сапог шириной не менее чем в ладонь, вместо темных шейных платков носили разноцветные, яркие, шапки сбивали набекрень, непременно на левое ухо, модно

было еще расстегивать пуговицы на кафтане или камзоле через одну. И много еще всякого, лень перечислять. Конечно, домой все возвращались, тщательно приведя себя в порядок — ваши отцы и матери на все это смотрели совершенно с тем же осуждением, с каким вы сейчас смотрите на немного укороченные девичьи платья. Что ничуть не мешало всем вам, оказавшись достаточно далеко от родительского дома, вновь придавать себе самый модный вид... Было ведь дело, Интагар? И вы голенища заворачивали, яркие платки носили, и все прочее?

— Приходилось... — проворчал Интагар не без смущения. — Нужно же было не ударить в грязь лицом перед друзьями. Да и девушки... Молодые мы были, ветер в голове...

— Вот именно, — сказал Сварог. — Ключевая фраза. Молодые мы были, ветер в голове. Я могу сказать о своей юности то же самое.

Интагар, в некоторых случаях проявлявший крайнее упрямство, продолжал безразличным тоном:

— Вы правы, конечно, государь. Но есть еще граф Гаржак и герцог Лемар...

Еще более вкрадчиво, еще более ангельским тоном Сварог спросил:

— А если мы вспомним о тетушке Талажи, хозяйке вполне приличного и процветающего кабачка «Индюшка и грабли» на улице Стекольников?

— Докопались-таки... — проворчал Интагар не без смущения, глядя в сторону. — Это, конечно, ваши люди? У д р у г и х не получилось бы, как ни старались...

— Конечно, мои, — сказал Сварог. — Вы все эти годы мастерски конспирировались — но мои люди, в отличие от, как вы выражаетесь, других, располагают кое-какими техническими средствами... Успокойтесь. Просто не на что пенять. Дело совершенно житейское. Вы вдовец, тетушка Талажи — вдова, все у вас началось, когда вы уже оба овдовели. Обстоятельства скорее уж располагают к вам — все это длится двенадцатый год, едва ли

не устоявшийся брак, и на стороне вы оба утех не ищите. Когда переехали в Латерану, приложили немало усилий, чтобы и тетушке Талажи удалось обустроиться здесь, деньгами помогли нешуточными... Похвально, право. Послушайте, Интагар, поговорим попросту, как мужчина с женщиной. Почему бы вам на ней не жениться? Что мешает?

— Одно-единственное, — с тяжким вздохом сознался Интагар. — Мы с Родой боимся, что дочери мои воспримут это как-то не так, и будут всякие сложности...

— По-моему, вздор и надуманные страхи, — сказал Сварог уверенно. — Они у вас девушки умные, я надеюсь, все поймут правильно. Вы, в конце концов, вдовец и еще не стары, а ваша подруга вовсе не разбивает семью. Я искренне надеюсь, вас не останавливает то, что вы теперь обладатель золотого дворянского пояса, а тетушка Талажи остается в Медной Гильдии, в градских обывателях? Если это так уж принципиально, я поручу моим людям — и в два счета смастерят кучу вполне убедительных «старинных» бумаг, неопровержимо доказывающих, что тетушка Талажи — старого дворянского рода, давным-давно катастрофически обедневшего. Такое в жизни случается и без поддельных дворянских грамот, уж вы-то должны знать.

— Да нет, об э т о м как о препятствии вообще речи не идет.

— Ну тогда что вам мешает? — спросил Сварог. — Вдобавок ко всему, обе ваших дочери вот-вот упорхнут навсегда из отчего дома, так что самое время ввести в него жену...

— Да я давно уже подумываю. Только никак не могу решиться, уговорить Роду. Это я-то... Смешно, но так оно и обстоит — не решаюсь...

— Возьмите да и решитесь, — сказал Сварог. — Это, конечно, тот случай, когда и король не волен приказывать, если он не дурак и не законченный самодур. Я вам от чистой души с о в е т у ю. Наберитесь решимости...

— Попытаюсь, государь, — с тем же упрямством Интагар добавил. — Только это совсем другое дело. Мы с Родой люди в годах, пожившие, а девчонкам — уж позвольте так их для данного случая именовать — по двадцать с небольшим...

Сварог прищурился:

— Если вернуться к тем самым историческим изысканиям, во времена вашей юности... Насколько я знаю, порой молодые парочки где-нибудь на сеновале, в амбаре, в пригородном лесочке заходили дальше поцелуев и вольностей руками... Случалось ведь, Интагар?

— Случалось...

— Вот видите. Скажу по совести: меня порой чуточку царапает, когда вы попрекаете нынешнюю молодежь за те самые проказы, которых не чурались в молодости. Смотрится, знаете, как-то... И чуточку смешно, и вообще... Давайте договоримся: вы никогда больше не будете разводить ворчанья касаясь морали нынешней молодежи. Это опять-таки не приказ, а просьба...

— Впредь не повторится, государь, — после короткого молчания заверил Интагар. — Слово... слово дворянина.

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — А насчет женьтибы подумайте всерьез и решитесь наконец. Забавно как-то получается: в а м не хватает решимости. Узнай кто, долго смеялись бы... Ага, это явно за нами.

К ним быстро шагал молодой человек в лиловом. Подойдя, коротко поклонился с тем же бесстрастным видом:

— Господа, вас просят. Совещание вот-вот начнется...

...Кабинет Канцлера был Сварогу давно знаком, и далеко не впервые здесь собралась «Большая четверка» — Яна, Канцлер, профессор Марлок и он сам. Разве что добавились Канилла и Интагар — но и на прошлых совещаниях всегда присутствовал кто-то, кроме них четверых.

Еще когда начали рассаживаться, он почувствовал что-то вроде тягостного неудовольствия. И очень быстро понял причину — повторилась ситуация с Багряной Звездой...

Лица у всех были озабоченные, чуточку встревоженные — но именно что ч у т о ч к у. По большому счету, как и в прошлый раз, Крепость Королей — а Сварог уже не сомневался, что она существует, — с м е р т е л ь н у ю угрозу являла собой исключительно для Талара. Если вот прямо сейчас н а к р о е т, и температура упадет, скажем, до минус пятидесяти, все живое погибнет, и Талар превратится в мертвый ледяной шар — и т о л ь к о. Остальные три обитаемых планеты это нисколько не затронет — там не обнаружено ни следа попыток искусственным образом в глобальных масштабах управлять погодой. Получится где-то даже и буднично: повторится операция «Журавлиный клин», все продумано и расписано, остается лишь отдать приказ. И лары преспокойно уйдут на Сильвану. А Талар... Печально чуточку для Империи, но не смертельно...

Все держались, в общем, как обычно. Один Интагар чувствовал себя явно скованно — он свыкся с Яной в облике «баронессы Вольмер», но сейчас это была императрица Четырех Миров. Одета не столь уж пышно, и драгоценностей немного, однако з д е с ь она была исполнена не особо проявлявшейся внешне, но безусловно присутствовавшей спокойной в е л и ч а в о с т и. Менее всего ее ощущал Сварог — она столько ночей провела в его объятиях, столько времени прожила в его замках в Хелльстаде и Латеране, да и по Талару они попутешествовали немало. Так что для него это была в первую очередь его девушка — а в Хелльстаде еще и законная супруга, обвенчанная с ним по всем правилам. Остальные, конечно, держались иначе — особенно Интагар.

— Прошу внимания, — сказал Канцлер. — Начнем... Начать, я думаю, следует с результатов поисков — как истари заведено, моментально подыскивали название, поименовав поиски «Операцией „Снег“». На мой взгляд, не самое удачное название, но эти названия — такой пустяк... Итак, результаты... Пока что с ними был знаком только я, остальные не торопились, решив подождать

до совещания. Так вот... К Инбер Колбта стянули около двухсот орбиталов-наблюдателей — примерно десятая часть того, чем располагают наши спецслужбы. Но больше и не требовалось, иначе орбиталы стали бы мешать друг другу, перекрывать отведенные каждому участки. Одновременно маркиз Оклер выпустил в море меж островами около сотни с в о и х, чисто морских автоматов-наблюдателей — в первую очередь они искали подводные входы в некие помещения. Как это было в случае с базами токеретов и поисками Хозяев Дакаты, о чем должны прекрасно помнить все присутствующие... за исключением господина Интагара, но ему достаточно будет моего заверения, что эти сведения сейчас совершенно не нужны. Не так ли?

— Разумеется, ваша светлость, — склонил голову Интагар.

Канцлер продолжал бесстрастно:

— Орбиталы работали более суток — а наблюдатели Оклера завершили поиски буквально час назад, Оклер для надежности провел поиски дважды. Результат — нулевой. Никаких подземных входов не обнаружено — только те, прежние, в свое время уничтоженные, как и базы токеретов, и жилища Хозяев Дакаты — а что еще было с ними делать? Вы все помните то совещание... И орбиталы ничегошеньки не обнаружили. Все находки представляют интерес исключительно для историков и археологов — старинные корабли на дне, несколько старых кладов и тому подобная д р е б е д е н ь, которая меня абсолютно не интересует, всех остальных, думаю, тоже. Результат, повторяю, нулевой. Что у вас, лорд Сварог?

Сварог легонько развел руками. Он себя чувствовал чуточку виноватым, хотя вины на нем не было ни малейшей.

— У меня обстояло, можно сказать, и еще хуже, — ответил он. — М о и системы способны исключительно на визуальные и слуховые наблюдения, — подметив краем глаза выражение лица Интагара, явно незнакомого с этим

термином, он добавил специально для него: — Вульгарно выражаясь, они способны только смотреть и слушать. Моему... предшественнику этого было достаточно, д р у г о й наблюдательной аппаратуры у него не было, он так никогда и не озаботился ее созданием, так что изготовить ее мои мастера не в состоянии, разве что скопировать уже имеющуюся — но кому это нужно? Короче говоря, я ушел, когда не прошло и часа. Это было бессмысленно — оставаться там далее. Мои наблюдательные средства дублировали одну из функций орбиталов, и не более того. Конечно, я педантизма ради велел провести поиски по всей территории Инбер Колбта, это отняло сутки с лишним, но результаты опять-таки оказались нулевыми.

— То есть все службы, и имперские, и ваши — в равном положении, — констатировал Канцлер.

— В тупике, я бы уточнил... — сказал Сварог, понурясь.

— Ну что же... — сказал Канцлер. — По-моему, остается одно: все выскажут свои предположения... то есть те, у кого предположения есть. Поскольку д о к а з а т е л ь н ы х версий все равно не имеется, предположения нужны л ю б ы е. Самые фантастические, — он криво усмехнулся: — Самые безумные. Все равно ничего другого не остается. Только громоздить предположения, надеясь, что все же в конце концов з а м а я ч и т нечто... Ваше величество?

— Полностью согласна, — сказала Яна, слегка нахмурясь. — Действительно, ничего больше не остается, — она бледно улыбнулась. — Должна сразу предупредить: лично у меня никаких предположений нет... даже фантастических и безумных. Совершенно ничего не приходит в голову, простите уж...

— Ну что вы, ваше величество, — сказал Канцлер. — Признаюсь уж откровенно: мне тоже ничего не приходит в голову...

Наступило недолгое напряженное молчание. Яна с несколько отрешенным видом достала свой портсигар с крышкой, усыпанной большими сапфирами цвета ее

глаз, сунула в рот сигарету. Краем глаза Сварог заметил на лице Интагара страдальческое выражение, точнее, его т е н ь — старый моралист, несмотря на ситуацию, оставался верен себе: ну не должна девушка двадцати с лишним лет курить, особенно если она императрица...

Это словно послужило неким сигналом: Сварог и Канилла достали свои портсигары, а Канцлер с Марлоком — трубки...

— Ох, простите, дамы и господа, я совершенно забыл... — с ноткой смущения сказал Канцлер. — П р е ж д е такая аппаратура никогда не использовалась, и я совершенно упустил из виду... Лейтенант Дегро... Судя по выражению вашего лица, результат и у вас нулевой?

— Вот именно, — кивнула Канилла. — Излучение всех «ручейков» во время... снегопада не менялось. Оно и сейчас остается прежним. К случившемуся они явно не имеют никакого отношения.

— Я, конечно, скажу жуткую банальность, — произнес Марлок. — Но это как раз тот случай, когда отрицательный результат — тоже результат. По крайней мере, мы можем быть твердо уверены в одном: «ручейки» к случившемуся не имеют никакого отношения. Правда, я не представляю, где это знание можно применить...

— И вряд ли кто-то представляет... — сказал Канцлер. — В таком случае остается одно — те, у кого соображения есть, их выскажут. Начнем с вас, Марлок, я думаю? Как-никак, вы единственный здесь у ч е н ы й... впрочем, есть еще и лейтенант Дегро, но пойдем уж по старшинству... Итак?

Марлок выпустил клуб дыма и задумчиво проследил, как он тает под потолком.

— Соображение у меня одно-единственное, — сказал он прямо-таки непререкаемым тоном. — Я совершенно уверен, что Крепость Королей существует и работает с неизвестных нам времен до нынешнего дня. Доказательств два. Они косвенные, но, по-моему, весомейшие. Первое. Опять-таки с неизвестных нам с точностью до года и даже

десятилетия времен на Таларе сохраняются климатические условия, которые не могут существовать в природе. Могут быть исключительно результатом работы установок по глобальному... вам понятно это слово, Интагар?

— Да, мне объяснили...

— Отлично. Установки по глобальному управлению погодой — в масштабах всего Талара. И это, безусловно, установка, созданная в доштормовые времена, — нет никаких свидетельств, что это дело рук наших предков — конечно, сохранились сведения далеко не обо всем, происходившем до Вьюги, но все же я остаюсь при своем мнении. Будь это делом рук предков-ларов, хоть какие-то воспоминания сохранились бы в «Хронике Семи» (нужно будет изучить наконец материалы по Вьюге, подумал Сварог. Сижу, как болван, представления не имея, о чем, собственно, речь, ничем не отличаясь от Интагара). В том, что установка — безусловно, работающая в автоматическом режиме — существует и действует пять с половиной тысяч лет, лично я не вижу ровным счетом ничего удивительного. Все знают, как долговечны изделия живших до Шторма людей: «Рагнарок» лорда Сварога, всякие устройства и приборы, простые и сложные, в некотором количестве попавшие в руки наших служб до того, наконец, хорошо изученная к нынешнему дню база «Стагар»: все это время она пребывала на морском дне, однако все там — ну, почти все — либо работает — я о компьютерах, пребывающих в спящем режиме, — либо может быть приведено в действие. Кое-что мои люди в действие и привели — правда, практической пользы это не имеет никакой. Почему так обстоит со сделанными до Шторма вещами, никто до сих пор так и не смог объяснить — но сейчас, по-моему, это совершенно несущественно... Второе. Этот загадочный снегопад можно объяснить исключительно неким... изменением в режиме работы Крепости Королей — оставим уж за ней это названное, следуя старинным книжникам, пусть и не представлявшим, что это такое... Явление носило глобальный характер.

Все шесть точек, из которых за двадцать с лишним минут распространились снежные облака, закутавшие весь Талар, нами установлены точно. Их п р а в и л ь н о с т ь, думается мне, служит лишним доказательством того, что мы имеем дело не с природой, а с творением человеческих рук. Вот, извольте.

Он пробежался кончиками пальцев по световой клавиатуре своего компьютера, серебристого пенальчика размером с портсигар Сварога, служившего тем же целям. Посреди кабинета, так, что видеть могли все присутствующие, возник шар размером с арбуз — точное изображение Талара, цветное и объемное (Интагар, для которого голография была в новинку, сделал удивленное движение, но тут же постарался придать себе невозмутимый вид). Со своего места Сварог видел пушистые, светившиеся бледно-желтым комки, этикие клубочки — четыре из шести, два у полюсов, два на экваторе.

— Такая вот картина, — прокомментировал Марлок. — Четыре криволинейных отрезка, разделяющих точки на экваторе, о ч а г и, совершенно идентичны, до десятых долей джайма. П р и р о д а такого не в состоянии обеспечить. Если развивать мысль... Из соображения о том, что Крепость Королей существует и работает прямо-таки автоматически, проистекает два объяснения происшедшего. Только два, других я не нашел, как ни ломал голову. Либо установка все же дала в конце концов некий сбой, либо... Вы просили сумасшедших идей, Канцлер? У меня есть одна. Либо кто-то сумел проникнуть в Крепость Королей и справиться с управлением. Кто, каким образом, зачем, я решительно не представляю — ну, разве что принять версию чисто научного любопытства. Не столь уж безумная версия. Мы, ученые, такой народ... — усмехнулся он чуть смущенно. — Мог найтись кто-то, охваченный неистребимым любопытством... наподобие того случая, когда графиня Дегро несколько непринужденно обошлась с аппаратурой Лицея. Тысяча извинений, графиня, это не упрек и не ирония, я просто привожу как пример...

— Я понимаю, — кивнула Канилла, и бровью не поведя.

— Возможно, я двигаюсь в неверном направлении, и все же... — продолжал профессор, погасив изображение Талара. — Я представил себя на месте этого бесшабашного экспериментатора... Пожалуй, окажись я в состоянии управлять установкой, действовал бы примерно так же. Зрелище было крайне эффектное, а вот ущерб — ничтожным, если считать в масштабах планеты. У вас ведь уже есть какие-то доклады, лорд Сварог?

— Конечно, — кивнул Сварог. — Я поднял на ноги тысячи людей — полиция и сельская стража, спецслужбы, чиновники, наконец, военные... Точнейших данных нет, но уже сейчас можно составить некоторое представление. Погибло около сорока человек — главным образом легко одетые деревенские детишки, оказавшиеся вдали от дома, возможно, насмерть перепугавшиеся, начавшие бессмысленно метаться, — он с горечью pokrивился: — С а м ы е маленькие детишки. Те, что постарше, сообразили, что следует бежать домой, под крышу... правда, есть погибшие и среди них — снегопад был чертовски густой, тут и взрослый с трудом найдет дорогу, — он посмотрел на Каниллу. — Лейтенант Дегро рассказывала, что она едва не заблудилась в Латеране, которую неплохо знает, что уж говорить о полях и лесах, где в таких условиях ориентиров вообще не найдешь... Дети. И застигнутые в дороге путники. Думаю, число погибших еще не известно полностью, но вряд ли оно будет так уж велико. Ущерб... Опять-таки минимальный. Пара дюжин кораблей угодили на морское прибрежное мелководье или налетели на речной берег, но затонуло, по тем данным, что пока имеются, четыре или пять, погибших около десяти, они включены в общее число. Пара кровельщиков сорвалась с крыш, ну, и тому подобное. Чисто материальный ущерб, если взять всю планету, ничтожен: несколько пожаров, сверзившихся в придорожные рвы карет, разбившиеся в портах ящики и бочки, когда из-за снегопада стало почти

невозможно управлять подъемными кранами. И тому подобное. Есть одно-единственное по-настоящему масштабное явление. Ц в е т ы. Дикорастущие и те, что были на грядках садоводов и клумбах. Изрядная часть погибла. Точный процент никто не подсчитывал — я думаю, он никому не нужен, как не нужен был мне. Если брать в общем и целом... Вы правы, профессор, в масштабах планеты ущерб ничтожен... Правда, это не означает, что я вслед за вами склоняюсь к версии о ч е л о в е к е. Я просто не в состоянии выбрать какую-то одну из двух версий. Возможно, вы тоже?

Профессор помолчал, сказал задумчиво:

— Не могу сказать по недостатку данных, какая из двух версий правильная. Но твердо уверен, что их только две. И еще... Возможно, мне просто страшно хочется верить, чтобы правильной оказалась версия о человеке...

— Почему? — невозмутимо спросил Канцлер.

— Потому что она сулит гораздо меньше опасностей, — сказал Марлок. — Если это человек, он может в конце концов как-то себя проявить, будут шансы его обнаружить и взять. Тут уже чисто спецслужбистские дела... В том, что я говорю, есть резон, лорд Сварог?

— Безусловно, — кивнул Сварог. — Если это человек, шансы появятся.

— А если это сбой, все может обстоять гораздо страшнее, — сказал Марлок. — Сбой может оказаться л ю б ы м. Дикая жара или дикие морозы, и не на квадранс — на часы, на дни. Все живое очень быстро погибнет. Мы ведь не сможем вывезти в с е население Талара, Канцлер?

— Не сможем, — сказал Канцлер с каменным лицом. — Нереальная задача. Что еще?

Марлок чуть растерянно развел руками:

— Собственно, у меня все...

— Лорд Сварог?

— У меня нет никаких соображений, — произнес Сварог, чувствуя, что каждое слово дается ему с трудом. — Ну разве что... Еще раз перелопатить труды земных

книжников в поисках зыбкого следа... Перерыть библиотеку Вентордерана, просмотреть все, что имеется в моем тамошнем компьютере — я до сих пор не изучил все з а к р о м а... Но я бы не возлагал заранее на это больших надежд. Не знаю, что еще сказать...

— Лейтенант Дегро?

Канилла с унылым, едва ли не горестным видом пожала плечами, понурилась:

— Мне вообще нечего сказать. Что-то такое смутно вертится в голове, но четко сформулировать не могу...

— Следовательно, у нас остается господин Интагар, — Канцлер уперся пытливым взглядом в помянутого. — Вы хорошо разобрались во всем, что вам рассказали лейтенант Дегро и капрал Ролатон?

— Пожалуй, да, ваша светлость, — не без осторожности начал Интагар. — Конечно, далеко не сразу, что-то понадобилось как следует осмыслить и уместить в сознание — а что-то сразу показалось очень понятным. Думаю, разобрался. Конечно, многие чисто н а у ч н ы е подробности мне непонятны...

— Как и практически всем здесь присутствующим, — скупое усмехнулся Канцлер. — Даже профессору не все понятно, верно ведь, профессор. Вот видите... Так что не заморачивайтесь научными сложностями, Интагар, они вам не нужны... как и прочим. Не в них дело... Я вас пригласил по другой, весьма существенной причине. Мне необходим с т о р о н н и й взгляд на происходящее. Умный человек со стороны. Вы прекрасно поработали в горротском деле, выдвинув версию о Страшном Бородаче. Не стану вам чрезмерно льстить и говорить, что это имело р е ш а ю щ е е значение для победы. Но сыграло очень большую роль, очень... Вот и сейчас я хочу, чтобы вы взглянули на происшедшее со стороны, не с той точки зрения, что другие. У вас было достаточно времени, чтобы многое обдумать, не правда ли? С вашим острым умом... Какие-то соображения у вас появились? Не бойтесь высказывать, как я уже говорил, то, что может показаться

фантастическим и даже безумным. Все равно у нас нет ничего реального и разумного, так что сейчас гонится абсолютно все... Итак?

— Кое-какие соображения у меня появились, ваша светлость, — сказал Интагар медленно. — Вы правы, времени было достаточно, я размышлял весь вечер и часть ночи... Соображения... В первую очередь на ум приходит одно: возможно, вы ищете как-то не так, где-то не там. Я не могу сказать, как нужно искать правильно, где следует искать. Но вот это соображение прочно засело в голове, как гвоздь в сырой доске: возможно, ищут как-то не так и где-то не там. Я мог бы рассказать одну примечательную историю, но она достаточно длинная... Однако, по-моему, отлично иллюстрирует мои соображения...

— Рассказывайте, — сказал Канцлер. — Чего-чего, а времени у нас достаточно, причем его попросту не на что употребить... — в его голосе явственно прозвучали приказные нотки. — Рассказывайте. Уж вы-то сумеете опустить ненужные подробности...

— Это было лет двадцать пять назад, в Равене, я тогда уже служил в полиции, правда, чин был небольшой, вроде капитанского... Жил тогда искуснейший вор, виртуоз в своем ремесле. Граф Сагадар. Да, самый настоящий граф, старинного рода, но из тех, кого именуют «позор семьи». Когда он, как говорится, пошел по кривой дорожке, семейство от него отреклось — но не было возможности лишить его титула и герба, такое может, по закону, только отец, а отец к тому времени умер. В чем-то он крайне походил на герцога Лемара... ваша светлость, вы, впрочем, не знаете, кто это...

— Представьте себе, знаю, — столь же скупое усмехнулся Канцлер. — Просто невозможно плотно заниматься земными делами и не знать о герцоге Лемаре. Прямотаки легендарная персона...

— В таком случае вы меня поймете, — с облегчением вздохнул Интагар. — Ничего не нужно объяснять... Сагадар был такой же почти легендарной персоной. Разница

только в том, что Лемар занимается аферами, а Сагадар занимался исключительно кражами. Сущий талант, если только можно применить такое определение. Умел перемещаться бесшумно, как призрак, любой самый сложный замок открывал едва ли не гвоздем или дамской шпилькой для волос, кражи свои планировал самым тщательным образом, сообщников если и держал, то на десятых ролях, чтобы не могли дать полиции уличающие показания. Иные полагали даже, что он в обмен на эти таланты продал душу нечистой силе или владел какой-то сильной магией — правда, ни то, ни другое потом не подтвердилось, люди из Багряной Палаты это установили совершенно точно... Одним словом, он лет пять был сущей головной болью сыскной полиции — еще и потому, что по мелочам не работал: дорогая ювелирка, ценный антиквариат, который может унести один человек в мешке, а то и в кармане, крупные самоцветы... В общем, такие вещи. Я не стану описывать все, что он наворотил за пять лет — это как раз будет ненужная подробность. Но наворотил ох как немало, одна коллекция старинных медалей герцога Ковербро чего стоит... Жила тогда вдовствующая герцогиня Ноле-сан. Одна из богатейших дворянок королевства, титульная вдобавок. Поместья, иные с рудниками, огромное состояние, изрядное число драгоценностей, в основном фамильных. В ее коллекции драгоценностей самой дорогой была одна вещица... Собственно, несколько вещиц... Гарнитур с бриллиантами, купленный еще ее дедом. Диадема, колье, два браслета, три перстня, брошь. Восемьдесят семь крупных бриллиантов, причем ч е р н ы х. Цветные бриллианты в большой цене, стоят гораздо больше обычных, такой же величины, особенно редки черные. Гарнитур в свое время изготовили в ювелирном торговом доме, крупном, старом. Он и сейчас существует... Камни для него ювелиры собирали в течение почти двадцати лет, на Таларе и на Сильване, сначала старший в семье, потом, когда он умер, два его сына, к которым перешло дело. Не помню уж, за сколько его продали деду герцогини, но когда произошла

эта история, гарнитур оценивали в три миллиона ауреев золотом. Знаменитый был гарнитур... мечта любого вора. Вот только добраться до него было трудновато: герцогиня большую часть года жила в своем дворце, в «титульном» поместье. Дворец был форменным образом набит драгоценностями и золотом, так что охрана была постоянная и серьезная. Иногда герцогиня приезжала на большие королевские балы, правда, далеко не на все — она к пожилому возрасту стала нелюдистой, все реже покидала поместье. Но всякий раз привозила гарнитур с собой. В ее городской дворец четырежды за семь лет пытались проникнуть лучшие воры — но каждый раз попадались. Последний случай был еще до того, как граф развернулся на полную и приобрел нешуточное мастерство. А потом случился очередной бал, в честь рождения герцогини Арталетты — король Конгер по этому случаю официальных торжеств, конечно же, не устраивал, но праздновал пышно, хоть и под другим предлогом. Правда, многие знали, что к чему, но помалкивали — это же Конгер, его уже тогда звали Ужасным... Я к этому делу был причастен, можно сказать, с самого начала. Мой тогдашний начальник был очень хорошим полицейским. Я у него многому научился, умный был человек, хваткий, отлично играл в шакра-чатурандж и умел просчитывать на несколько шагов вперед. Он рассудил: о приезде герцогини уже многим известно, значит, наверняка знает и граф. Не в его привычках — упустить такой случай... Наша тайная полиция решила помочь сыскной — там были только рады, графом к тому времени занимались и мы — некоторые его связи вели за границу, через контрабандные тропки, а они тогда — как, впрочем, и теперь — были в ведении и тайной полиции. Правда, герцогиня категорически отказалась впустить во дворец наших людей, одетых бы лакеями — очень своенравная была дама, считала, что ее люди справятся и сами, говорила, что они за много лет не допустили ни единой серьезной кражи. Так оно и обстояло, но раньше не было графа Сагадара... Когда стемнело, наши

люди по всем правилам установили тайное наблюдение, оцепили дворец. Надежнейшим, казалось, образом — но после полуночи клятый граф во дворец все же ухитрился проникнуть незамеченным. В будуаре герцогини, в одном из комодов, гарнитур и лежал. Один вооруженный слуга сидел в будуаре, второй похаживал в коридоре у двери. У графа была с собой обычная брызгалка, какие умеет делать любой ребенок, — только вместо воды там был настой цветков розовой алыты, а он, если подмешать в питье или просто брызнуть в лицо, вызовет мгновенный сон. Поэтому изготовление и хранение настоя до сих пор числится среди уголовных преступлений... В общем, гарнитур граф в з я л, незамеченным выскользнул из дворца, по нависавшей над оградой ветке дуба выбрался на улицу... но там-то его все же заметил один из сыщиков. Правда, поздно — когда граф был уже достаточно далеко и сворачивал за угол. Кинулись в погоню — увы, пешком. Неподалеку, на постоялом дворе — хозяин был сообщником, но это уже ненужная подробность — граф оставил коня. И умчался галопом. Ну, мы объявили тревогу по всему городу... Довольно быстро установили: граф, нигде не задерживаясь и не останавливаясь, понесся к себе домой. Его след потеряли в нескольких сотнях уардов от дома, но, получив новые донесения, поняли: он только дома может быть. Он ни за что не успел бы надежно спрятать добычу где-то по дороге, у него просто не было времени. Мы доложили министру, он отдал приказ на свой страх и риск... В конце концов, граф ни за что не стал бы приносить официальную жалобу на произвол полиции. У него и до того несколько раз бывали обыски — но они его только забавляли, он шутил над сыщиками, приглашал задержаться подольше, напоминал, чтобы не забыли пошарить в отхожем месте и мусорной корзине... В общем, еще до рассвета туда вломилась едва ли не сотня человек, людей было столько, что они форменным образом толкали друг друга локтями, словно зрители у ярмарочного балагана. Граф встретил нас, как и следовало ожидать, в халате, выглядел

крайне раздосадованным — у него в спальне обнаружилась девица, между прочим, дворянка из приличной семьи, тут же заявившая, что граф оставался дома с тех пор, как солнце еще не зашло. Но мы-то знали точно! Начальник поставил на карту все, понимаете? Либо он наконец уличит Сагадара, либо... будь что будет. А потому наши не церемонились: если были основания подозревать тайник, пол вскрывали, обои отдирали, если были основания думать, что в комоды или столе имеется потайной ящик, мебель ломали к чертовой матери. Дом был небольшой, и его за несколько часов форменным образом разгромили — правда, очень педантично и старательно. Граф все это время под присмотром двух наших сидел с девицей в спальне, пил вино, орал излюбленные ворами баллады — а его дворецкий, прохвост старый, ходил за нашими по пятам и тщательно записывал стоимость всего, что они сломали. У нас тоже имелись мастера своего дела, виртуозы... К рассвету мы форменным образом разнесли дом, от конька крыши до подвалов, конюшню, флигелек для слуг, поварню, вообще все... И ничего не нашли. Туда съехались лучшие наши люди. Они клялись всеми богами, в каких кто верил, — гарнитура нигде нет, просмотреть тайник они не могли. Места он занимал не так уж много, но и не так уж мало, — Интагар изобразил руками. — Когда рассвело, взялись за небольшой сад. Чуть ли не с лупами осматривали траву, искали свежевскопанную землю, в кроны деревьев заглядывали — был случай, когда в похожих обстоятельствах вор спрятал ожерелье в птичьем гнезде. И снова — ничего. Гарнитур словно в воздухе растаял...

— Минутку, минутку! — Канцлер словно бы с некоторым азартом выбросил руку. — А тот постоянный двор? Его хозяин?

— Об этом подумали сразу же, ваша светлость, — сказал Интагар. — Постоянный двор тут же был занят нашими людьми, его обыскали примерно так, как дом графа. Ничего не нашли. Хозяин не успел бы ничего никуда вынести... И все-таки гарнитур мы нашли. Правда, по чистой

случайности, а могли и не отыскать... У графа на крыльце по обе стороны лестницы, стояли два каменных волка — старой работы, в натуральную величину. Суета стояла нешуточная, люди порой мешали друг другу. Один сыщик нечаянно сильно толкнул другого, а тот устал после бессонной ночи и нешуточных трудов, еле на ногах держался. Он не устоял, со всего маху рухнул на одного из волков — а мужчина был рослый, крупный... Волк возьми да и упади! Да на части расколись! Что оказалось... Граф еще за несколько дней до кражи ночью с помощью того самого дворецкого и еще парочки слуг подменил одного из волков пустотелой гипсовой копией. Очень хорошая была работа, графу она обошлась в полсотни золотых, но игра свеч стоила: копию и при дневном свете нельзя было отличить от второй статуи... Под хвостом у него была оставлена большая дыра, туда граф гарнитур и спрятал, потом они за какие-то минуты утопили к а м е н н о г о волка в колодце, а гипсового поставили на его место. Не упади на него наш человек, так бы и не обнаружилось. Граф легко выиграл бы суд, пришлось бы возместить ему все до грошика, а гарнитур можно было оставить на месте и несколько лет — в конце концов наблюдение бы с Сагадара сняли, фальшивый волк был покрыт стойкой краской, замешанной на каменной пыли, мог долго выдерживать любую непогоду. А добыча стоила того, чтобы продержат ее в тайнике не один год. Чистейшая случайность нам помогла... Понимаете, ваша светлость? Мы искали н е т а м и н е т а к...

— Ну что же... — задумчиво сказал Канцлер. — Любопытная история. Я понял, кажется, куда вы клоните. Искать нужно не там и не так. Остается как следует подумать, какой смысл в эту формулировку вложить... Но идея неплохая...

— Ага! — вдруг прямо-таки ликующе воскликнула Канилла, вскочила. Щеки у нее разругались, глаза блеснули. — Интагар, я вас обожаю! Пока я вас слушала, сообразила наконец, что за мысль в голове крутилась!

— Прекрасно, что появились какие-то новые идеи, — сухо сказал Канцлер. — Однако, лейтенант, не будете ли столь любезны сесть и излагать свои мысли... менее эмоционально?

Не похоже, чтобы он сердился — просто легонько нахмурился в воспитательных целях. Сварог на его месте держался бы точно так же. Опомнившаяся Канилла торпливо уселась, ее щеки чуть порозовели, уши едва не горели.

— Докладывайте, — сказал Канцлер уже не так сухо.

— Если Крепость Королей и в самом деле существует, если она создана до Шторма (Канилла старалась говорить самым что ни на есть официальным, уставным тоном) — быть может, стоит ее поискать на Той Стороне? Возможности у нас есть. Строительство т а к о г о объекта займет не недели и даже не месяцы. Судя по времени, они уже довольно близко к Шторму. В любом случае мы получим какую-то информацию. Представления не имею, чем это поможет н а м, но это единственная реальная, конкретная акция, которую мы в состоянии провести...

Думал Канцлер недолго, какой-то квадранс минуты. У Сварога пронеслось в голове: вот черт, у самого в голове крутилось что-то такое смутное, не перелившееся в четкие формулировки. Нужен был т о л ч о к, как не раз уже случилось в подобных ситуациях. Интагар вновь на высоте...

— Ну что же, — сказал Канцлер уже далеко не так сухо. — Что-то в этом есть. Вы совершенно правы, лейтенант: ничего другого, конкретного и реального, мы просто не в состоянии сделать, потому что не представляем, что именно делать. В таком случае... Интагар, у вас такой вид, словно вы хотите еще что-то сказать. Я прав?

— Я бы хотел, ваша светлость. Но боюсь выйти за пределы отведенных мне рамок...

— Вздор, вздор! — нетерпеливо сказал Канцлер. — Говорите.

— Мне пришло в голову... Безусловно, господин профессор знаток своего дела, и я не осмелился бы с ним

вступать в дискуссию на чисто научные темы. Однако... Господин профессор объясняет мотивы человека — если мы допускаем, что там есть человек, — одной только научной любознательностью. Но человеческой натуре свойственны и другие побуждения...

Он замолчал. Уже понукая еще Канцлер сказал:

— Да говорите вы!

— Итак, там есть человек. И, надо полагать, человек весьма и весьма непростой, если он сумел найти Крепость Королей, проникнуть туда и даже привести тамошнюю машинерию в действие. У него могут быть и другие мотивы, кроме научной любознательности. Сплошь и рядом бывает еще и корысть... Что, если это демонстрация своих возможностей? Демонстрация силы? Возможно, последует некий ультиматум. Возможно, он захочет что-то получить — то ли своего рода «вознаграждение кладоискателю», и немаленькое, то ли, если уж взять крайности... Захватить Талар. Вполне возможно, я вторгаюсь в область тех тайн, куда не имею права вторгаться, но я хотел бы задать вопрос...

— Задавайте. Вы и так по уши в государственных тайнах, — Канцлер усмехнулся с давно знакомым Сварогу лукавым прищуром. — А главное — мы с вами люди циничные, как всякие государственные деятели — я попросту не усматриваю в этом мире тех, кому вы могли бы эти тайны выдать. Спрашивайте.

— Ваша светлость, как вы поступите, если ультиматум будет таким: либо вы навсегда покидаете Талар, либо он погибнет, на планету обрушится лютый мороз или лютая жара?

— Ответить просто, — сказал Канцлер спокойно. — Разумеется, мы уйдем. Если вопрос будет стоять именно так. К чему обрекать на бессмысленную смерть миллионы людей? Честно вам признаюсь: потеря Талара... что бы под этим ни понимать, для Империи, в общем, пройдет безболезненно. Не считая морального урона, но его в серьезных делах в расчет не принимают...

Слышал бы это принц Диамер-Сонирил, подумал Сварог. Вот уж для кого потеря Талара — что бы под этим ни понимать — самое скверное, что может случиться в жизни. Если переставить слова в мировом шлягере, то бишь «Интернационале» — кто был всем, станет ничем. Канцелярия земных дел для него — смысл жизни.

Он встрепнулся, услышав свое имя.

— Думаю, и к о р о л ь Сварог поступил бы так же? — с непонятым выражением лица произнес Канцлер.

— Безусловно, — ответил Сварог едва ли не моментально. — Коли уж на одной чаше весов мои короны, а на другой жизнь миллионов людей, к черту короны...

Он действительно так и поступил бы, ушел. И лучше не думать, сколь скучной и беспросветной станет тогда его жизнь, теряющая смысл. Но миллионы жизней — это миллионы жизней...

— Вот видите, — сказал Интагар. — Если Крепость Королей так и не отыщется, этого узурпатора будет просто невозможно взять. Сам он, вполне вероятно, пожелает восседать на престоле — на престолах — во всем блеске, но в Крепости могут остаться его сообщники. А наличие сообщников я бы допускал заранее — сомнительно, что такое дело можно провернуть в одиночку, даже если человек не вполне обычный. Никто не решится что-то против него предпринимать — чересчур уж велик риск... Вот и все...

На сей раз Канцлер раздумывал гораздо дольше.

— Ну что же, — сказал он наконец. — Нельзя исключать и такую возможность. Представления не имею, что это за человек и каким образом ему удалось... Но вы совершенно правы, Интагар: кроме бескорыстной страсти к научному познанию, есть много других, гораздо более корыстных мотивов. Знаете, если вы правы, это нашу задачу чуточку облегчает. Мы можем получить какой-то с л е д. Ультиматумы не падают с чистого неба... Кто-то еще хочет высказаться? Нет? В таком случае я бы закрыл совещание...

Он вопросительно посмотрел на Яну. Она кивнула, и ее лицо оставалось почти спокойным.

— В таком случае — совещание закрыто, — сказал Канцлер. — Господин Интагар, вы свободны... и примите мою благодарность. Остальных прошу задержаться. Да, ваше величество... Думаю, вы не будете против, если я поручу руководство операцией лорду Сварогу? В конце концов, на Той Стороне работают главным образом его сотрудники из девятого стола и восьмого департамента.

Мало мне было головной боли, не без грусти подумал Сварог. Но что поделаешь, придется...

— Ничего не имею против, наоборот, поддерживаю, — сказала Яна и встала. — Что же, я вас покидаю, нет нужды присутствовать и при разработке операции... Интагар, вы можете лететь со мной, я собираюсь в Латерану. Канцлер был настолько любезен, что поместил манор над «Медвежьей берлогой».

— С вашего позволения, ваше величество, я остался бы и подождал лорда Сварога...

— Как хотите. Всего хорошего.

Она коротко поклонилась и вышла всегдашней летящей походкой. А вот Интагар вышел следом совершенно незнакомой походкой — едва ли не плелся, ссутулившись, Сварог впервые видел его таким — ну, ничего удивительного, я чувствовал бы себя столь же пришибленным, но не раздавленным, в тридцать три морских черта! Еще побарахтаемся, рано опускать руки...

Когда почти через час они закончили, Каниллу с Марлоком Канцлер отпустил, а вот Сварога попросил остаться. И, едва за вышедшими захлопнулась дверь, сказал энергично:

— Лорд Сварог, вы не мальчик, чтобы напоминать вам лишний раз, но ситуация такова, что... Все силы на операцию «Крепость». Замок герцога Латери — небезынтересная штука, и не более того. Что бы там ни случилось еще, о чем мы пока не знаем, уже ясно, что речь идет о зле привычном и практически не опасном. Оно

всего-навсего считалось давно исчезнувшим, но это уже детали. Черные Алхимики — это сейчас настолько несерьезно...

— И все же я рискну противоречить, Канцлер, — сказал Сварог решительно. — Подготовка к операции «Крепость», как мы только что рассчитали, отнимет еще почти сутки. Причем я буду абсолютно не нужен, работать будут другие. А у меня уже все готово — штурм замка проработан, люди в готовности, осталось только нажать кнопку. Мы вполне успеваем, даже если начнем не прямо сейчас, а ближе к ночи — чтобы в замке отправились ко сну те, кто мне нужен в первую очередь. Мне совершенно нечем будет заняться эти сутки, мне... и лейтенанту Дегро, ей тоже не найдется дела на стадии подготовки...

Немного подумав, Канцлер поджал губы:

— Ну ладно, ладно... В конце концов вам и в самом деле нечем заняться, пока операция не началась... Еще раз напомню: будьте постоянно на связи со штабом операции. Мало ли что может случиться. Если ситуация изменится, поручите продолжать все кому-то — у вас, надеюсь, есть такие люди — и немедленно вылетайте.

Интагар дожидался Сварога у подножия ведущей в резиденцию лестницы — не похожий на себя, подавленный... но не разбитый!

— Вы так и торчали здесь? — спросил Сварог, неторопливо направляясь к посадочной площадке. — Зря. Сидели бы во флигеле...

— Душа не на месте, государь...

— А у кого она сейчас на месте... — проворчал Сварог. — Не беспокойтесь, уж вас-то с семейством я не брошу. Если что-то и случится, вряд ли это произойдет молниеносно. Наверняка успею увезти всех, кого наметил.

— Благодарю, государь, однако... Что это будет за жизнь, если не станет Талара... Вы и представить себе не можете...

— Могу, — сказал Сварог сухо. — Так уж обернулось, что это и мой Талар. Не вешайте носа, Интагар, побарахтаемся еще...

— Государь... Мне не полагается знать, что такое Та Сторона и о каких акциях идет речь?

Разумеется, он присутствовал, когда вскрыли потайную комнату, где был ведущий на Ту Сторону балкон и наблюдал с балкона Ту Сторону. И прекрасно знал, что и люди Сварога, и сам Сварог, и Яна регулярно туда уходят. Однако во все прочее был не посвящен. Отнюдь не потому, что Сварог собирался держать это от него в тайне — просто-напросто Интагару пока что не находилось применения на Той Стороне — а б е с п о л е з н ы м и тайнами и знаниями сам Интагар, прагматик до мозга костей, совершенно не интересовался.

— Тут другое, — сказал Сварог. — Просто-напросто там... в месте, о котором идет речь, вашим талантам применения я не вижу. Вы ведь и сами не интересуетесь тем, что считаете бесполезным для практической работы?

— Понимаю. В самом деле... Просто... Просто я хотел бы оказаться хоть чем-то полезен сейчас...

Впервые в жизни он т а к смотрел на Сварога — как перепуганный малый ребенок смотрит на отца: папа умный, большой и сильный, он-то играючи справится с любыми неприятностями... А если папа и сам не просто растерян, откровенно признаться, чуть испуган? Как бы не обстояло, говорить такое ребенку нельзя — отец должен оставаться непререкаемым авторитетом, олицетворением ума и силы...

— Если вы потребуетесь, я вам непременно скажу, как же иначе, — веско заверил Сварог. — Тьфу ты...

Он вытащил «портсигар» и, прочитав донесение дежурного девятого стола, поморщился:

— Вот уж что сейчас совершенно неинтересно... Очередная мелкая заварушка в Вольных Манорах. Какая-то бойкая девица, предположительно каталаунская дворянка, собрала неизвестно на какие шиши конный отряд, нагрянула в княжество Шалуат, объявила ваганум по всем правилам и довольно быстро взяла столицу. Армии

там практически нет, ополчение князь собрать не успел и предпочел сбежать на корабле...

— И никакие законы не нарушены...

— Вот именно, — сказал Сварог. — Ваганум никто не отменял, теоретически рассуждая, кто-нибудь и мне может объявить ваганум в любом из моих королевств — другое дело, что я этакого прыткого субъекта быстренько по стенке размажу. Но с юридической точки зрения — все было бы по закону. Черт ее знает, что ей в Шалуате понадобилось. Один из самых убогих и бледных Вольных Маноров. Единственное достоинство — поскольку он стоит на Ителе, имеет право торговать флагом морским и речным. Не знаю точно, но подозреваю, что это и есть главный источник средств к существованию как самого князя, так и многих его подданных. Ну, от каталаунских девиц можно ожидать чего угодно, в том числе и таких вот выходов. Мышиная возня, особенно теперь, когда у нас нешуточная проблема взгромоздилась на шею... У вас там кто-нибудь есть?

— Два надежных человека, — сказал Интагар. — Дыра жуткая, убожество — но с одной стороны граничит с Ронеро, с другой примыкает к Ителу. И до Равены всего-то два дня конного пути неспешным аллюром. Серьезных торговых путей там нет, есть более удобные, но контрабанда мелким ручейком течет, и шпионы порой проskalьзывают. Так что приходится присматривать. Прикажете связаться с ними?

— Не стоит, — поморщился Сварог. — Я же говорю — мышиная возня, особенно сейчас. С князем я незнаком, в глаза не видел, и мне, в общем, глубоко плевать, кто там сидит на тамошнем убогом троне, старый хрен, у которого даже порочных страстишек нет — как и каких бы то ни было достоинств, — или хваткая каталаунская девчонка, — и повторил, пожимая плечами: — Черт его знает, что ей в Шалуате понадобилось. Если смогла собрать достаточно сильный конный отряд, значит, деньги есть.

А с Шалуата много не возьмешь. Разве что княжеский титул прельстил — всякие у людей бывают амбиции и бзики. Абсолютно неинтересно. Все равно будет по всем правилам представляться мне, как Высокому Покровителю Вольных Маноров, вот и посмотрим, что за девица, — он фыркнул: — Хорошо бы была симпатичная: понятнее будет утверждать во владении, я с чисто эстетической точки зрения на это смотрю. Уродинка или неприятная мужеподобная девица на княжеском троне — это все же не то... Ну, Интагар! Не вешайте нос и смотрите соколом, не из таких переделок выходили. Опасности лучше встречать с шутками-прибаутками, так гораздо легче. Смотрите соколом!

— Попытаюсь, государь, — ответил Интагар угрюмо.

Глава VI

ВЫСОКАЯ НАУКА

Дождь лил, как из ведра, как в романе и рассказе двух классиков фантастики, которых Сварог открыл для себя в детстве и последний раз перечитывал пару месяцев назад. Да, вот так. Древний Ветер, Яна, единственная сейчас, кто им овладел всецело. Человек не забывает ничего, абсолютно ничего. Ему только кажется, что он забыл — но все, что он видел и слышал в жизни, хранится в потаенных уголках памяти. В точности так, как она извлекала из памяти Сварога интересовавшие ее воспоминания вроде того вечера на танцплощадке, помогла и в тот вечер, когда он посетовал вслух, что с удовольствием бы перечитал иные книги покинутого им мира, но это, увы, неосуществимо.

«Это почему?» — засмеялась Яна и немедленно принялась за дело, так что в маноре у Сварога стояло уже десятка два любимых книг — точные их копии, со всеми иллюстрациями.

Яна тоже попробовала читать. Почти все оказались ей неинтересны — она просто-напросто не понимала, о чем идет речь, а объяснять было бы лишком долго. Другое дело — «Три мушкетера» и «Одиссея капитана Блада».

Вот тут пояснения потребовались минимальные — очень уж многое имело аналоги в прошлом Талара, а то и в настоящем, взять тех же пиратов Карибского моря.

Он мог позволить себе посторонние мысли, хоть ворох — пока что в замке ничего особенного не происходило, и не было никакой надобности включать инфра, чтобы разглядеть окружающее сквозь мутно-непрозрачный купол воды, залившей силовое поле, служившее десантному брагantu вместо крыши. Ровным счетом ничего интересного в окружающем мире — ночь, нескончаемый дождь, брагant, повисший в паре уардов от одного из замковых окон, конечно же, невидимый для окружающих. Высокое аркообразное окно с красивым витражом, искусно сработанным лет двести назад хорошими мастерами. Чутьочку жаль витража, от него ничего не останется, когда все скоро начнется — но не тот расклад, чтобы сокрушаться об изделиях старых мастеров, поневоле приходится быть варварами...

Чувства были знакомыми, с ним не раз такое случалось и прежде, в прошлой жизни. Привычное дело — долго и терпеливо ждать, когда г р я н е т. Так что Сварог себя чувствовал, как рыба в воде — те, кто так и не научился терпеливо ждать, словно охотник в засаде, иногда срывали операцию, а то и гибли... Его десантура, еще по Гартвейну помнится, отлично овладела искусством терпеливо ждать — все шестеро застыли, как истуканы, ожидая команды. Сварог самую чутьочку размяк душою — очень уж это напоминало прежние времена, когда он точно так же ждал сигнала (а то и сам должен был его подать, как сейчас и обстояло). Разве что форма была другая, и оружие — но суть оставалась той же: десант готов идти на рывок, а сопротивление противника окажется в тысячу раз слабее, нежели в прежние времена. Собственно, никакого противника и нет — всего лишь небольшая орава приживальщиков и слуг, которых нетрудно будет после лихого броска согнать в кучу, как баранов. И оружия, способного бы причинить нападающим хоть малейший вред, в замке не сыщется — Сварог и его бравы ребяташки

надежности ради надели те самые синие комбинезоны с глухими капюшонами, в которых когда-то люди Гаудина ворвались в замок герцогини Морэг: простенькие на вид, но защищают не только от таларских пуль, но и от многих видов лучевого оружия ларов, идеальная броня...

Он не сводил глаз с экрана, хотя там по-прежнему не происходило ничего, достойного внимания. В объективе главным образом оказывались блюда с яствами, кубок с вином, нож-вилка-ложка (вся утварь золотая, ага, герцог лопается от денег). Канилла (конечно, с необходимым дворянству изыском манер) уписывала за обе щеки богатое герцогское угощение, причем отнюдь не играла — для пущего правдоподобия она крошки в рот не брала с утра, так что все выглядело чертовски жизненно: изголодавшаяся за день странница так себя и будет вести.

Временами в объектив попадал и герцог, сидевший напротив, порой лениво поддевавший вычурной и тяжелой золотой вилкой маленький кусочек с одной из стоявших перед ним тарелок — он-то был сыт. И, судя по траекториям его взглядов, он откровенно разглядывал Каниллу, благо полюбоваться было на что: в замке ей дали, насколько можно судить, одно из старых платьев Вердианы, для Каниллы тесноватое и коротковатое — но именно из-за этого добавлявшее ей не просто прелести, что там, эротичности. Что и требовалось сейчас.

Сварог ухмыльнулся. Он был доволен собой. Все разыграно, как по нотам, и пока что, сплунем через левое плечо (...ну да мы мысленно) проходило в точности по наработанному. С наступлением сумерек на землю, примерно радиусом в пару лиг, где центом круга служил замок, обрушили жуткий нескончаемый ливень с грозой и молниями — подобные м е л к и е воздействия на погоду в Империи давно изобретены. А через час к воротам замка в поисках приюта подъехала шагом промокшая насквозь молодая дворянка на заморенном коне — он и в самом деле вымотался, для пущего правдоподобия его долго гоняли галопом, изрядно утомив безвинную лошадку.

Когда герцогу доложили о неожиданной гостье, он немедленно распорядился ее принять (наверняка еще и оттого, что мордовороты у ворот уточнили: гостья молода и красива). И встретил заплутавшую путницу крайне гостеприимно: горячая ванна, дворянское платье, роскошный ужин, продолжавшийся до сих пор.

Легенда была железная, не способная вызвать подозрений и у навидавшегося жизненных сложностей человека. Молодая дворянка, жившая лиг за триста отсюда, оказалась этакой песчинкой в неумолимых жерновах судьбы: убогое отцовское поместье банкиры отобрали за долги — такое нельзя проделать только с «титульными» землями, при любых долгах хозяину полагается оставлять некий минимум. А имение погрязшего в долгах дворянина (не носившего никаких титулов) титульным не было. От страшного огорчения неисправный должник неожиданно застрелился, и девушка осталась одна-одинешенька на белом свете, без крыши над головой. Продала свои платья, драгоценности и всякие мелочи (конфискации это не подлежало, согласно законам о «личном имуществе детей должника»). Набралось с сотню золотых. С ними бедолажка и пустилась в долгое странствие, направляясь в Латерану в сопровождении одного-единственного слуги, согласившегося поехать с бывшей хозяйкой (остальные, скоты, попросту разбежались устраивать жизнь). В Латеране у нее имелся довольно дальний родственник, на чью помощь несчастная девушка и рассчитывала. Родственник этот в жизни не общался ни с ее отцом, ни с ней, надежды были зыбкими, но ничего другого попросту не оставалось в ее печальном положении. Ну, а потом всадники попали под жуткий ливень с грозой (кто бы в замке выяснял, что он представляет собой идеальный крут?), потеряли друг друга из виду, девушка сбилась с дороги, ехала наугад, куда глаза глядят — много ли разглядишь в такую непогоду? Конь, должно быть, почуявший жилье, привез ее к воротам замка...

Безупречная легенда, право. Пока что ничто в поведении герцога не показывало, что он что-то заподозрил. Наоборот, сразу видно: проявляет к очаровательной гостье самый

живой интерес. И неудивительно: Сварог его с некоторых пор посадил на жесточайшую сексуальную диету. Герцог в этих делах обожает новизну — но совершенно лишен возможностей ее обеспечить. Проникнуть в замок люди Интагара в сжатые сроки никак не могли — зато могли обложить поместье плотным кольцом, что и сделали. Всего у герцога имелось под рукой одиннадцать охотников за юными красотками — и дворяне-приживальщики, и крепостные слуги. Когда они оказались за пределами неких невидимых большому миру рубежей, с ними стали чередой происходить крупные неприятности: так как-то получилось, что семеро угодили за решетку (поскольку все их действия попадали под те или иные статьи Карного кодекса. Обычно на подобные забавы благородных господ юстициарии и полиция смотрели сквозь пальцы, но на сей раз отчего-то проявили нешуточную принципиальность). Четверым пришлось и того хуже: с ними расправились самосудом крестьяне и жители маленьких городков. Такая вот полоса невезения, ага. Впрочем, и не она — в замок был заброшен слухок, что король Сварог вдруг озаботился вопросами нравственности и морали, издал парочку грозных секретных указов — и началась кампания борьбы с такими вот «покупателями». Ну, а в подобных случаях, когда грянет кампания, власти и полиция свирепствуют самым лютым образом, хватая направо и налево всех, кто хоть отдаленно напоминает подлежащий искоренению контингент...

Не похоже, чтобы герцог что-то заподозрил. Он сгоряча отправил с той же неблагородной миссией еще трех человек, проинструктированных на скорую руку, — но и те очень быстро оказались за решеткой. Герцог — точнее, его люди объехали пару-тройку ближайших деревень, пытаясь прельстить золотом бедных отцов и матерей красивых девочек, — но обломилось и там. Согласно старинной традиции на въезде в деревни, на оградах появились этикие венки из репейника и бурой колючки: мягкий ненавязчивый намек на то, что крестьяне готовы взбунтоваться. Все они были крепостными герцога, но

времена нынче стоят, можно сказать, прогрессивные, и давненько уж владельцы крепостных душ не вольны силой увозить приглянувшихся красотою, особенно малолетних. Вообще-то в дальней глуши порой такое все же случается — но чересчур рискованно было бы таким баловаться всего-то в ста лигах от Латераны, да еще в разгар кампании, направленной против таких именно забав. И никто не связывал слаженный крестьянский отпор (золото есть золото, и порой находились родители, на него прельстившиеся, — но не в этот раз) с недавними г а с т р о л я м и по тем местам бродячего точильщика, любившего песенку «Любовь, как роза красная...». Гаржак, как обычно, справился отлично, намекнув сельской общественности, что теперь в подобных случаях власти посмотрят сквозь пальцы даже на легонький мятеж, если он пройдет без разрушений и членовредительства.

Одним словом, герцог был блокирован прочно. Ну, а поскольку Канилла — оружие массового поражения, мужики западали бы на нее, находясь и не в столь пиковом положении, как сейчас герцог. Что и наблюдалось в данный момент — судя по взглядам герцога и словесному кружеву, все время подходившему к той грани, за которой фривольность переходит в откровенные намеки, рыбка заглотила жирную муху, не подозревая, что она насажена на крючок с острейшим жалом, с которого не сорваться...

Из драгоценностей у попавшей в жизненные невзгоды девицы остался лишь фермуар, одна из его разновидностей: золотая цепочка, надевавшаяся на голову так, что подвеска с самоцветом оказывалась на лбу. Ага, вот именно. Сварогу не пришлось особенно и напрягать ум, ему попросту пришла в голову фраза из классической фантастики: «Камень был не камень, а объектив телепередатчика, и обруч был не обруч, а рация». Для в н е ш н е й наблюдательной техники замок оказался недоступен — но такие вот «фермуары» исправно работали, беспрепятственно посылая наружу картинку и звук. Что было для пущей безопасности Каниллы проверено

вчера — в замок к герцогу появился не вызывавший подозрений чиновник-юстициарий, как полагается, развозивший благородным господам последний королевский указ (каковые народу попроще объявляли герольды на перекрестках и площадях). Разница только в том, что у него вместо фермуара имелась чиновничья бляха на груди — опять-таки и не бляха вовсе. Передатчик сработал исправно. Как исправно сработал и у Каниллы.

В общем, рыбка на крючке. Чужая в этих местах девушка, печально бредущая в полную неизвестность, — ни кола, ни двора, ни влиятельных родственников, вообще никакой определенности в жизни. К тому же, девушка оказалась не столь уж глупой, с не такими уж стойкими моральными принципами — она пару раз столь же искусно плетя куртуазные словеса, недвусмысленно дала понять, что она отнюдь не невинный цветочек, прекрасно поняла намеки герцога и, в принципе, готова над ними подумать.

Так что пока складывается по задуманному. В момент штурма замка его владелец, и к бабке не ходи, будет пребывать в обществе очаровательной добычи, так что не успеет ничего предпринять — если у него только есть возможности хоть что-то предпринять в данной ситуации. У Каниллы не побрыкаешься, что она прекрасно продемонстрировала на Нериаде — у нее при себе замаскированные под безобидные женские вещички парализатор и бластер (последний — исключительно ради эффектного зрелища, если понадобится). Ну, и боевой рукопашкой она владеет гораздо лучше остальных юных сподвижников Сварога в девятом столе — по размышлению он решил присвоить им неофициальное наименование Бравая Компания — по аналогии с другой, которой уже нет...

Начинается, похоже... Звякнули положенные на блюдо вилка и нож, судя по картинке, Канилла откинулась на спинку кресла, раздался ее мелодичный голос, с нотками игривости:

— Вот и все, больше не могу проглотить ни кусочка... Ваше гостеприимство поразительно, герцог. Надеюсь, я своим внезапным появлением вас не особенно стеснила?

Судя по направлению взгляда, герцог смотрел ей не в лицо, а чутьочку пониже.

— Ну что вы, лауретта Телиана. Ваше неожиданное появление не способно стеснить кого бы то ни было, особенно скучающего в глуши старика...

— Ну какой же вы старик, герцог? Право же, вы кокетничаете. По-моему, вы — мужчина в расцвете лет...

— Приятно слышать такое от юной красавицы. Мне верится, что вы искренни, — герцог улыбнулся со всем возможным обаянием. — К тому же произошедшее крайне напоминает сцену из старинных рыцарских романов: страшный ливень, очаровательная девушка, попросившая приюта в незнакомом замке...

— Да, в самом деле, — сказала Канилла, и, судя по тону, одарила хозяина ослепительной улыбкой. — Правда, в иных романах замок оказывался населенным всевозможными упырями и людоедами... но я уверена, что к вашему замку это никак не относится...

— Безусловно, — сказал герцог. — С тех пор, как он стоит, здесь не было ни упырей, ни людоедов... О, вы не смогли сдержать зевок... Конечно же, время позднее, а вы столько перенесли... Позвольте проводить вас в вашу комнату?

— Пожалуй...

Они вышли в коридор, широкий, роскошный, со статуями в нишах, гобеленами и мозаикой. Что же, пока все шло по сценарию. Планировки замка они не знали, но этот недочет Сварог и капитан-планировщик (тот самый, что разрабатывал операцию в Гартвейне) постарались восполнить численностью штурмующих: невидимые обычным глазом большие десантные браганы висели у каждого из сорока с лишним окон замка, другие окружили абсолютно все строения, от людских до конюшен. На операцию Сварог бросил четыреста с лишним человек — но мог бы при нужде выставить и в несколько раз больше. С таким

отрядом замок можно занять за считанные минуты, в хорошем темпе т р я х н у т ь перепуганных обитателей. Вполне возможно, вход в те подвалы, что его интересуют, и не оборудован потайной дверью — достаточно либо строжайшего запрета непосвященным туда входить, либо, на крайний случай, мордоворота у двери. Люди Интагара, взявшие замок в кольцо, ни разу не засекли повозок с какими-то н е о б ы ч н ы м и грузами — либо их не было вовсе, либо они замаскированы под прозаические бочонки с пивом, мешки с зерном, ящики со всякой всячиной. Быть может, их и нет — обосновавшиеся в замке Черные Алхимики давным-давно запаслись в должном количестве тем, что им необходимо для предосудительных трудов. А они тут есть — точнее говоря, один. Грельфи, с превеликой охотой отправившаяся сюда в качестве крайне потребного эксперта, быстро доложила, то одного-то она ч у е т. И сидела сейчас в одном из брагантов — опять-таки по ее собственной просьбе — старая колдунья сгорала от желания осмотреть лаборатории — что планов Сварога ничуть не нарушало, наоборот. Что же, и один-единственный Черный Алхимик в качестве «языка» обещает многое. Возможно, он с самого начала здесь один — реликт как-никак, о них давненько не слышали и почитали напрочь вымершими...

Сварог поднял к лицу правое запястье с браслетом:

— Внимание, всем полная готовность!

Герцог и Канилла неторопливо шли по коридору, поднялись по широкой лестнице с низкими ступеньками на второй этаж.

— Жуткая гроза... — с чувством сказала Канилла.

— Да, такой давненько не бывало, — согласился герцог. — В последний раз с полгода назад такое буйство стихий случилось... Вот и ваша комната. Желаю приятных сновидений.

— Какие там сновидения... — вздохнула Канилла. — Так гроыхает, и эти молнии... Вряд ли я смогу заснуть, мне будет страшно одной, до утра буду трястись от страха. Я всегда боялась грозы, с детства.

В объективе появилось лицо герцога — и, судя по его выражению Канилла ему послала соответствующий взгляд: лукавый, многозначительный, исполненный не столь уж и скрытого намека. Кани — мастерица на такие взгляды, а герцог, можно с уверенностью сказать, из тех, кто такие взгляды прекрасно понимает. Похоже, ждать развития событий — и, соответственно, штурма — осталось недолго...

— Вы зря волнуетесь, Телиана (ага, уже без «лауретты»), — сказал герцог со всей галантностью. — На крыше с дюжину громоотводов, так что молнии опасаться не следует.

— Я понимаю, и все равно боюсь... Спокойной ночи, герцог.

— Приятных сновидений, — повторил герцог, поклонился и удалился по коридору.

Канилла вошла в отведенную ей комнату, притворив за собой дверь — ага, без засова и внутреннего замка, зачем они в богатом дворце, это и не принято... Большая комната, обставлена опять-таки роскошно — огромная постель под балдахин, старинная мебель (судя по ее изяществу, комната изначально предназначалась для женщины), высокое зеркало в резной раме искусной работы. К нему Канилла и направилась, явно для того, чтобы показаться Сварогу — это было первое зеркало, у которого она оказалась во время визита в замок, так что Сварог представления не имел, как она сейчас выглядит. Даже надевать принесенное служанками платье и причешь ей пришлось без зеркала. Что довольно странно. В богатом доме зеркала обычно повсюду, даже там, где они, собственно, и не особенно нужны. Меж тем ни в обширном холле замка, ни в коридорах, по которым Канилла до сих пор ходила, ни в помянутой ванной зеркал не было. Что придает игре дополнительный интерес — зеркал обычно не бывает в домах, где обитают или частенько бывают с о з д а н и я, которые их не переносят, поскольку либо вообще не отражаются в них, либо предстают в своем истинном обличье. Только так можно объяснить почти полное отсутствие зеркал, и никак иначе.

Безусловно, это касается не самого герцога — Сварог прекрасно помнил, что в Латеранском дворце этот паскудник у зеркал оказывался часто — а сначала его к ним подвели искусными маневрами работавшие на Интагара придворные красотики: Сварог хотел окончательно удостовериться, что имеет дело с самым обычным человеком (в некоторых случаях его умение определять, кто перед ним, давало сбой — иные создания как-то ухитрялись ставить защиту, чем, кстати, невольно и обнаруживали если не свою сущность, то это свое не присущее обычным людям, насквозь предосудительное умение).

Так вот, герцог всякий раз, можно сказать, исправно отражался в зеркалах — и оставался в своем прежнем облике. С э т о й стороны с ним все чисто. Следовательно, вывод простой: замок часто навещают — или постоянно там живут д р у г и е, те, кому зеркала поперек черной души...

Канилла негромко произнесла — конечно же, для Сварога:

— Ну, как они меня нарядили? Вряд ли нарочно, ничего другого, быть может, не нашлось, но все равно вид у меня тот еще...

Сварог, разумеется, ничего не ответил: связь была односторонней, как обычно с такими устройствами и бывает. Однако вмиг признал, что Канилла совершенно права. Платье не по размеру сидит в облипочку, а подол оказался столь коротким, что даже проказница Канилла не появилась бы с таким в обществе. Крайне соблазнительный вид, особенно для отчаянно скучающего по новым впечатлениям завязтого потаскуна. Если смотреть с другой точки зрения, о которой герцог и не подозревает, оружие массового поражения приобрело законченность и изящество форм. Ловушка поставлена. Ну не может он не поцарапаться вскоре в дверь — и будет аккуратно взят. Опасности для Каниллы ни малейшей — в паре уардов у ее окна, как напротив всех прочих, повис брагант, десантники ворвутся моментально, если Сварог даст команду. Даже если — да в таких делах нужно просчитать все воз-

возможные варианты, все осложнения — герцог каким-то образом просек суть фермуара и в состоянии работу передатчиков заглянуть (кто его знает, на что способен он сам или иные его постояльцы), это ему нисколько не поможет. Наоборот, при исчезновении сигнала как раз и будет дан сигнал к штурму...

Ага, Сварог явственно расслышал — правда, не царапанье, а деликатный стук в дверь. И уж тем более не могла не услышать его Канилла. Она прямо-таки порывисто рванулась к двери. Сварог прекрасно знал это состояние: человека во время томительного, долгого ожидания переполняет нетерпение, и оно так или иначе вырывается наружу, когда начинает с я...

Сварог ожидал увидеть герцога, но его за дверью не оказалось. В коридоре стояли три девушки, этакие три грации — красивые, стройные, златовласка, русая и темноволосая, с пышными волосами до плеч (такую прическу обычно носили пажессы и служившие на военной службе женщины), стройные, красивые ноги высоко открыты нарядными платьями с вырезанными длинными зубцами подолами. Одним словом, мечта мужика. Вот только под платьями у них крылось кое-что, способное жестоко разочаровать — и не на шутку ошеломить — любого мужика. Потому что э то м у там совершенно не место.

Он моментально узнал всех трех б е л и н, как их назвала Грельфи. Они самые, как две капли воды похожие на образы из воспоминаний Вердианы.

Послышался голос Каниллы, в котором явственно сквозило легкое изумление:

— Простите?

Изумление, конечно же, наигранное: Канилла видела те записи и должна была их моментально опознать, как и Сварог. Златовласка обаятельнейше улыбнулась:

— Добрый вечер, Телиана. Я — Барджи, а это — Малеа и Аштори. Мы слышали, ты боишься грозы? Вот и решили составить тебе компанию. Если ты все же собралась спать, мы уйдем...

— Ну что вы! — живо воскликнула Канилла. — Я все равно глаз не сомкну, пока гроза, не кончится. Одной жутковато... Проходите!

Они вошли, закрыв за собой дверь. Герцог так и не появился — но, без сомнения, объявится в скором времени. Случая не было, что бы он отдавал очередную и г р у ш к у своим компаньонам (или компаньонкам, как их лучше назвать? Да черт с ними, с точными терминами) по грязным забавам, а сам где-то отсиживался.

Между прочим, вычурных стульев в комнате ровно пять — чистое совпадение, или нет? Один остается пустым...

Две белины уселись, сверкая дружелюбными улыбками, а Барджи, как человек, бывавший здесь не впервые, уверенно направилась к высокому резному серванту и стала извлекать оттуда бутылки и блюда с закусками. Улыбнулась Канилле:

— Не удивляйся, наш хозяин — человек предусмотрительный... и гостеприимный. За твоё здоровье?

Золотистое вино полилось в стаканы. Ну вот, ожидание вновь затягивается, уже ясно...

Когда с первым стаканом было покончено, завязалась безмятежная девичья болтовня, безобидная и легковесная: Каниллу расспрашивали, кто она и откуда, что собирается делать дальше, она, в свою очередь — как им здесь живется, «как оно вообще». В какой-то момент Сварог отметил: беседа приобретает крайне игривый характер, сворачивает на четко намеченную тремя грациями тропу: о мужчинах, о в з р о с л о й любви, об отношении к ней, о накопившемся опыте. Одним словом, полное соответствие с классическим анекдотом (да и с жизнью, когда за бутылочкой соберутся пошебетать вполне приличные девочки из лучших семей): гимназистки до утра проболтали о своем, о девичьем — а утром в шкафу нашли умершего от стыда поручика Ржевского. Трудями трех граций беседа протекала исключительно в этом ключе — и Канилла старательно ее поддерживала, мастерски ваяя образ раскованной, излишне не обремененной моралью ветреной

девицы, отнюдь не недотроги, обожавшей всевозможные приключения определенного рода. И вряд ли вызвала бы подозрения: подобных девиц хватает и в провинциальной глуши, разве что в провинции они вынуждены сплошь и рядом конспирироваться гораздо тщательнее, чем их сестры по разуму из больших городов...

Время шло, стаканы вновь опустели, а герцог все не появлялся. Нельзя исключать, что он сейчас пляшет из соседней комнаты в потайной глазок — от таких типов можно ожидать всего, да и Вердиана о чем-то подобном мельком упоминала под гипнозом, но это было деталью третьестепенной, и ей не придали значения, не стали развивать тему...

Разговор принял вовсе уж пикантный характер — как опять-таки в подобных ситуациях бывает и в жизни. Так, похоже, события сдвинулись с мертвой точки: Барджи встала со стула, подошла к Канилле, нагнулась и поцеловала ее в щеку. Канилла легонько отшатнулась — как произошло бы и в реальной жизни без с п е к т а к л е й. Барджи рассмеялась:

— Ну что ты шарахаешься, глупенькая? Ага, поняла. Это тебя не привлекает, да? Предпочитаешь мужские игрушки?

— Ну да, — сказала Канилла ничуть не сердито, скорее игриво. — А что в этом плохого или необычного?

Отступив на пару шагов, Барджи спросила вкрадчиво:

— Интересно, тебя привлекают мужчины как таковые или исключительно то, что у них есть между ног?

Канилла ответила с нотками блудливости:

— Ну, если откровенно... Я всегда считала мужчину лишь приложением к тому, что у них есть между ног. По-твоему, я неправа?

— Ну что ты, Телиана. Ты совершенно права... и мне очень приятно такое от тебя слышать...

Отступив на середину комнаты, она улыбнулась Канилле и одним рывком сняла платье — под которым, как и следовало ожидать, обнаружился...

В голосе Каниллы — как любой на ее месте — прозвучало нешуточное ошеломление:

— Что... что это такое?

— Игра природы, милая, — улыбнулась ей Барджи. — Природа и не такие фокусы откалывала... Ну, в чем загвоздка? Ты же сама говорила, что тебя не это интересует в мужчинах?..

— Да нет, вполне... — Канилла играла изумление. — Но я в жизни не ожидала, что такое возможно...

Барджи улыбалась ей прямо-таки задушевно:

— Милая, ты оказалась в замке, где возможно многое из того, что обычные люди и встретить не ожидали... Мы не в сказке, но замок стоит иной сказки. И если у тебя есть голова на плечах, будешь жить, словно сказочная принцесса, а это гораздо лучше, чем странствовать бесприютной бродяжкой с тонким кошельком — эта дорожка тебя непременно приведет не куда-нибудь, а в обычный бордель. Подумай...

Легко на помине, явился не запыхавшись, а мы ждали, ждали, все жданки съели... Канилла обернулась на легонький скрип двери. Вошел герцог, опустил на свободный стул и с выражением на лице, от которого хотелось блевать, распорядился:

— Продолжай, Барджи, лапочка. Что-то мне подсказывает, что наша гостья не собирается очень уж бурно протестовать...

Барджи подошла вплотную, стала наступать — словно бы играючи, но непреклонно. Канилла помаленьку отступала, пока не натолкнулась на постель. Ловко опрокинув ее на темно-алое шелковое покрывало, Барджи склонилась над ней, помурлыкала:

— Сама снимешь платьице, или тебе нравится, когда тебя раздевают? Только скажи, все будет, как ты хочешь. Какой ты молодец, что не барахтаешься... Прикинула кое-что, а? Будешь умницей, хозяин тебя золотом осыплет...

— Она правду говорит, милая Телиана, — отозвался герцог чуть задыхаясь. — Тебя здесь будут любить и ублажать, жизнь настанет сказочная...

— Ну, что же ты? — спросила Барджи. — Как тебе больше нравится? Какая же ты лапочка...

Неизвестно, что творится в мозгах этакого вот создания, но в голосе звучала неподдельная похоть. Она положила Канилле руку на бедро, сминая коротенький подол. У герцога, казалось, глаза сейчас выскочат, по коленям покатятся, на пол упадут. По глубокому убеждению Сварога, пора было кончать игру. К тому же выводу явно пришла и Канилла: она произнесла, совершенно другим тоном:

— Не люблю я монстров, каковы бы ни были на вид...

Картинка вмиг перекосилась, заплесала, все замелькало. Сварог успел все же разглядеть, как Барджи, нелепо взмахнув руками, форменным образом отлетает от постели. Косо метнулось широкое, ничуть не слепившее глаз сиреневое пламя. Послышался звонкий, почти спокойный голос Каниллы:

— Стоять смирнехонько! Сожгу, твари, и пуговиц не останется!

Сварог подождал еще немного. Нет, все в порядке — и герцог, и его, с позволения сказать, девицы с перекошенными нешуточным страхом лицами шаррахнулись в угол. Конечно, впервые в жизни видели действие бластера, тем более в помещении...

Ну вот и все. Подняв к лицу левую руку с широким серебристым браслетом, Сварог распорядился:

— Внимание, атака!

Опустил руки на клавиши пояса-антиграва, очередной технической новинки. Тренировка была короткой — воздушным асом он безусловно не стал, но маневр предстоял незатейливый, всего-то до окна пролететь несколько уардов...

Бедный витраж, ало-сине-золотистый, произведение искусства стекольных дел мастеров ушедшей эпохи... Варварски разнеся его своей персоной, Сварог в туче разноцветных осколков ворвался в слабо освещенный коридор. Он был в своей стихии, пусть декорации иные, но

суть прежняя — жестокий и молниеносный удар десанта по стационарному объекту. Что в плюс — не следует ожидать вооруженного отпора, вообще сопротивления, кайф для того, кто понимает...

Расставив ноги, прочно утвердился на полу. Он считал все правильно, оказался в нужном месте: коридор содержится в чистоте и порядке, но лишен и намека на роскошь. Людская, она самая. И в дворцах знати, и в королевских дворцах, и даже в Келл Инире далеко не все слуги обитают за пределами здания, в каких-нибудь флигелях. Некоторое количество — в самом дворце, потому что понадобится могут в любую минуту. Не держать же специального слугу для вызова слуг...

Справа, в нескольких уардах от него, оторопело прижался к стене высокий малый в лакейской ливрее. Сделал движение, словно собрался пуститься наутек. Сварог рывкнул:

— Стоять, баран!

Без труда поднял свою пушку одной правой, направив дуло в сводчатый потолок, нажал на спуск. Громыкнуло на совесть, на пару мгновений перед дулом вспыхнул неярким пламенем алый шар размером с арбуз. Это была чистейшей воды бутафория, всего-навсего пугач (настоящее серьезное оружие висело на поясе) — но именно такой сейчас и требовался: ошеломить, полностью подавить волю...

Сработало, конечно — лакей вжался в стену, не помышляя уже о бегстве. А в следующий миг его скрутила одна из фигур в отливающем металлическим блеском синем комбинезоне с глухим капюшоном — множество их ворвалось в коридор, по примеру Сварога круша витражи. Без малейшей заминки, вмиг сориентировавшись, они кинулись к невысоким дощатым дверям, аккуратно выкрашенным в коричневый немаркий цвет — конечно же, людская. Справа послышался отчаянный женский визг и тут же оборвался. Пинками распахивая двери, люди Сварога моментально заняли все комнаты.

Сварогу не было ни малейшей надобности лично брать пахана, предпочтительнее как раз лакеи. Уж они-то знают, где вход в подвалы, не хуже хозяина. И если который-то из подвалов запредный, тоже знают. Лучшим языком будет дворецкий — уж он-то обязан знать во дворце каждый уголок-закоулок, от подвала до чердака.

Наружным наблюдением давно установлено: подвалов здесь два. И входы в них устроены, как обычно с подвалами и бывает: отлогий широкий пандус, по которому удобно скатывать бочки, широкая лестница, по которой таскают то, что не покатишь, внизу двустворчатые двери на манер ворот. Обычно такой вход даже в приличных размеров дворце только один. Запасы провизии хранят во дворе, в кладовых и на ледниках — как и большинство предметов домашнего обихода. А вот винный подвал по древней традиции всегда устраивают в главном здании...

Вынести ворота и ворваться внутрь через, можно и так сказать, главный вход было легче легкого. Однако Сварог прекрасно помнил, чем все кончилось в подводной гавани токеретов в Фиарнолле. Черт их знает, могли устроить нехитрую систему самоуничтожения — без всяких запретных знаний, в соответствии с техническим уровнем Талара — скажем, заложенный в тайники изрядный запас пороха. Рванет кто-нибудь рычаг, сработают запальные шнуры — и приходи, кума, любоваться... Обрушившийся потолок никому из атакующих не причинит вреда, тут одни лары — но машинерию уничтожит начисто. Как показывает знакомство с историей вопроса, у Черных Алхимиков, в отличие от других колдовских разновидностей, всевозможной «научной аппаратуры» много, в том числе и весьма габаритной. То и се иногда попадало в руки и таларской Багряной Палаты, и спецслужб Империи. Но ни разу не удавалось взять целехонькую, нетронутую «лабораторию». Еще и оттого, что в нескольких случаях алхимики успевали все уничтожить при помощи пороховых зарядов или заранее заложенных бочек с горючей жидкостью. А общем, лучше заходить огородами, то есть из дворца — не может не оказаться входов...

Следом за штурмующими ворвалось немалое количество людей в таких же комбинезонах — оперативники Сварога, тут же взявшиеся за работу, один из них встряхивал того лакея, как терьер крысу, и что-то орал в ухо, неразличимое за топотом и гомоном. Сварог и так знал, о чем речь. На повестке дня стоял один-единственный вопрос: где входы в подвал?

Ага! Из четвертой справа двери высунулся десантник и, мигом высмотрев Сварога, поманил его рукой (чтобы опознать командира без труда, комбинезон Сварога, один среди многих, был украшен золотистой полосой от плеч к кистям рук и на манер лампас — ну, и у остальных на груди эмблемы подразделений и номера).

Почти бегом Сварог направился в ту сторону. Под капюшоном раздавались краткие доклады командиров групп, состоявшие из одного-единственного кодового слова. Означали они, что замок занят и никакого отпора не последовало.

В небольшой комнатке сидел на разобранной постели рослый пожилой персонаж с роскошными седыми бакенбардами. Он форменным образом трясся от страха, уставясь на стоявшего в углу в грозной позе и с пугачом наперевес десантника. Если присмотреться, представить эту физиономию спокойной — получится классический дворецкий; в мирное время осанистый и невозмутимый.

Чтобы удостовериться окончательно, Сварог подошел к постели и рявкнул:

— Дворецкий?

Тот торопливо закивал, уставясь с немим ужасом — как любой на его месте: судя по ночной рубашке и ночному колпаку с кисточкой, мирно почивал, был грубо разбужен загадочной фигурой...

Чтобы внести ясность, Сварог добавил:

— Тайная полиция Империи. Это понятно? (Снова торопливые кивки, а вот страха на сытой щекастой физиономии даже прибавилось. Не трясись, как овечий хвост! — прикрикнул Сварог. — Мы не персонально за

тобой — за твоим хозяином, а твое дело здесь телячье. Если живенько развяжешь язык — для тебя все обойдется. Если и дальше будешь молчать, как жопа в гостях, — за решеткой сгною. Ты понял меня или ударить тебя?

— П-понял... ваша милость... Ни в чем не грешен, ни сном, ни духом...

— Я только что сказал — персонально ты нам не нужен, — терпеливо продолжил Сварог. — Входов в подвалы — два?

— Д-да, ваша милость...

— Винный и запретный? — наугад выпалил Сварог.

И попал, как и рассчитывал: дворецкий закивал:

— Точно так, ваша милость, в запретный никому нельзя, и мне тоже... Иначе на кусочки порежут... Велено считать, что там сокровищница господина герцога, хотя никакая там не сокровищница...

— А что? — спросил Сварог едва ли не ласково.

— Там этот... из Сословия Сокрытый... Там у него что-то... Я не знаю, никого не спрашивал... За такие распросы язык отрежут... Зачем мне этот подвал...

— Но где вход, ведь знаешь?

— К-кончено... все знают...

— Веди, — нетерпеливо бросил Сварог. — Ну, я кому сказал! Встать!!

— Господин герцог...

— Тебе сейчас меня надо бояться, а не герцога, — сказал Сварог. — Не беспокойся, герцог за решеткой сгниет, причем не здесь, а там, — он показал большим пальцем на потолок. — Ну, соображай быстрее. Судя по твоим почтенным годам, богат житейской мудростью...

Похоже, так оно и обстояло — где вы видели дворецкого пожилых лет, не отягощенного житейской мудростью? Вставши с постели на подгибавшихся ногах, дворецкий оглядел свой скудный наряд:

— Но как же вот так...

— Не на большой бал идем, — сказал Сварог. — Надень вон шлепанцы, и сойдет. Да, а где комната «этого,

из Сословия Совы которого»? (Чутье подсказывало, что он и есть здешний «завлаб».) Ведь не можешь не знать?

— Знаю, конечно... Только его сейчас нет, он в подвал ушел на всю ночь... они там все пятеро... я точно знаю, он, как сто раз было, велел еду с вином принести и у входа оставить... Мы так всегда делаем, они сами забирают...

— Отлично, — сказал Сварог. — Ну, пошли живенько!

Схватил дворецкого за рукав рубашки из тонкого полотна и подтолкнул к двери. Тот засеменил впереди, то и дело пугливо оглядываясь, шарахаясь от заполонивших коридор синих фигур. Вообще-то вход отыскиали бы и без него, он, судя по всему, не замаскирован — но с проводником надежнее и быстрее, не нужно ломать голову, которой дверью можно пренебречь, а в которую следует вломиться со всеми предосторожностями...

В замке царила деловитая суета: кого-то — в распахнутую дверь видно — прилежно допрашивали, других (большей частью в ночных рубашках, но попадались и в ливреях, видимо, дежурная ночная смена) выталкивали в коридор и стогнали в кучки. Душа радовалась этому хорошо налаженному хаосу — тем более что ни о каких попытках отпора так и не доложили. Сварог скупыми жестами приказал шестерым следовать за ним, оставив пугачи и вынув парализаторы. Потом на ходу коснулся твердого кругляшка на горле, включив микрофон, распорядился:

— Допросы прекратить. Найдите подходящее помещение и сгоняйте их всех туда, потом рассортируем и поговорим... Кани, что у тебя?

Звонкий голосок Каниллы показался ему невеселым:

— Ребята вломились, с этим все нормально, только этот скот успел покончить с собой. Никто не успел ничего предпринять... Не ожидали... Врач здесь, но он говорит, что ничего уже не сделаешь. Он моментально, как только брызнули стекла...

— Потом, — сказал Сварог. — Я сам приду посмотреть. Спускайся на первый этаж, если хочешь, мы как раз идем в н о р у...

Печально, подумал он. А быть может, и не особенно. В конце концов, вряд ли герцог вникал в работу загадочной «лаборатории» — не барское это дело, большие господа в таких случаях — о сколько бы серьезном заговоре ни шла речь — в мелочи не вникают, интересуясь лишь результатом. Так что потеря невелика. Вердиана отныне вдова — что ее нисколько не огорчит...

Дворецкий вел их, уже самую чуточку оклемавшись. Свернул налево, потом направо — но коридор оставался прежним, лишенным всякой роскоши: ну да, комнатки для прислуги и прочие подсобки, куда владельцы таких хором никогда не заглядывают.

Коридор упирался в выложенное камнем квадратное углубление.

Вниз вели пять широких ступенек. Дверь темного дерева, скрепленная поперечными фигурными железными полосами — обычная дверь в подвал, ничуть не выглядевшая зловещим входом в хранилище мрачных тайн, толстые даже на вид доски, полукруглый верх и ручка, толстое кольцо из надраенной бронзы. Замочной скважины не видно — зато справа от двери — несомненный шнур звонка с медным же колечком. По сторонам углубления уже стояли двое часовых — ага, вход обнаружили быстро, но без приказа, разумеется, лихо ломиться внутрь не стали.

Из бокового коридора показалась Канилла — конечно, все в том же несерьезном платьице, выглядевшем странно на фоне синих комбинезонов. Разумеется, никто ей не препятствовал. Только дворецкий покосился на нее вовсе уж затравленно, готовый рехнуться от непонятных сложностей жизни. Среди встретивших часом раньше Каниллу слуг его не было — иначе Сварог сразу узнал бы его в лицо.

— Ну вот, утадала, — сказала она (лицо что-то невеселое, видимо, до сих пор переживает, что герцога не удалось взять живьем). — Мне доложили про оба входа, я решила сначала к этому пойти, он как бы и потаеннее...

Сварог приложил палец к капюшону так, словно прикладывал его к губам — и Канилла понятливо замолчала, встала на месте, указанном ей Сварогом. Склонившись к уху дворецкого, он спросил тихонько:

— Есть там засов изнутри?

Дворецкий поднял на него заполошные глаза:

— П-понятия не имею, ваша милость... Никто туда не входил, настрого запрещено... Только они пятеро... Подносы мы ставим вот тут, дергаем звонок и уходим быстренько... Никто не запрещал смотреть, как они еду забирают, но все равно, коли такое дело, лучше уж лишний раз возле не отираться, кто его знает...

Сварог задумчиво разглядывал дверь. Вряд ли там есть какие-то хитрые датчики — откуда тут возьмутся высокие технологии, все, надо полагать, чисто земное. Может быть, засова и нет — страх перед герцогом надежнее любого засова. Ну, а если все-таки заперто изнутри, дверь легко убрать совершенно бесшумно, в три секунды — как люди Гаудина поступили тогда с дверью в тронный зал герцогини Мораг...

Выразительный жест — и один из его людей снял с пояса то самое устройство для моментального уничтожения двери, выглядевшее совершенно безобидно и несерьезно: этакий бублик из сероватого металла с двумя полукруглыми решетчатыми выступами сбоку. Еще несколько не менее выразительных жестов — и остальные (в том числе Канилла), получив ясный и конкретный приказ, вынули парализаторы.

Сварог прозаически, ничуть не на цыпочках, но стараясь и не шуметь, спустился по ступенькам, взял кольцо, постаравшись им не стукнуть о доски, и потянул легонько на себя.

Дверь тут же поддалась без малейшего скрипа — петли были хорошо смазаны. Чуть поколебавшись, он распахнул ее настежь. За ней обнаружилась еще одна лестница, поуже, в пять ступенек, упиравшаяся внизу в другую дверь — и доски определенно потоньше, и железные по-

лосы гораздо уже, без выкрутасов. Такое же кольцо вместо ручки, замочной скважины не видно и тут. Нет смысла гадать, устроили этот вход ради «лаборатории» или он был здесь изначально — какая, в сущности, разница?

И эта дверь поддавалась так же легко. Короткий коридор, аркообразный проем, за ним довольно ярко освещенное обширное помещение, отсюда видны какие-то высоченные прозрачные сосуды, в которых клубится что-то разноцветное, то ли кипящая жидкость, то ли тяжелые струи газа. Сварог решительно двинулся вперед, держась правой стены, следом цепочкой шли остальные.

Рискованно прятаться за стеной и обстоятельно разглядывать подвал — могут заметить первыми и всполошиться. Остается одно: влететь бомбой, миг оценить обстановку и действовать без малейшего промедления. Такое не раз случалось и здесь, и в прошлой жизни, дело знакомое...

Он так и поступил, влетел бомбою. Обширное помещение битком набито неизвестной ученой премудростью, которую некогда разглядывать вдумчиво. Стекло, кое-где металл, карбамильские лампы под сводчатым потолком. И в разных точках — трое человек, они только-только заметили незваного гостя, поворачиваются в его сторону, и не похоже, что реакция у них молниеносная, обычные люди...

Он выстрелил трижды, привычно переводя ствол с цели на цель. Пораженные все до единой м и ш е н и еще опускались на каменный пол, подгибаясь в коленках, нелепо мотая руками, а он уже рванул в хорошем темпе к такому же проему в противоположной стене, за которым увидел примерно ту же картину. Следом не шумно, но с явственно слышимым стуком подошв неслись остальные, звонко цокали каблучки Каниллы.

Из проема выстрелил в попавшегося на глаза человека, стоявшего уардах в пяти от него. Оглянулся вправо-влево: ага, вот и второй. Похоже, это и есть загадочный «научный руководитель»: плащ и берет Сословия Совы,

пожилой, из-под берета длинные пряди седых волос, длинная морщинистая физиономия... и поднимает руку к лицу, словно бы в удивлении... а!..

Сварог опоздал на какой-то миг. Он нажал на спуск, сверкнула беззвучная сиреневая вспышка, он знал, что не промахнулся — но понял, что опоздал: Черный Алхимик у ж е падал...

В три прыжка Сварог оказался возле него. Ч е р н ы й лежал навзничь, уставясь в сводчатый потолок стекленеющими глазами, лицо совершенно неподвижное, застывшее, преспокойное, на глазах наливается восковой бледностью, указательный палец зажат синеющими губами, и на нем виднеется кольцо...

Он обернулся к одному из своих:

— Врача сюда, живо!

Тот опрометью кинулся прочь. Стояла напряженная тишина. Нигде не видно ни двери, ни проема — значит, помещений только два...

— Вот так же и герцог! — возбужденно воскликнула Канилла. — Едва только брызнули стекла, он поднял ко рту указательный палец, укусил камень в перстне и тут же повалился. Я не успела схватить парализатор, и наши люди не успели... Потом оказалось, в перстне был не самоцвет, а полусфера из тонкого стекла, наполненная чем-то синим, так что издали походило на кабошон. Доктор говорит...

— Кани, помолчи, — устало сказал Сварог. — Что уж теперь...

Она дисциплинированно умолкла. Только тихонько обронила, крутя головой:

— Впечатляет...

Что ж, она была права. Окружающее и в самом деле откровенно впечатляло. Обычные колдуны, черные и белые, здешнему хозяйству и в подметки не годились с их хрустальными шарами, всевозможными гадальными приспособлениями и прочим необходимым инвентарем. Зато сводчатый подвал...

Как и соседнее помещение, это было не менее двадцати уардов в длину и шириной не менее чем в десять. Осталось несколько узких проходов, а все остальное форменным образом забито непонятной м а ш и н е р и е й: колбы от совсем маленьких до огромных, в половину человеческого роста, стоявшие над жаровнями в железных обручах на четырех ножках (стекло, надо полагать, огнеупорное, его на Таларе изготавливают с давних пор не только для научных целей, но и для самых что ни на есть бытовых — огнеупорные чайники, кастрюли и прочая кухонная утварь, правда, весьма недешевая и простому люду оттого недоступная). Целые батареи стеклянных и глиняных сосудов, порой самой причудливой формы, и одиноко стоявших над жаровнями и просто на подставках, и соединенных в некие агрегаты стеклянными трубками, прямыми и змеевиками. Ряды бутылей с разноцветными жидкостями, ряды накрытых крышками керамических сосудов). И тому подобные емкости, агрегаты и приспособления, на которые смотришь как баран на новые ворота. Ничего не скажешь, солидно поставленное предприятие, настоящая фабрика...

Он двинулся в проход, остановился перед вовсе уж габаритным сооружением (подобного в соседнем помещении не было). Огромный сосуд из зеленоватого стекла, судя по закраинам горловины, очень толстого, чуть ли не в два пальца. В горловину свободно может пролезть человек немалого роста и крепкого телосложения — а в сосуде, он разместился бы просторно. Сосуд установлен под углом градусов чуть ли не в восемьдесят, и к нему ведут, тянутся десятка полтора трубок и змеевиков от разнообразных сосудов, сейчас пустых, под некоторыми жаровни, некоторые оплетены медной проволокой, концы которой скрываются в черных коробах, напоминающих аккумуляторы (электричество здесь давно открыто, но на практике применяется весьма ограниченно). Судя по тому, как качественно и неподъемно все это смонтировано, загадочная установка (а как ее назвать иначе?) с того

самого момента, как ее оборудовали, так и стоит на одном месте. Ну конечно, все закреплено намертво. А что касается догадок и рабочих версий...

Отец Алкес говорил недавно, что Черные Алхимики, они же Черные Швецы, владели непонятно откуда взявшимся умением ускорять ход времени. Чтобы изготовить из малого ребенка белину, уходило всего полгода. Ничем другим это не объяснить, кроме ускорения химических (и, быть может, каких-то других) реакций, то есть, как ни верти, ускорением времени в одном отдельно взятом сосуде. Отсюда всего один шаг до следующего вывода: судя по размерам, сосуд вполне может оказаться «инкубатором», и этих тварюшек создавали прямо здесь. Если прикинуть, каким будет уровень жидкости, не вытекавшей бы из горлышка... Человека покроет с головой. Да горловина явно закрывалась герметически: окружена бронзовым кольцом с резьбой, а вон там лежит стеклянная крышка, подходящая по размеру, прилаженная к бронзовой муфте — наверняка тоже с резьбой. Экспертам нескольких имперских контор будет с чем поработать. Конечно, нужно им придать людей Багряной Палаты — у отца Алкеса почти нет того, что можно назвать научной аппаратурой, зато у него богатые архивы, оставшиеся от предшественников, каким архив восьмого департамента (Сварог тщательно проверил) и в подметки не годится...

Появилась очередная фигура без всякого оружия, но с несколькими сумками и футлярами на поясе и на ремне через плечо — врач, конечно. На ходу что-то расстегивая, он направился к лежащему навзничь покойнику. Сварог в ту сторону не смотрел — наверняка и сейчас медицина опоздала: иные сильные яды в какие-то мгновения непонравимо разрушают мозг и организм, так что все ухищрения имперских медиков бесполезны...

Вообще любопытная загадка: почему и герцог, и этот алхимический хмырь поспешили покончить с собой? Так проворно, словно заранее готовы были к подобному обороту событий? Боялись пыток? Смертной казни? На-

столько, что, не колеблясь, отведали отравы? Или... Коли уж строить версии, можно допустить и такую: существует некто, кого они боялись пуще Сварога, пыток и казни, пуще самой смерти. О личности этого самого некто можно лишь строить гипотезы, но вот в какой ц е т он окрашен, двух мнений быть не может. С некоторых пор Великому Мастеру начисто отрезан путь в этот мир, но здешней его челяди еще немало...

Врач возился с непонятными устройствами. Сварог обошел оба помещения, приглядываясь к погруженным в здоровый искусственный сон пленникам. Поспешных выводов делать не стоит, особенно всего-навсего присматриваясь к лицам спящих, но кое-какие предварительные выводы сделать можно. Трое — один молодой, двое средних лет — больше всего похожи на простых подмастерьев: одеты просто, правда, не в крестьянское, а на манер небогатых градских обывателей; на всех — длинные, от горла до середины голени фартуки из грубой холстины, прожженные словно бы искрами, покрытые разноцветными пятнами, кое-где разьевшими холстину насквозь. Классическая прозаическая спецодежда наподобие фартука кузнеца или передника кухарки. Да и лица какие-то... простоватые. Что же, это тот вид магии, когда необходимы прозаические подмастерья и спецодежда. Да и вообще в магических практиках, какого бы цвета они ни были, маловато романтики и эффектных зрелищ, многое сплошь и рядом выглядит так же буднично, как работа за кузнечным горном или печение пирогов — хотя результаты порой впечатляют...

А вот четвертый выглядит совершенно иначе: лицо с тонкими чертами, красивая проседь, на шее на серебряной цепочке круглые очки в серебряной же массивной оправе (но стекло разбилось, когда он падал), да и одет побогаче, словно член Сословия — хотя, в отличие от главного, нет никаких отличительных знаков Сословия или Гильдии. Вполне может оказаться и небогатым дворянином вроде здешних приживальщиков. Одно

не подлежит сомнению: судя по целехонькой добротной одежде, ему явно не приходилось стоять у жаровни или возиться с разноцветной химией.

Значит, с ним и предстоит особенно задушевный разговор. Допросы всех остальных можно возложить на подчиненных. Нужно торопиться. Сварог не знал точно, сколько времени в его распоряжении, но, не исключено, меньше, чем поначалу представлялось. Канцлер, отпуская его после совещания, так и сказал: сутки для изготовления потребной аппаратуры он, как часто бывает, назначил с запасом. Люди Марлока, почти сразу же взявшиеся за работу, той ночью не сомкнул глаз (как не удасться это сделать и Сварогу, уже ясно) — вкалывать будут, как проклятые, так что могут управиться и гораздо раньше, к рассвету. В любом случае раньше утра не начнут. Их бурная и вольная деятельность на Той Стороне имеет одно-единственное чисто техническое ограничение: чтобы не попасться на глаза какому-нибудь случайному человеку (люди по самым разным поводам забредают порой в самые неожиданные места), с балкона следует спускаться только в светлое для Талара время суток, когда на Той Стороне стоит темнота. Лары, предположим, легко становятся невидимыми, но там бывают и другие, и антланцы, и Гаржак с Анрахом. Сейчас со Сварогом как раз пойдет Гаржак, по другим делам. В Саваджо Гаржак освоился быстро, те дела «плаща и кинжала», коими граф с некоторых пор занимался, отличались, в общем, от его работы лишь антуражем, а суть оставалась неизменной. Как с начала времен, когда люди чуть ли не в одно время с луком и стрелами, глиняной посудой и украшениями придумали секретные службы...

В общем, времени мало. Пессимизма ради будем прикидывать, что только до рассвета. Так что ни промедления, ни отдыха, оперативников он сюда вызвал столько, что едва ли не у каждого пленника будет персональный допросчик. Ну, а этим субъектом предстоит заняться лично...

...Отца Алкеса Сварог во все случившееся посвящать пока что не стал — исключительно оттого, что каждая минута сейчас на вес золота. Да и нет такой срочности, чтобы будить старика посреди ночи. Как и Грельфи, отправленную спать, — у них у обоих будет еще достаточно времени, чтобы изучить содержимое подвала.

Сам он через час с лишним сидел в одном из флигелей «Медвежьей берлоги», в «хозяйстве Интагара», скудно обставленной комнатке (правда, его распоряжение исполнили быстро, заменив дряхлые стулья на новенькие). Внимательно читал не столь уж обширную сводку, уже в хорошем темпе составленную его людьми. Чуть ли не все показания практически повторяли друг друга, так что справились быстро. Конечно, сняли в е р ш к и — но сейчас другого и не нужно.

Авторы сводки начали со слуг, лакеев и прислужниц. Каковые повторяли одно: два с лишним года назад герцог неожиданно распорядился быстренько очистить малый винный подвал, где хранились настойки на разнообразных ягодах и травах — в основном редких, дорогих, произраставших только на Сильване. Потом два дня прямо-таки вереницами ехали грузовые повозки и незнакомые люди таскали в подвал тщательно сколоченные ящики, а потом увозили их пустыми. Расспрашивать их было на-строга запрещено управителем, но невольные свидетели, не столь уж многочисленные, единодушно сделали для себя вывод: с ящиками обращались так бережно, словно там было стекло.

Потом всем и каждому было объявлено: в малый подвал не то что носа не совать, вообще не отираться поблизости (исключениями стали лишь те слуги, что порой приносили еду прямо к лестнице — когда в подвале, надо полагать, случались сверхурочные работы). Тем, кто нарушил бы запрет, граф обещал массу неприятнейших кар, вплоть до мучительной смерти — все угрозы он, провинциальный сатрапчик, мог без труда привести в исполнение, не будучи оштрафованным и на грош, не говоря о более суровых

наказаниях. Несмотря на послабления последних десятилетий, случившиеся еще до Сварога, такие вот провинциальные магнаты до сих пор могли тишком и с оглядкой осложнить жизнь своим крепостным слугам, а то и вовсе лишить оной. Так что никто и не пытался любопытствовать.

Вскоре объявились «эти пятеро», да так и остались в замке. Тех троих, что Сварог сразу определил для себя как подмастерьев, поселили в отведенном слугам коридоре — в отдельных комнатках, словно особо близких к хозяину слуг. Общаться с ними было запрещено настрого. На тамошней общественной лестнице они стояли все же на ступенечку повыше слуг: слуги убирали им комнаты, мыли полы, приносили еду. Вина эта троица не чуралась, а частенько и тесно общалась со смазливymi служанками помоложе (каковым было велено в таких случаях не ломаться — не убудет их, дурех...).

«Господа ученые», как их велено было именовать, поселились в том крыле второго этажа, что было отведено для дворян-приживальщиков. И пользовались теми же привилегиями, что и приживальщики, — персональные лакеи, персональные служанки, обязанные исполнять все постельные желания ученых господ по первому мановению пальца — а желания таковые возникали часто. Вот эти-то двое не жили затворниками, как их подмастерья, порой участвовали в небольших дворянских пирушках, где отнюдь не выглядели бирюками — могли и поддерживать застольную беседу, и рассказать пикантные притчи, заменявшие на Таларе анекдоты (из двоих мастером в этом жанре был тот, что достался Сварогу живьем, хотя и главный был не монахом). Другое дело, что приживальщикам под страхом тех же неминуемых кар настрого было запрещено спрашивать о том, кто они такие и чем занимаются при герцоге. Дважды за эти годы изрядно выпившие дворяне из жгучего любопытства строжайший запрет все же нарушили — и их уже мертвыми показали остальным в качестве наглядных пособий, после чего любопытство совершенно сошло на нет.

А в общем, показания приживальщиков мало чем отличались от данных слугами. Поначалу они еще болтали меж собой, пытаясь догадаться, чем загадочная пятерка в подвале занимается и что там вообще происходит. Однако вскоре хозяин велел подобные разговоры прекратить начисто, пообещав нарушителям запрета опять-таки много скверного. Они и прекратили, прекрасно зная, что иные из их братии (в неустановленном числе) служат герцогу наушниками...

Истинной сущности белин не знали ни слуги, ни дворяне, все их полагали привычными для замка персонажами, очередными герцогскими наложницами, объявившимися в один прекрасный день, как не раз объявлялись другие, от крестьянок до неизвестно откуда уманенных молодых дворянок из захудалых. Отличие только в том, что те задерживались в замке самое большее на пару-тройку месяцев, а белины обитали уже года полтора. Ни у кого, кроме герцога, не было случая лицезреть их в обнаженном виде: дворяне всегда обходили стороной герцогских наложниц, зная, какому наказанию в случае чего подвергнутся, а ванну они всегда принимали, отослав служанок. Так что никто ничего не подозревал — ну кто бы мог такое заподозрить, когда белин давненько не видывали своими глазами и ученые книжники, и люди из Багряной палаты, и сыскари Империи?

Кто на самом деле белины, прекрасно знали только три человека во дворце, герцогские пажи — потому что вместе с ними не раз участвовали в грязных забавах хозяйина. По большому счету эта троица облаканных хозяином наглых юнцов (впрочем, наглость с них люди Сварога быстренько сбили) не принесла никакой пользы: подвал для них оставался такой же тайной, как и для остальных (и в эту тайну они, как и остальные, не пытались проникнуть), они могли дать подробнейшие показания толщину с «Войну и мир» — но исключительно насчет развлечений герцога, Сварога совершенно не интересовавших (как наверняка не заинтересуют они и отца Алкеса).

Практически то же самое касалось и управителя, прослужившего в сей должности десяток лет. Показания он мог дать обширнейшие — но исключительно о том, как все эти годы руководил молодчиками, за пределами герцогских владений раздобывавшими девушек и малолетних девочек. В остальном от него никакого толку — он представления не имел, кто такие белины, он почти не общался с «учеными мужами» (разве что несколько раз пил с ними вино и по их просьбе (по воле герцога такие просьбы были приказом) исправно поставлял им конкретных девок, присмотренных тем или другим на прогулке).

О том, что происходит в подвале, он знал не больше всех остальных — разве что иногда самолично встречал грузовые повозки и следил за разгрузкой. Сам он никаких предположений не строил и никогда не пытался проникнуть в тайну — заявил не без резона, что пустым любопытством не страдает, а совать нос в тайны герцога слишком уж опасно и для здоровья, и для самой жизни. Ему и без тайн жилось неплохо.

Во всем этом не было ни капли вранья, каковое моментально обнаружили бы проводившие допросы, все до одного лары...

Как и следовало ожидать, показания троицы подмастерьев оказались гораздо интереснее...

Все трое и в самом деле оказались чем-то вроде подмастерьев в этом интересном и предосудительном ремесле. Все трое — горожане. Один — если пользоваться более привычными Сварогу терминами — довольно долго служил лаборантом при кафедре химии Латеранского университета. Второй принадлежал к Золотой гильдии — цех стеклодувов (и довольно долго держал свою мастерскую в здешнем провинциарии). Третий, самый молодой — из ближайшего не особенно большого города. Железная гильдия, цех заводских мастеровых. Несмотря на молодость, лет пять работал на тамошнем ружейном заводе и понаторел в работе с металлом. Одним словом, как

раз три специальности, необходимые для работы в таком вот, извините за выражение, научном заведении. Другие как-то и не нужны, прочими мелочами занимались либо все трое поочередно, либо кто-то один, в зависимости от того, о чем шла речь, о стекле, металле или химикатах.

Короткие истории всех троих оказались скроенными на одну колодку: всякий раз появлялся неприметный, даже в чем-то скучный субъект, по описаниям, один и тот же (среди обитателей замка не обнаружен). И предлагал поработать в поместье герцога — как он уточнял, герцог из тех магнатов, что ради развлечения занимаются помимо более традиционных для благородного увлечений (охота, вино, девки, азартные игры), еще и всевозможными науками, конечно, из чистой блажи. Жалованье предлагал такое, что ни один из троих не колебался и минуты... Предложение это у них не вызвало ни малейших подозрений: многие знали, что таких титулованных скучающих богатеев имеется немало (что занятно, порой, пусть и редко, иные из них открытий не совершали, но добивались интересных с точки зрения серьезной науки результатов, еще и оттого, что, в отличие от многих ученых, в средствах были нисколько не стеснены, наоборот, могли на свое хобби швырять золото пригоршнями).

Управитель встретил их, можно сказать, радушно (хотя, как и подобает персоне его положения в общении с мастеровщиной, смотрел свысока). Поселили там, где они и обитали до вчерашнего вечера, сразу обеспечил бытовые удобства: еда в комнату, сговорчивые служанки. На другой день появились мэтр Балард (тот, что цинично самоубился) и мэтр Инсари (тот, которого взяли живьем). Бегло расспросили, попросили показать свое умение и остались довольны.

С неделю работой их особенно не утруждали: говоря языком имперской науки, заканчивали монтаж установки, доводили до ума. Стеклодув немного паял, трубки и змеевики, Слесарь доводил до кондиции все железное, бронзовое и медное, Лаборанта мэтр Инсари учил

работать с мерками — стеклянными и металлическими ковшиками, сосудами и прочими емкостями. Дело было знакомое, и он легко усваивал здешнюю специфику, не особенно и отличавшуюся от того, чем он занимался в университете.

Потом работа пошла всерьез — самая безобидная работа, на взгляд Лаборанта (остальные двое, никогда в подобных ученых заведениях не работавшие, попросту не могли определить своего отношения к тому, что наблюдали). Лаборант согласно ценным указаниям мэтра Инсари (мэтр Балард, подобно армейскому генералу, был птицей высокого полета и в рутинные мелочи не вникал) засыпал в колбы и реторты тщательно отмеренные порошки, наливал жидкости, что-то подогревал на жаровнях (часто строго по точным часам), что-то выпаривал, производил прочие манипуляции — в точности как в университете, в точности, как там, представления не имея, для чего это нужно и зачем. Он только быстро обнаружил существенное различие: в университете почти всегда готовый продукт после его изучения приходилось таскать в сливную яму, а здесь полученное всегда сливалось и сыпалось в стеклянные и бронзовые емкости, иногда все до капельки-крупинки, иногда строго отмеренное количество. Но над этим безусловно не следовало ломать голову — благо по прошествии месяца управитель выдал им обещанное жалованье, до грошика, так что к чему было заморачиваться?

Лаборант первым подметил некую странность: герцог, которого вербовщик отрекомендовал как рьяного любителя ученых занятий, за месяц в подвале так и не появился. Что было несколько странно — но опять-таки, когда карман оттягивают такие деньжищи, подобными пустяками как-то не заморачиваешься.

Потом все изменилось — самым пугающим образом. Лаборант под чутким руководством мэтра Инсари залил и засыпал в дюжину соединенных с «инкубатором» сосудов все необходимое (для чего и неинтересно), под-

ключил источники электричества и еще какие-то жгуты в оплетке, вроде бы металлические, идущие от непонятных ящичков. (Лаборант клялся и божился, что это, по его мнению, вовсе не источники электричества, каких он не видался в университете, — что-то другое.) Одни жидкости и порошки ничем не пахли, другие жутко смердели. Одни можно было черпать пригоршней, другие следовало лить и сыпать со всеми предосторожностями — с голыми руками не лезть, надевать перчатки из толстой кожи с рукавами по локоть. Это опять-таки как две капли воды походило на те порошки и жидкости, с которыми он имел дело в университете — там тоже хватало ученых зелий, способных обжечь или разъесть кожу.

Вот только то, что потом началось, уже нисколько не напоминало университет, вообще ни в какие ворота не лезло, так что волосы норовили встать дыбом...

В подвал в сопровождении обоих мэтров спустился герцог — причем оба мэтра несли корзины с младенцами числом три. На вид — самые обычные: живехонькие младенцы, мирно посапывавшие в двух корзинках (именно в таких, лубяных с подстилочкой, крестьяне и горожане победнее таких крох и носят).

А потом мэтр Балард так хладнокровно, словно чай заваривал или чистил зубы, одного за другим бултыхнул младенцев в сосудище в неопишемого цвета жидкость...

Двое, Лаборант и Стеклодув, буквально оцепенели, застыли статуями не в силах ни шелохнуться, ни пошевелить языком. Слесарь оказался человеком другого склада — он сломя голову кинулся из подвала, но тут же вернулся, белый как полотно, постукивая зубами. Потом он рассказал, что у подвальной двери его встретили двое молодчиков, судя по одежде, егеря, с крайне недружелюбными физиономиями: встретишь такого в лесу, все грибы-ягоды отдашь, не дожидаясь, когда откроет рот. И, поглаживая рукоятки скрамасаксов, посоветовали возвращаться назад и не пороть горячку — чтобы им не возиться потом лишний раз, жмурика закапывая.

Встав перед трясущейся от страха троицей, герцог произнес краткую, но выразительную речь. (Лаборант говорил: вот чего у него не отнять, так это умения выражаться кратко, без пустого многословия, но крайне убедительно...) Сказал герцог примерно следующее: начинается важнейший научный опыт, которым его инициатор обессмертит свое имя и удостоен будет всех мыслимых ученых наград и титулов. Что это за опыт, они по своей сиволапости все равно не поймут, и пытаться нечего, а потому он и объяснять не будет. Как подсобные труженики у мэтров они его вполне устраивают, а потому, хотя и хотят, придется и далее трудиться со всем прилежанием. Ну, а если попытаются сбежать, далеко уйти не дадут, и когда поймают, сами поймут, что лучше бы им и на свет не родиться. А вот если станут работать по совести, получат потом в награду месячное жалованье.

И повторил для тугодумов: здесь ничего не имеет общего ни с колдовством, ни с черной магией — вот Лаборант, если ему такая уж нужда, может проверить (он увидел у Лаборанта в вырезе рабочей рубахи крест Единобожия). Герцог ничего не имеет против, наоборот, просит удостовериться, чтобы работалось лучше и спокойнее. Даже приказывает, пожалуй.

Ну, коли приказ... Лаборант, выпростав крест на ремешке, добросовестно обошел оба подвала, постукивая зубами и читая все молитвы, какие знал от родителей, прикладывал крест к самым непонятным штуковинам. Безрезультатно. Герцог не соврал.

После чего герцог внес кое-какие разъяснения. Эти научные работы, недоступные их пониманию, ведутся по приказу короля Сварога — как с целью победить соседей, так и для собственного удовольствия. И показал короткий указ с Малой королевской печатью. Грамоте Лаборант выучился давно, в университете без этого нельзя. Стеклодувы и Слесари из-за своих занятий грамоту тоже разумели, пусть и плохо. Они клялись, что грамота им показалась доподлинной (а о секретных знаках на королевских указах)

зах они слыхом не слыхивали и определять их не умели). Герцог закончил с улыбочкой: хочешь не хочешь, ребята, а придется. При успехе озолотите и себя, и семьи, вышедши, домики построим, семьи выпишем... Ну, а сбежите, искать вас буду даже не я, а люди короля Сварога, голубиной кротостью никогда не отличавшиеся...

Безвыходное было положение. С одной стороны — приятная тяжесть золота в карманах, и с другой — масса нехороших вещей в случае поимки. И, главное, грозный король Сварог, с коим, как всему Талару известно, шутки плохи. Лаборант слышал краем уха о секретных мастерских и тайных работах — да и оба других некоторое представление имели. Как не впервые в их положении, их повязали в первую очередь не золотом, а тайной. Одно утешало взъерошенные души: только в старых сказках мастеров с тайных работ всех скопом уничтожали после того, как становились не нужны. А обещания, что говорить, смотрелись заманчиво...

В общем, они остались, тем более что герцог излишней доверчивостью не страдал, за ними постоянно наблюдали, и убежать, скоро стало ясно, ни за то бы не дали. Пришлось стиснуть зубы и работать на неведомую высокую науку.

К тому же одно успокаивало. Никакой некромантии, принесения малых детей в жертву и тому подобных ужасов. Примерно через квадранс вода в сосуде стала абсолютно прозрачной, и все видели: младенцы и не думают тонуть, они плавали с закрытыми глазами и выглядели совершенно живыми, мирно спали, пошевеливали ручками-ножками, порой открывали бессмысленные глазки, ненадолго оглядывали окружающее, потом опять засыпали. Что ж, это успокаивало...

И началась, можно сказать, обычная работа. Лаборант под тщательным присмотром мэтров добавлял порошки и зелья, что-то сливал, когда нужно было. В одном из флажелей герцога обнаружилась отличная стеклодувная мастерская, и Стеклодув занимался там привычным делом, потом подсоединял трубки и змеевики, паял,

убирал одни сосуды, ставил другие. Оба мэтра тоже не сидели сложа руки, они главным образом подключали или убирали электричество — или подключали к впаянным в бутылъ загадочным медным и бронзовым трубкам жгуты, ведущие от не похожих на аккумуляторы коробов.

Изменения обнаружались через пару недель. Трое детей в сосуде росли — но гораздо быстрее, чем обычные дети, уж Лаборант-то со Стеклодувом, как люди женатые и детные, в отличие от Слесаря, это быстро определили. Так быстро обычные дети не растут. Мэтры, поначалу дерганые, раздражительные, иногда прямо-таки рывкавшие в ответ на самые безобидные вопросы, а то и пинка отпускавшие, с некоторых пор стали словно бы довольными, умиротворенными. Судя по всему, работа шла отлично, без малейших осложнений. Теперь они проводили у сосуда гораздо больше времени, чем раньше, постоянно записывали что-то (две трети, как украдкой подглядел Лаборант, состояли из расчетов, цифр и загадочных символов — иные он видел в университете). Часто в подвале стал появляться и герцог — всегда в отличном расположении духа.

И все же в детях было что-то пугающее. Они спали, спали и спали, безмятежно плавая по сосуду. Глаза открывали очень редко, и, похоже было, что за пределами сосуда их ничто не интересует. Пару раз лишь поглядывали, уже не бессмысленно, но совершенно равнодушно.

Потом стало еще жутковатее. Когда через четыре месяца (спокойных, без сюрпризов) дети, судя по их виду, пришли в подростковый возраст. По фигурам, по налившимся грудкам и всему прочему это были несомненные девочки — вот только на положенном месте у них красовался мужской причиндал, а женского не имелось вовсе. Для троицы это было уж чересчур — но разгоравшуюся было панику в зародыше пресек мэтр Балард, разъяснив, что в этом и заключаются иные эксперименты высокой науки, сути которых они попросту не поймут. А потому жалования им надбавят на четверть и после завершения работы устроят жизнь в одной из королевских лабораторий.

То ли они верили, то ли страстно х о т е л и верить... Работали по-прежнему: правда, теперь три четверти работы взяли на себя мэтры. Порошков и жидкостей в сосуд отправляли гораздо меньше — и гораздо больше подключали электричество и вовсе уж загадочные устройства, привозившиеся в закрытых ящиках.

Те трое, в сосудах, теперь уже молоденькие девушки на вид, вдруг о ж и л и. Они плавали в сосуде, насколько удавалось в тесном пространстве, оказывались у стенок изнутри, разглядывали мастеров, а иногда делали откровенно непристойные жесты. Они по-прежнему чувствовали себя в воде (или что там это было) совершенно непринужденно, захлебываться и умирать не собирались — ужаса, в общем, не наводили, но пугали изрядно самим своим существованием. Мэтры веселили на глазах, судя по некоторым обмолвкам, работа шла к концу, и успешно — а вот у троицы подмастерьев на строение падало. Завершение работы могло оказаться и завершением жизни — страшные сказки могли окантаться и правы...

Однажды все кончилось. Подмастерьям велели этим утром из комнаты не выходить и в подвал не спускаться. Еду, правда, принесли как обычно. Самый подозрительный из них, Стеклодув, ни крошки не съел и к графину с питьем не притронулся — мало ли что туда могли подсыпать или подмешать...

Обошлось. К обеду их вновь позвали в подвал. Бутылка была пуста — жидкость скачали в сливную яму. Герцог (сразу видно, довольный) выдал им по мешочку с обещанным внеочередным месячным жалованьем, скуповыразил свое благоволение, еще скупее — благодарность короля Сварога, а потом объявил, что научные опыты будут продолжаться — на тех же условиях что благодарности, что попытки сбежать.

(Между прочим, одну из этих загадочных девиц, которые в чем-то и не девицы, Стеклодув видел в парке, когда она там безмятежно прогуливалась. (К тому времени

им немного облегчили режим, разрешили прогулки, но только на строго отведенном кусочке парка и под присмотром трех неразговорчивых лакеев.) Разгуливала как ни в чем не бывало, одетая отнюдь не бедно.)

Вскоре работа вновь началась — на полную катушку. Чуть ли не три четверти непонятной машинерии разобрали, аккуратно упаковали в ящики, и их увезли молчаливые возницы. Бутыль оставалась — но ее теперь окружали вовсе уж непонятными огромными колбами и коробами, ничуть не похожими на те, что здесь стояли прежде. Теперь работы у Стеклодува прибавилось чуть не вдесятеро: какую-то утварь привозили неизвестно откуда, но изрядную часть он делал в той самой мастерской по схемам и указаниям мэтра. Нашлось немало работы и по части слесаря — а Лаборант с ног сбил, принимая грузы — с иными следовало обращаться совершенно иначе, не как с прежними. Пару особенно замысловатых штуковин Стеклодув, честно признался, изготовить не может — не по его мастерству. Мэтры, в общем, его за это особенно не ругали — но по обрывкам их разговоров меж собой Стеклодув понял: какие-то вещи придется заказывать, и далеко отсюда, а это потребует времени, тайны и денег. «Ну, что поделать, если этот болван — не лучший на Таларе, кого, в конце концов, можно нанять?!» Подслушивать дальше было бы слишком опасно, и Стеклодув тихонечко убрался на цыпочках, сделал для себя вывод: вполне возможно свалилась какая-то сверхурочная работа, чему мэтры, как любой на их месте, недовольны.

Перестройка лаборатории заняла едва ли не год, и она стала почти непохожей на себя прежнюю. И начало работ оказалось совершенно другим: часть подвала с сосудом отгородили от пола до потолка портьерой из плотного сукна, куда не смогла бы заглянуть и мышь. Им, уже освоившимся в подвале, легко было догадаться, что вместе сосудом за портьеру попал совсем небольшой кусочек подвала — и по стенам уходит с дюжину толстых труб, которые Стеклодув проводил, а Слесарь старательно прикрепил к стенам.

На сей раз оба мэтра откровенно нервничали — как и часто появлявшийся там герцог. Неугомонный Стеклодув ухитрился расслышать его реплику мэтрам: «Если сорвется, отвечать будут не они, а вы, их дело десятое...» И откровенно этой реплике порадовался.

Засыпав и залив, что велели — пошла работа, — он ждал новых распоряжений, оказавшихся довольно неожиданными. Портьеру плотно задержали, возле нее прохаживался хмурый тип со скрамасаксом, а они трое получили строжайший приказ: за портьеру носа не совать, иначе получают кинжал в спину, а если выживут, испытают на себе немало скверного. Ну, и было обещано по окончании работ дополнительное жалованье.

Еще с полгода работа продолжалась почти как в прошлый раз — разве что теперь за портьеру ходили только оба мэтра. Причем они тоже на сей раз щеголяли в обожженных и запачканных фартуках — несомненно, выполняли ту часть работы, что прежде лежала на подмастерьях. Ну, а те делали свою. В отличие от прошлого раза, из-за портьеры порой наплывали незнакомые запахи: не обязательно противные, что-то потрескивало, словно бы электрические разряды, тянуло то грозовой свежестью, то едким дымком — но мэтры не поднимали по этому поводу переполоха, значит, так и было задумано.

Герцог появлялся в подвале чаще, чем обычно, и выходил определенно довольным. Троица и не пыталась заглянуть туда хоть одним глазком — сменявшиеся на дежурстве егеря выглядели людьми, которые сначала воткнул скрамасакс в брюхо, а уж потом станут задавать вопросы. Они и не собирались гадать, кто там на сей раз в банке, — все равно не догадались бы.

Зато они (всякий в одиночку) не раз ломали голову над о б с т о я т е л ь с т в а м и появления очередного младенца. Никаких сомнений, речь шла именно о младенце: когда почти все было готово, вместе с герцогом и мэтрами в подвале появилась женщина. Лица ее троица не видела, она оказалась закутанной в плащ до пят с

низко опущенным капюшоном, но по движениям можно было заключить, что незнакомка довольно молода. В руке она несла точно такую же корзинку — но плотно закрытую холстинкой (Стеклодуву, стоявшему ближе всех, слышалось младенческое похныкивание, но он не мог утверждать, что ему не почудилось). Зато в другом наблюдении он не сомневался: судя по паре реплик, герцог держался с вечерней гостьей, право слово, как с равной, да и ее осанка — что и в плаще не скроешь — мало походила на то, как держалась бы обычная белошвейка или прачка.

Что интересно, она появлялась в подвале по два-три раза в месяц, всегда в сопровождении герцога, проводила там от квадранса до получаса. Чем дольше, чем больше герцог веселел — в последний месяц, божилась троица, он выглядел как сержант, получивший похвалу от лейтенанта. Мэтры тоже веселили от месяца к месяцу, пару раз даже снисходили до шуток с подмастерьями, чего себе прежде не позволяли.

А подмастерья работали. — уже привычно. И, поскольку человек яростно верит в лучшее, в то, что все плохое случается с кем-то другим, надеялись покинуть дворец в добром здравии, с увесистыми мешочками золота, на каковые и обустраивать новую жизнь. В последние месяцы им стали даже выдавать вино — правда, скромную порцию. Они это связали с тем, что та часть работ, которой они занимались, сократилась резко, и они чуть не часами бесцельно болтали в подвале, и даже с попустительства мэтров играли в кости. Вот мэтры целыми днями пропадали за портьерой (куда за последний месяц еще три раза привозили ящики, мешки и бутылки).

Дураку ясно — работа подходила к концу. Что для них троих могло повлечь самые разные перспективы — от насквозь приятных в виде золота, до самых печальных — не тянуло уточнять, каких именно. За своих товарищей по несчастью Стеклодув ручаться не мог — не было таких разговоров, а бумаги и стилосов им предусмотрительно

не давали, зная, что все трое умеют писать и могут задумать что-то, не подмеченное возможными слухачами. Однако сам он не первую ночь перебирал варианты удачного побега — но ничего толкового в голову так и не пришло, будь на его месте кто-то вроде Вольного Топора или тюремного сидельца с большим опытом, кто знает, могло и выгореть — но не у простого ремесленника, никогда в жизни не державшего в руках оружия и бегать из-под стражи не приученного.

Все кончилось неожиданно. Когда они в назначенное время явились в подвал, обнаружили, что портьера отдернута, в сосуде нет ничего, кроме прозрачной жидкости, все жаровни погашены, разноцветные жидкости не струятся по трубам и змеевикам. Работа кончена. Случилось прежде раньше небывалое: мэтры (и герцог с ними!) сидели за простым столиком, на котором помещалась пара кувшинов вина и достойная герцога закуска. Герцог простер свое благорасположение до того, что налил подмастерьям по немаленькому стакану отличного вина, выложил на стол мешочки с обещанным вознаграждением и объявил: их работой он полностью удовлетворен, а потому намерен держать на службе и дальше. На жительство их поселят уже в одном из флигелей для слуг, семьи, как и обещано, выпишут.

Одним словом, жизнь удалась. Или — не удалась, подумал Сварог, знавший многое и о тайнах, и о том, каким образом их блюдут. Нельзя исключать, что герцог решил «позаботиться» и о подмастерьях, и об их близкой родне, наверняка о судьбе родственников, которым отправляли редкие письма, деньги. Собрать всех в поместье — и... при обилии химии в подвалах герцога там может оказаться и надежная отравка. Чересчур уж опасную игру стервец затеял — прикрываться Сварогом, мало того, указом с его печатью, несомненной подделкой. Сварог в жизни никому не выдавал указов на обустройство лабораторий у себя на дому, и уж герцог Латери был последним на свете человеком, которому он такое поручил бы... Интересно,

какой была бы при таком раскладе судьба мэтров? Есть люди, которым и пятеро болтунов пустяк...

Вот, собственно, и все. В ту же ночь в замок ворвались люди Сварога. Предстоит еще много допросов и скрупулезное исследование лаборатории, но уже ясно: больше от ш у ш е р ы не добьешься. Орбиталы-наблюдатели, с некоторых пор повисшие над замком герцога, помочь ничем не могли: карет и повозок заезжало и выезжало немалое количество, проследить за всеми не было возможности. Хорошо еще, что аппаратура досталась в полной сохранности, быть может, удастся определить, что с ее помощью вытворяли — должно что-то со старых времен сохраниться и в архивах восьмого департамента, и у отца Алкеса, да и Боевых Братьев нужно привлечь. С другой же стороны... Может оказаться, что, потратив уйму времени и сил, обнаружат лишь, что там производили сексуальных игрушек непривычного облика и развлекалочки, вроде мяукающих зайцев, шестиногих кур...

Ну что же, по вершкам прошлись в хорошем темпе, теперь следует заняться корешками. Таковой в наличии один-единственный, но, без сомнения, знающий гораздо больше остальных.

Он потряс колокольчиком на столе, и моментально возник Интагар, не выпавшийся, как все, но пылавший азартом. Сварог спросил:

— Ну как там наш мэтр?

— Сидит в пыточной, — усмехнулся Интагар. — Знакомится с приспособлениями, а ему прилежно объясняют, для чего что служит — вдруг сам не поймет...

— Как по-вашему, п р о н и к с я?

— Проникся, сударь, — уверенно сказал Интагар. — Не похож он на человека, не чувствительного к боли. И пот прошибает, и корежит прямо в интересных местах...

— Отлично, — сказал Сварог. — Давайте его сюда, побеседуем об ученых материях...

Посмотрел на часы — недовольно скривился. До расвета не так уж близко, но и не далеко. И вновь совершен-

но неизвестно, сколько у него времени: умельцы Марлока будут рвать жилы. Конечно, и без него все пройдет отлично — все допросы проведут, все архивы поднимут, подвал изучат... и все равно неуютно как-то себя чувствуешь, оставляя позади незавершенное. Или этот клятый «синдром штурвала»? Как бы там ни было, первое, чем нужно заняться — «Крепость Королей»...

Двое агентов ввели человека, одетого и в самом деле как небогатый дворянин, тычком усадили на стул и улетучились. Сварог разглядывал его, пытаясь составить первое впечатление. Лет за пятьдесят, в волосах изрядно проседи, благообразный, даже интеллигентный вид, физиономия, вот чудо, словно бы даже исполнена некой строптивости — ну, такую хворь тут быстро лечат...

— Мне представляться? — спросил Сварог.

— Нет необходимости, — мрачно ответил мэтр.

— Тем лучше, — сказал Сварог. — Значит, знаете и о кое-каких моих способностях отличать правду от вранья... Инсари — это ваше настоящее имя или последняя фамилия?

— Настоящее, — он с некоторой даже гордыней задрал подбородок. — Не вижу причин стыдиться своего честного имени.

— Вы его таковым полагаете? — небрежно спросил Сварог.

У него были все основания так держаться. Интагар, предпринявший поиски со своего верного компьютера, обнаружил только одного Инсари, к которому мог прилагаться титул мэтра.

— Не пойму, чем я мог его запятнать.

— Вот тебе раз... — сказал Сварог. — Вы ведь тот самый Инсари, что был профессором биологии в Ремиденуме? Вот видите... А как же насчет той истории, из-за которой вас уволили из университета и лишили звания члена Сословия Совы? Она вас никоим образом не запятнала?

Инсари выпрямился на шатком стуле:

— Это был смелый научный эксперимент! Дерзкий, конечно, но это не впервые в истории науки...

— Но люди-то умерли, — сказал Сварог. — Двое...

— Это были простой поденщик и убогий мастеровой. Да, не повезло. Но при удаче можно было продвинуться вперед, вылечить не одного и не двух. В науке мертвые порой необходимы.

— А они были с этим согласны? Насколько я знаю, операции вы провели на свой страх и риск, вопреки прямому запрету руководства кафедр.

— Чинуши с окостеневшими мозгами, боявшиеся всего нового! Озабоченные лишь жалованьем и медалями!

Сварог присмотрелся к нему. Чем-то этот тип ему напоминал иных уличных ораторов во время перестройки, в те времена ушедшие, теперь почти былинные — разве что патлы не растрепаны и слюна изо рта не брызжет. Повадки совершенно те же. И образ мыслей тот же, что нередко встречается — в том числе в последний раз не так уж давно, за облаками.

— Понятно, — сказал Сварог. — Существует только одна святыня — ее величество, она же и богиня — Наука. Познание — смысл жизни и высшая ценность. В сравнении с ним ничего не стоили случайные жертвы, в особенности, если они самого подлого звания...

— Вы очень точно все изложили, — сказал мэтр с тенью насмешки. — Именно так и должно обстоять.

Ледяной Доктор и Брашери, о которых ты никогда в жизни не слышал, тебе аплодировали бы, подумал Сварог. Хорошо еще, что вам таким, имперским и земным, нечасто выпадает случай встретиться... хотя иногда выпадает все же.

— Дерзость мысли, творческий полет фантазии, совершенно не стесненный этикой и моралью... — сказал он. — И великое множество людей, насквозь приземленных, которые этого не одобряют. Ладно. У меня нет времени с вами дискутировать на высокие темы. Поговорим как раз о приземленных. И ходить вокруг да около не будем. Вы мне должны рассказать все, чему были свидетелем в замке герцога. Что-то мне подсказывает, что

вы там были на вторых ролях, но тех, кто играл первые партии, у нас все равно нет... Пытошную вам показали во всех деталях?

— Пытки нынче запрещены.

— А в Главе, насколько мне известно, нет, — вкрадчиво сказал Сварог. — Доводилось слышать?

Вот теперь жреца высокого познания проняло, да... И все же он из всех сил старался хранить гордое самообладание. Судя по лицу, с ним-то не проделали той процедуры, что позволяет не бояться боли, хоть на куски режь. Означает ли это, что все творившееся в замке — чисто земного происхождения? Ни в чем нельзя быть уверенным, Брашери это умение давал лишь своим ближайшим сподвижникам...

Сварог и здесь хотел сэкономить себе время. А потому по его сигналу в комнату вошли те самые молодые люди — двое, несуетливые, с экономными движениями профессионалов. Сварог смотрел скучающе: процедура была насквозь знакомая: небольшой футляр, пробирка с розовой жидкостью, клиент пытается трепыхаться, но у этих ребят не забалуешь, приходится проглотить все до капельки. Поклонившись Сварогу, оба вышли. Мэтр, закинув голову и зажмурив глаза, прислушивался к своим ощущениям.

— Не надо морщиться, — сказал Сварог. — Сам я, конечно, не пробовал, но меня заверяли, что жидкость безвкусная, как вода. Это не яд, конечно. Это «эликсир правды», и вы теперь не сможете произнести ни словечка лжи. Это гораздо гуманнее пыток, не правда ли? Особенно когда имеешь дело с ученым человеком... Когда что-то спрашивают, солгать никак нельзя. Итак... Предпочитаю начинать сначала. Вас выставили и из Ремиденума, и из Сословия, вы проели сбереженья, продали дом, потом как-то незаметно исчезли с глаз... Куда направились потом?

— В полуночное Ронери, — сказал Инсари с таким видом, что охотно хлопнул бы себя кулаком по губам, если бы это помогло.

— Подальше от Равены? — понимающе спросил Сварога.

— И это тоже, — ответил Инсари угрюмо. — У меня там жила тетушка, она оставила наследство. С десяток деревень. Что вы так смотрите? Золотой пояс я не сам себе присвоил, я и в самом деле дворянин из младших сыновей, а дворянства меня никто не лишал. Земли были доходные — овцеводство, шерстяные мануфактуры. Добавив деньги от продажи дома в Равене, можно было прожить более-менее достойно. Если бы Багряная палата не замаячила на горизонте...

— А она-то при чем? — с любопытством спросил Сварог. — Ваши... забавы, когда вы погубили двух человек, в ее ведение никак не входили. Я интересовался по другому делу, в прошлом году... Такие вещи рассматривает Карный кодекс. Вот только ваше почтенное Сословие в таких случаях предпочитает не выносить сор из избы, и от провинившихся избавляется тихонечко, вот как от вас. Благо пострадавшие были бедны и не могли рассчитывать на хорошего адвоката... Или вы и там, в глуши, что-то наворотили?

— Как вам сказать... — с тем же угрюмым выражением лица ответил Инсари. — Я купил по случаю очень интересный документ... и пытался сделать гомункулуса, а вот это уже подлежит рассмотрению Багряной палатой...

Сварог с великим трудом подавил протяжный зевок — и из-за позднего времени, и оттого, что услышал про гомункулуса (попытками сотворить коего здесь когда-то увлекались не меньше, чем на Земле в Средневековье...). Вот только поддельных рецептов ходило не меньше, чем фальшивых «карт с кладями». Отец Алкес говорил: за последние полсотни с лишним лет с подлинными рукописями его учреждение не сталкивалось. Правда, за саму попытку гомункулуса изготовить полагался солидный штраф и высылка на Стагар.

— И дальше?

— Собрал все деньги, какие нашлись, драгоценности и бежал в Снольдер, — сказал мэтр. — Здесь как-то спокойнее живетсч ученому человеку вроде меня...

Ну да, разумеется. Снольдер в некотором смысле был пионером вольнодумства и либерализма. Аналога Багряной палаты здесь не существовало, а делами по колдовству занимался светский суд. К тому же «Кодекс о черной магии и зловредном ведовстве» был урезан примерно на три четверти по сравнению с другими державами. Сварог до сих пор этим не заморачивался: потому что в результате неведомо каких событий повальное бегство колдунов и ведьм неизвестно куда затронуло и Снольдер полной мерой. И надо же, в ста лигах от Латераны...

— Дальше, — сказал Сварог.

— Прижился по эту сторону границы. Удачно вложил деньги в одну речную компанию. Перевозки грузов. Ну, и потихоньку лечил людей травами. Не смотрите так, я не шарлатанствовал — еще студентом прошел курс траволечения, а чтобы им заниматься, врачебный диплом не нужен, спросите знатоков. А примерно через полгода ко мне приехал мэтр Балард. Он откуда-то знал про мою неудачу в Равене, ругал тамошних консерваторов и тамошние законы, не позволяющие ученому удовлетворить страсть к познанию...

— И вы размякли? — усмехнулся Сварог.

— Немного. Всегда приятно слышать похвальные слова.

— Даже когда речь шла об обстоятельствах, подобных вашим?

— Я этим занимался не из каких-то низменных побуждений, а из страсти к благородному познанию! — воскликнул Инсари с фанатичным огоньком в глазах. — Балард... Мы как-то сразу почувствовали друг в друге родственную душу. Взгляды на науку и познание прямо-таки совпадали...

— И он, как я догадываюсь, сделал вам некое предложение?

— Да, вот именно. Он сказал, что знает богатого магната, давно покровительствующего ученым занятиям, в частности, в моей области. Балард как раз устроился к нему на службу, требовался помощник, и он предложил мне...

— Надо полагать, за хорошие деньги?

— Одно другому не мешает, — прямо-таки огрызнулся Инсари. — Великий Родамонт владел тремя поместьями, но это ему не мешало делать эпохальные открытия. Деньги даже помогают в иных случаях, нищий гений немногого добьется, особенно там, где необходима хорошо оборудованная лаборатория, которую за медные гроши не купишь. Или вы не согласны?

— Ну, в принципе, согласен, — сказал Сварог. — И вы приехали к герцогу Латери... Дальше я и сам могу рассказать. Лаборатория там была великолепная, вы сами помогали ее обустраивать, а вот потом, когда в ваш «судилище» бросали живых младенцев... Вас такие эксперименты не насторожили?

— А почему они должны были меня насторожить? Балард заверил, что с ними ничего не случится, что они останутся живы, а эксперимент, хотя и затянется на полгода, даст поразительные результаты. И он оказался прав! — едва ли не крикнул Инсари с прозрачными и пустыми глазами фанатика. — Я со временем почти понял, что он делает — справедливости ради, далеко не все, на три четверти, примерно, но и этого было достаточно! Это большая честь — оказаться помощником такого ученого! Они...

— Знаю, — сказал Сварог. — Когда их принесли, они были девочками. За эти полгода превратились в юных девушек... вот только с мужскими причинадами вместо тех, какими их снабдила природа.

— Я же говорю, результат был поразительным! Я еще не во всем разобрался, но Балард вдобавок ко всему смог ускорять время. За это время они в ы р о с л и! Выросли, понимаете? Почти все время спали, только в последние пару месяцев стали открывать глаза, ненадолго, правда, но они нас видели, смотрели осмысленно. И когда мы их оттуда достали — конечно, заранее отослав подмастерьев, им не полагалось такого знать — обтерли, дали платья, заговорили... Это были вполне полноценные люди, ни

следа слабоумия, как Балард и предсказывал. Совершенно нормальные девушки... ну, если не считать того, что их от девушек отличало...

— И герцог забрал их к себе? — понятно подхватил Сварог. — А для чего, вы не интересовались?

— Ну, у него там вечно какие-то развлечения, — прямо-таки пренебрежительно махнул рукой Инсари. — Девочки, мальчишки... Какое мне, в конце концов, дело? Меня как-то не интересуют постельные развлечения человека, без колебаний выделяющего т а к и е деньги на науку.

— Науку? — прищурился Сварог. — А вы нигде не читали и никогда не слышали, что такие создания именуются «белины»? И производят их на свет люди под названием Черные Алхимики?

Вот сейчас мэтру особенно хотелось смолчать, по искажившемуся лицу видно. Но он, конечно же, не смог. Прямо-таки с бесстрастностью робота продолжал:

— Читал когда-то... Слышал кое-что... Но какая великолепная биология! И не она одна, речь там идет как минимум еще о двух науках, к тому же ускорение времени... Сдается мне, этого и в Империи не умеют, не так ли? И еще один важный момент. Мы с Балардом не нарушили никаких снольдерских законов. «Кодекс о черной магии и зловредном ведовстве» карает только тех... именуемых Черными Алхимиками, кто, я дословно помню, «изготавливает противоестественных монстров, предназначенных для причинения человеку смерти или калечений». Балард мне показывал Кодекс. Именно так и написано. Эти... девушки около полутора лет в замке, но я не слышал, чтобы от них кому-то приключилась смерть или хотя бы калечение. Подумаешь, участвуют в забавах герцога... а я получил прямо-таки бесценные знания, и на этом не должно было кончиться...

На воротах бы вздернул, подумал Сварог. «Какая великолепная биология!» «Какая великолепная физика!» Такие субъекты и в разных мирах одинаковы...

— Потом вы провели еще один эксперимент, — сказал он, старательно отгоняя невольную брезгливость. — И вот он-то интересует меня гораздо больше. Кто принес ребенка?

— Понятия не имею. Какая-то женщина. Плащ до пят, капюшон нахлобучен... У меня сложилось впечатление, что она из благородных. По крайней мере, герцог с ней так держался, хотя с простым людом хамоват... Она сама опустила ребенка в сосуд. И потом появлялась два-три раза в месяц, осматривала растущую и уходила...

— Р а с т у щ у ю? Это была девочка?

— Да, как и в прошлый раз. Вот только эта за пять месяцев нисколько не изменилась. Все женское осталось при ней.

— Пять месяцев? — впился в него взглядом Сварог. — Подмастерья показали единодушно, что она провела там ш е с т ь...

— Все правильно, шесть, — Инсари словно бы чуть смутился. — Понимаете, через пять месяцев Балард закрыл и сосуд плотным сукном, прикрепил его так, что ничего нельзя было разглядеть внутри. А подмастерьев за занавес не пускали с самого начала. Я делал все необходимое, заливал и засыпал реактивы, в нужный момент на нужное время подключал электричество и эти странные ящики... Балард так и не сказал, что там, обещал полностью посвятить во все позже. И доставали ее из сосуда ночью, я не видел, кто и когда.

Пришел утром — а занавес и сукно с сосуда сняты, сосуд пустехонек. Прошло две недели, а я так ее и не видел во дворце, хотя тех трех встречал часто. Мне не было доступа только в то крыло, где помещаются личные покои герцога, а они жили в другом, для... особо доверенной прислуги... ну, вы понимаете. Со стороны и не узнать, кто они такие — девушки и девушки: походка, фигура, голос, лицо... Но эту, четвертую, я больше никогда не видел. А спрашивать не стоило — Балард меня с самого начала просветил, что любые вопросы могут оказаться

чреватými, вплоть до самого худшего. Ну, ничего удивительного: эти провинциальные магнаты — та еще публика... Лучше не рисковать.

Сварог усмехнулся:

— А вы не боялись, что вас по миновании надобности отправят в те края, где нет ни денег, ни науки?

— В первые месяцы — да, — сказал Инсари. — А потом как-то привык. Ни о чем таком не думал, предстояла еще работа...

— А вот теперь — врите, — сказал Сварог. — Слышали, может, что я могу определять, когда мне врут?

— Ходили слухи... Значит, правда...

— Ну?

— Месяц назад, когда сосуд закрыли и от меня, снова появились такие мысли. Не знаю уж, почему ее от меня закрывали, но подозревать начал, что свидетелей герцог может и не оставить... кроме Баларда, кто его знает, он-то явно был о ч е н ь доверенным, да и все знания исходили от него. А я у него многому научился, не знаю, как насчет той, четвертой, а эту... белину я сейчас мог бы сделать и сам... хотя нет, я так и не узнал, что было в тех ящиках. Уж безусловно не источники электричества — выглядели иначе, подключались по-другому. Балард обещал, что при следующей работе он абсолютно во все посвятит, но кто его знает, как могло обернуться. Так что я недели две готовился и осматривался — нам с Балардом ведь решали гулять по парку, только за ворота не выпускали. Присмотрел конюшню — верхом я ездить умею — прикинул все. Риск, конечно, но если они и в самом деле хотели убить всех четверых, а то и Баларда, кто его знает, герцога, какие у него были планы... Может он получил в с е, что хотел? Балард ведь был нанятым, вроде меня, он как-то проговорился, что жил в замке всего две недели... С точки зрения закона он ничего дурного не совершил, но неизвестно, как может обернуться, если совсем недалеко — король Сварог, и не просто король... — он покосился на Сварога определено боязливо.

— А о чем еще Балард... проговаривался?

— Если подумать, ни о чем. Представления не имею, кто он такой, откуда. Один раз только крепенько перебрал, вот и слетело с языка. Вообще человек был страшно замкнутый, все разговоры — о еде, вине, извините, о девках... ну, и ученые разговоры насчет того, что в подвале.

— Ну, а о его самоубийстве что думаете?

— Представления не имею, что и думать. Так неожиданно все случилось... Не знаю, гадать не берусь...

— А о самоубийстве герцога?

— Что, он тоже? Ничего не понимаю. В конце концов, по снольдерским законам оба неподсудны... как и я, — добавил он не без намека. Уж герцога-то хороший законник мог без труда выдернуть. Разве что последовало бы старое королевское «закон уснул»...

Могло и последовать, подумал Сварог. Но не обязательно оно. Герцог забавлялся не сам по себе, он был связан с кем-то п о с т о р о н н и м — и тот вербовщик, и загадочная женщина, лица которой никто не видел, и не менее загадочная ч е т в е р т а я. Которую прятали даже от этого обормота... Зачем? И кто еще в игре?

— Сколько на вид лет было этой четвертой, когда вы ее видели в последний раз? — спросил он, чувствуя, что деловые вопросы у него иссякают.

— Я так прикидываю, лет двенадцать. Все, что надо, уже круглилось.

— Так... — сказал Сварог, отчаянно пытаюсь ухватить хоть какую-то ниточку. — А через месяц она должна была выглядеть на все шестнадцать?

— Может, и чуточку старше. Конечно, если судить по тем трем, — торопливо добавил Инсари. — Гадать не берусь.

Может быть, тут и зацепка? — подумал Сварог. За неимением пока других версий? Иногда шестнадцатилетняя на себя двенадцатилетнюю не всегда и похожа. Может, эти предосторожности для того, чтобы Инсари не смог потом описать ее шестнадцатилетней?

Ну, в конце концов уж двенадцатилетнюю-то он описать сумеет — если забрать его наверх и пустить в ход усовершенствованную аппаратуру? Давшую отличный результат с Вердианой, а еще раньше — с компанией Брашери? Воспоминания Вердианы интересовали только врачей и кое в чем — его самого. А вот когда взялись за Брашери и его сообщников, удалось арестовать еще трех яйцеголовых из Магистериума, помимо тех двух...

И еще одно предположение из категории шальных... Быть может, герцог и мэтр Балард покончили с собой, потому что тайна была с л и ш к о м велика? И есть н е к т о, кого они боялись пуще смерти, больше, чем ареста и всего последующего? Почти при таких же обстоятельствах пошел на самоубийство доктор Молитори... Совпадение или нет?

В общем, образ двенадцатилетней — тоже неплохой улов. Компьютеры и чуточку состарят лицо, и откроют глаза, если Инсари видел ее только с закрытыми...

Он молчал, и Инсари это явно напрягало.

— Да, вот что, — сказал Сварог. — Вам случалось видеть эту, четвертую, с открытыми глазами?

— Конечно, — с некоторой даже радостью ответил Инсари. — Я же рассказывал, они все ненадолго просыпались, иногда подплывали вплотную к стеклу, глаза были осмысленные, вполне...

Есть шансы, подумал Сварог. Только где же ее искать-то? Представления не имея, где она может быть, и зачем ее вообще впустили в наш мир, где поганых тайн и так хватает?

— Ваше величество... — протянул Инсари прямо-таки умоляюще.

— Догадываюсь, — прервал его Сварог. — Пощады, милости, снисхождений и всего такого прочего... Там посмотрим. Не вижу пока причин карать вас л ю т о, так что ни пугать карами не стоит, ни давать надежду. Там видно будет. Сейчас отправитесь еще на один допрос...

да не тряситесь вы, как овечий хвост, это будет совершенно безболезненно. Вот после него у вас появятся смягчающие обстоятельства.

Выглянул в коридор, где на расшатанных стульях смиренхонько сидели бок о бок Интагар с Брагертом — Брагерт, конечно же, не упустил случая затесаться туда, где происходило что-то в стиле «плаща и кинжала». Его Сварог и поманил:

— Отведите его в мой брагант. Я только запрошу замок, прилетели ли эксперты, и приду.

Брагерт ухмыльнулся:

— Ну, ступайте, господин Черный Алхимик...

— Я не...

— Ступайте, ступайте, — подтолкнул его Брагерт. — Всякий говорит, что он — не он. Там разберемся...

Они направились к выходу — Инсари форменным образом плелся: неизвестность всегда страшит — Брагерт легонько придавал ему ускорение кулаком в поясницу. Прежде чем они скрылись из виду, Сварог сделав Интагару знак подождать, вернулся в комнатку и достал «портсигар».

Включить не успел — «самоцвет» на крышке запульсировал б е л ы м.

Выслушав рапорт, Сварог присел на край стола, зло выдохнул сквозь зубы:

— Дела...

Эксперты еще не появились, а все остальные покинули подвал, потому что делать там больше было нечего. Оставили на всякий случай двух часовых у входа — чисто по привычке, потому что обитателей замка сцапали всех до одного, и никакой угрозы ждать не приходилось.

Часовые не пострадали — только дверь распахнуло словно бы порывом синего ветра, и оттуда на миг полыхнуло неяркое розовое сияние. Оба держались молодцом — уже через пару мгновений кинулись вниз по ступенькам. И обнаружили там п у с т о й подвал, засы-

панный слоем мелкой розовой пыли, достигавшей щиколоток. Все словно бы испарилось в беззвучной вспышке: оборудование, столы и подставки-треножки, аккумуляторы и загадочные ящики...

Дежурный прерывающимся голосом твердил что-то про инструкции, указания и распоряжения.

— Ждите экспертов! — рявкнул Сварог. — Пусть сделают, что могут! Кроме подвала, ничего не пострадало?

— Ничего... Никто...

— Выводите всех пленных, грузите в виманы — и наверх! — распорядился он. — Всем распоряжается лорд Аркейн, мой заместитель! Конец связи.

Он не видел необходимости мчаться туда самому — что бы он там обнаружил, ускользнувшее от пытливого взора экспертов (они вот-вот должны прибыть) и чем руководил бы? Со срочной эвакуацией справятся и без него, будем избегать «синдрома штурвала» насколько возможно...

Дверь бесцеремонно рванули на себя. Брагерт, на себя не похожий, закричал с порога:

— Командир! Там, на посадочной площадке...

Ни о чем не спрашивая, Сварог бросился за ним, прогрохотал по лестнице наверх, бросился к площадке — довольно большой, окруженной символической, по колению, оградкой с несколькими проходами. В четырех местах тусклым гнилушечьи-зеленым светом горели видимые только вблизи линии — это обозначали себя невидимые браганты, что бы кто-нибудь ненароком не налетел и не разбил нос.

И у ближайшего прохода лежал ничком человек. Не стоило и спрашивать, кто это — коли уж они ушли вдвоем, а Брагерт вернулся один, он ни за что бы не бросил подконвойного...

Брагерт грязно выругался сквозь зубы.

— Без лирики, — сказал Сварог. — Что случилось?

— Он шел впереди меня, на два шага, как подконвойному и полагается, когда был возле самого прохода,

ударила короткая синяя молния. Излучатель типа «Блик», тут и гадать нечего. Прямо в лицо. И тут же один прямоугольник погас — брагант взлетел. Остался невидимым, конечно. Я не мог стрелять — куда? В кого? У меня не было «нокто», а простым глазом...

Сварог и сам знал, что невидимый брагант не увидит простым глазом и лар. Сцена из гангстерского фильма — вот только и фильмы порой берут сюжеты из жизни... У Сварога больше не было свидетеля, из чьей памяти можно извлечь лицо загадочной «четвертой» — не для того ли и затеяно? Другой мотив пока что в голову не лезет.

Разумеется, это кто-то с в о й. Разрушение лаборатории еще можно списать на неизвестные до конца возможности Черных Алхимиков, но только с в о й, лар, мог прилететь сюда на невидимом браганте и пустить в ход «Блик». Значит, есть н е к т о и не только на земле — ну что же, мы выловили не всех, замешанных в те или иные заговоры...

И где теперь его искать? П о д облаками нет службы слежения, фиксировавшей бы передвижения ларов, хотя Канцлер недавно говорил, что ее следовало бы создать на всякий случай — но все осталось на стадии разговоров...

Мысли лихорадочно прыгали. Его ведь и не вычислить, по крайней мере, в короткие сроки: в штурме участвовали четыреста с лишним человек, и еще семьдесят с чем-то о нем знали. Тех, кого заранее можно исключить, наберется с десятков: Канцлер, Марлок, Яна, еще несколько. Поди найди тот ножичек...

А главное — сюда, в «Медвежью берлогу», может вот так прилететь кто угодно. Часовых у посадочной площадки не было с самого начала — четверо всегда дежурят в здании, но они выскочат, лишь получив сигнал тревоги от установленных на ограде датчиков. Другие датчики, следящие за небом, засекут лишь з е м н о й самолет — но не летательный аппарат ларов. Человек,

установивший здесь систему безопасности, вне всяких подозрений — еще и оттого, что он о штурме не знал. Именно такую систему Сварог и одобрил — кто мог пред положить, что опасность с неба придет от с в о и х?

Что же это за персона такая, четвертая девка, что ради нее приняты такие меры предосторожности? Бессмысленно гадать, но одно сомнению не подлежит: в очередном заговоре, о котором пока что ничего не известно, замешан как минимум один лар. Случалось и прежде, но всякий раз это как серпом...

Глава VII

ПОИСКИ НАУГАД

— **Н**у вот, извольте, — сказал профессор Марлок с интонациями уважающего свою работу таларского ремесленника. — Что заказывали, то и получите, у нас без обмана, да и цены без запроса...

Он положил на стол бежевый пластмассовый чемоданчик, ловко отщелкнул блестящие замки, поднял крышку. Все трое присмотрелись не без любопытства. В аккуратных гнездах лежали серебристые полусферы размером с яблоко, торцы украшены крохотными сиреневыми линзами и короткими антеннами — точная копия орбиталов-наблюдателей. Собственно говоря, это и б ы л и орбиталы, только крохотные. Однако должны были принять нормальные размеры очень быстро.

Конспирация эта предназначалась исключительно для обитателей Латеранского дворца. Как нетрудно догадаться, все габаритные грузы, в надежных ящиках — под видом инвентаря, предназначавшегося для королевских занятий алхимией в комнатах, куда доступ открыт маленькой кучке людей. Первые орбиталы в небольшом числе именно так на балкон и попали. И преспокойно с него стартовали, невидимые, дважды — и простым

глазом, и радарам Той Стороны. Однако вскоре стало ясно, что поток грузов возрастает. Что не могло пройти мимо любопытных глазынек дворцовых зевак и лакеев. Очень быстро поползли сплетни и шепотки: не чересчур ли много времени король уделяет алхимии? Иногда такие увлечения перерастают в сущую манию, влекущую в лучшем случае крупные неприятности одному королю, а в худшем — всему королевству. Поминали короля Горомарте, из-за патологической страсти к охоте лишившегося и короны, и самой жизни; трагикомическую историю короля Фрамерия с его огромной коллекцией винных бутылок, короля Дауглара и его богатейшее собрание птичьих клеток, и еще с полдюжины схожих случаев.

А потому в девятом столе родилась светлая идея: все необходимо проносить к балкону в миниатюрном виде. Благо ничего для этого придумывать не пришлось — давным-давно имелись установки, делавшие большое маленьким, и наоборот. Ученые давно уже их забросили из-за полной непригодности к серьезным делам, каковых за долгие десятилетия нашлось только одно: когда Сварога и его спутников уменьшили до размеров токеретов перед рейдом в пещеру.

И вот теперь установки пригодились вновь. Одну из них, вполне уместившуюся в комнате средних размеров, разобрали на самые мелкие детали, переправили на Ту Сторону и там собрали в гостинице «У баронского замка», в большой каминной. И шепотки понемногу стихли: одно дело — вереница грузчиков, волокущих с дюжину больших ящиков, и совсем другое — человек с фельдгегерской или почтарской сумкой на плече, обычная деталь дворцового пейзажа. Тем же способом в гостиницу переправили небольшой реактор на апейроне, покрывавший три четверти потребности в электричестве. Конечно, за него можно было и дальше платить тамошними «фан-тиками», но давно известно, что порой самые серьезные разведчики сыпались на мелочах. Вполне мог найтись кто-то въедливый, обративший внимание, что гостиница

ж р е т ненормально большое количество электричества. Прикинули, сколько она потребляла, будучи простой гостиницей, — и ровно столько брали из городских сетей.

Вот и сейчас чемоданчик с орбиталями-крошками можно было положить в обычную фельдъегерскую сумку. Она даже не казалась бы чересчур объемистой.

Канцлер, заложив руки за спину, разглядывал орбиталы. Поднял глаза:

— А почему их восемнадцать? Я прекрасно помню: двенадцать предназначались для Инбер Колбта, пять предполагалось вывести на орбиту как «суточные» спутники, контролирующие эфир планеты. Откуда один лишний? И видом отличается от других: антенны другой формы.

Марлок машинально повернулся к Канилле. Она проворно встала, одернула отглаженный китель:

— Это я добавила, Канцлер. У меня там тоже стоит свой компьютер, порой приходится не с модами проказничать, а вести дела посерьезнее, гораздо.

— И что на сей раз? — спокойно осведомился Канцлер.

Канилла продолжала без тени замешательства или смущения:

— Понимаете ли, мне в голову пришла идея... Может быть, я и ошибаюсь, но проверить, по-моему, стоит. Затраты мизерные: один орбитал, какое-то время работы на компьютере совершенно не в ущерб текущим операциям... Осенило, когда я ехала в замок под тем жутким ливнем...

— Конкретику, пожалуйста, — все так же бесстрастно сказал Канцлер,

— Я так полагаю, это мне пришло в голову после истории с «ручейками» — много лет их не замечали и не фиксировали, а они все это время присутствовали. Я подумала: а что, если некое атмосферное возмущение — наподобие вызванного атмосферщиками ливня с грозой, кроме хорошо знакомых сигналов, сопровождается еще и какими-то проявлениями, которых мы не замечаем, как не замечали «ручейки»? У нас, вы лучше меня знаете, из-за сохраняющего постоянства тысячи лет климата

климатологов нет вообще, им просто нечего изучать. Метеорологов — полтора человека, для мелких задач. А вот атмосферщиков — целый отдел, человек десять, с постоянными круглосуточными дежурствами и сетью своих орбиталов. Почему так, я не выясняла, но подозреваю, для того, чтобы моментально отследить р е з к и е, нетипичные, масштабные изменения климата?

— Правильно подозреваете, — сказал Канцлер. — Это долго было всего-навсего старинной традицией, но после... снегопада оказалось крайне полезной в хозяйстве вещью.

— Значит, я правильно угадала... В общем, после начала шторма замка я оказалась совершенно не при деле. Взяла чей-то брагант, без спроса, конечно, но их там было столько, что хватило бы на всех. И полетела напрямик на станцию «Полярное сияние», к дежурному атмосферщику.

— За полночь? — усмехнулся Канцлер.

— Но ведь это было чисто служебное дело, — уверенно ответила Канилла. — Дежурный меня нормально встретил, сразу согласился дать консультацию...

Ну еще бы, ухмыльнулся мысленно Сварог. Отдел атмосферщиков относился как раз к восьмому департаменту, так что обстановку он знал. Народ там молодой, за восемь часов дежурства звереет от скуки, потому что дежурство много лет, до Снегопада, сводилось к простому сидению в аппаратной. И тут появляется ослепительная красотка Канилла Дегро, в том самом платье, в которое ее нарядили в замке — и, мастерски играя глазами, закинув ногу на ногу, просит помочь в сущем пустяке. Дежурный наверняка соловьем разливался...

Судя по мелькнувшей на лице Канцлера улыбке, его посетили те же самые мысли.

— Одно ведомство просит консультации у другого, — продолжала Канилла. — Обычное дело, рутина. К тому же я не касалась никаких секретов.

— Много интересного узнала, — говорила Канилла. — Детей этому учат, но мельком, бегло, даже полного урока это не отнимает, так что я к своим нынешним зрелым

годам ухитрилась все забыть... Любая непогода — снег, дождь, град, гроза с молниями — сопровождается изменением нескольких прежних параметров. Я все записала, потому что иначе могла и забыть... — она достала бумажку из бокового кармана кителя. — Когда идет дождь или снег, падает атмосферное давление. Количество водяного пара в воздухе постоянно меняется и при понижении температуры дает туман. Длина, напряжение и сила тока молнии зависит от так называемой мощности облака... Это не все, но речь идет об обычных параметрах, так что я, с вашего разрешения, не буду подробно перечислять все?

— Безусловно не стоит, — кинул Канцлер, которому явно не улыбалось слушать подробно краткий курс для младших школьников.

— Я искала что-то н о в о е... или хорошо известное, которому раньше не уделяли внимания. И нашла. Дежурный был так любезен, что показал мне все записи, сделанные во время снегопада — они, конечно, засекречены, но допуск у меня есть... Мне пришлось просидеть за компьютером полчаса — я не вполне представляла, что же точно следует искать, — ее лицо светилось торжествующей улыбкой. — Но я все же нашла! Кроме обычного изменения тех или иных параметров на периферии присутствовал... присутствовало... в общем, для простоты я это назвала «всплеском». Усилила его, насколько позволила аппаратура, записала параметры. Атмосферщик сказал, что это явление известно с незапамятных времен, и никто им никогда не занимался. Оно не представляет никакого интереса, этакий пороховой дым при выстреле, или, если брать ученые термины, статистически ничтожно малая величина. Но этот «всплеск» присутствует при всяком р у к о т в о р н о м изменении климата. Исключительно рукотворном!

Как и следовало ожидать, первым отреагировал вечный «адвокат дьявола» профессор Марлок. Прицелившись в Каниллу чубуком трубочки, он спросил со всегдашней язвительной вкрадчивостью:

— И на основании чего вы сделали такой вывод?

— Ну, это было просто, — без малейшей рисовки сказала Канилла. — Я просто-напросто посмотрела соответствующие данные по Нериаде. Вот там «всплески» никогда не фиксировались. О чем бы ни шла речь: от мелкого кратковременного дождика до марена, сносившего порой целые города. «Всплеск» — непременная принадлежность всякого рукотворного вторжения в климат. Вот только наши приборы его фиксируют этакой бледной тенью, далеким отзвуком грома — их на него никогда не ориентировали. С «Полярного сияния» я полетела уже в девятый стол, вызвала — ну, точности ради, подняла с постели — трех наших техников...

— Крепко подозреваю, моим именем? — фыркнул Сварог, припомнив историю, когда эта чертовка подделала его подпись на бумаге, по которой и получила на складе дубликат ключа от его номера.

Канилла потупилась с убитым видом. Кто-то, мало ее знавший или до этого не знавший вовсе, мог и принять это за чистую монету — но уж Сварог-то знал, на какие лицедейства способна очаровательная лисичка...

— Я виновата, командир, — сказала она невероятно покаянным тоном. — Вину признаю полностью, наказание готова понести любое... Но ведь это было исключительно для пользы дела! У вас в замке дел было выше головы, не следовало вас отрывать... Короче говоря, техники часа за три разработали орбитал нового образца, нацеленный только на «всплеск». Для этого не пришлось ничего открывать или изобретать — просто-напросто максимально усовершенствовать существующую аппаратуру... И передала чертежи в Технион, группе, которая лихорадочно мастерила эти семнадцать. Я вовсе не требовала отложить работу и заняться моей, просто сказала, что в последний момент в список добавили восемнадцатый орбитал. Они справились...

— К вашему сведению, лорд Сварог, — сказал Марлок не особенно и сердито. — Как мне доложили, и на этот раз лейтенант Дегро сослалась на ваше прямое указание... Снова самоуправство для пользы дела.

— Лейтенант Дегро себя прекрасно зарекомендовал, — сказал Канцлер. — Но, я уверен, любое самоуправство должно быть хоть как-то наказано...

— Согласен, — сказал Сварог. — Когда настанут... спокойные времена, лейтенант Дегро неделю домашнего ареста безусловно получит. — Он не без легкого садизма ухмыльнулся. — Чтобы на недельку была лишена общения с... некоторыми знакомыми. Это будет достаточно эффективная воспитательная мера (судя по лицу Каниллы, так и должно обстоять). Я только одного не понял: зачем все это понадобилось?

— То есть как? — подняла Канилла брови в ненаигранном на сей раз, очень похоже, изумлении. — Как дополнительное средство для поисков Крепости Королей! Я еще не все сказала... У меня было еще время. Я связалась с атмосферщиками и отправила этот новый орбитал к Инбер Колбта. Результаты... даже не знаю, как и назвать, но уж никак не отрицательные, наоборот. Какое бы сравнение подыскать... «Всплеск» там не просто присутствует постоянно. Он, если подбирать аналогии, предстает в виде своеобразной полусферы, геометрически правильной, диаметром примерно в полсотни лиг. Там, правда, к «всплеску» примешано еще что-то, гораздо более слабое, нечто вроде «ручейков» при потоке апейрона, но точно установить, что это такое, у нас не было ни времени, ни возможности. Ничего подобного прежде не фиксировалось. Впрочем... Что такое «всплеск», мы тоже пока что не доискались. Но делу это не мешает, я думаю... — она воскликнула чуть ли не ликующе: — Это Крепость Королей! Она работает!

— Никто уже не сомневается, что она есть и работает, — задумчиво сказал Канцлер. — Одна загвоздка: мы так и не можем ее найти. Поиски начались сутки назад и продолжаются до сих пор. В ход пущено все, чем мы располагаем: орбиталы, низколетящие наблюдательные станции, на острова высажены группы со всевозможной аппаратурой. Бесполезно. Возможно, лорд Сварог, ваш Интагар вновь оказался прав: мы ищем не там и не

так. Вот только никто не знает, как и где искать правильно... — Он спросил совершенно серьезно: — Лейтенант Дегро, может быть, у вас и на этот счет есть идеи?

— Никаких, — столь же серьезно сказала Канилла. — У меня есть подробнейшие записи наблюдений, их нетрудно размножить и передать во все конторы, имеющие хоть какое-то к этому отношение...

— В том числе и мне, — сказал Сварог, моментально вспомнив о своем компьютерном центре в Вентордеране. Он знал далеко не обо всем, на что способны Золотые Обезьяны — при всех их достоинствах все же не более чем роботы, способные отвечать лишь на прямые вопросы.

— Разумеется, — кивнул Канцлер. — Ну что же... по моему, ваше величество, пора...

Сидевшая в уголке Яна, за все время совещания не сказавшая ни слова, кивнула. На лице у нее явственно отражалась то ли обида, то ли дурное настроение: Канцлер и Сварог, сомкнув шеренгу (чуть позже подкрепленную и профессором Марлоком) без долгих дискуссий убедили ее, что ей на Той Стороне появляться не стоит. Все равно Древний Ветер, как давно выяснилось, не способен обнаружить что-то техногенное. Да вдобавок оказалось, что там обитает какая-то сила — разумная, хищная, безусловно злонамеренная, целеустремленно охотящаяся за обладателями Древнего Ветра. О ней ничего толком неизвестно, так что рисковать не стоит — тем более что риск абсолютно зряшный. Она с их аргументами согласилась, но обида, сразу видно, не исчезла, хорошо хоть, легонькая — она все же повзрослела и прекрасно понимает, что рисковать из пустого любопытства не стоит...

— Ну что же, — сказал Канцлер, как всегда в таких случаях, бесстрастно. — Начинаем операцию согласно плану. С одним-единственным дополнением: в ней участвует и лейтенант Дегро со своей аппаратурой. Лорд Сварог, не задержитесь ли на минутку?

Когда они остались одни, Канцлер — или Сварогу показалось? — глянул на него с некоторым смущением:

— Лорд Сварог... Я, конечно, не могу вам приказывать, но... Может быть, вы отмените домашний арест для лейтенанта Дегро? Ведь ясно, какую цель вы преследуете. Жестоко все-таки на целую неделю разлучать молодую девушку с любовником, коли уж у них самая пылкая страсть. Она проявила очередное самоуправство, согласен, но как-то так получается, что всякое ее самовольство идет на пользу делу и приносит немалую пользу...

— Неделя — это чересчур жестоко, согласен, — сказал Сварог. — Но уж три дня она у меня отсидит. Кто бы за нее ни просил. Ну да, я солдафон, но за ней накопились и другие самовольства, уже не имеющие отношения к делу и достижениям. Три дня домашнего ареста — от этого еще никто не умирал...

...Сварог встал на землю Той Стороны первым, поправил на плече сумку с орбитами. Следом по веревочной лестнице проворно, как матрос по вантам, спустилась Канилла. Они постояли, чтобы выкурить по сигаретке — это давно уже стало своеобразным ритуалом, сулящим удачу при очередном посещении Той Стороны. Военный народ подобные легонькие суеверия старательно холит и лелеет не меньше, чем юные красавицы...

Вдали, на горизонте, радужным многоцветьем переливались, плясали, бесновались ночные огни Саваджо. Стояла теплая и покойная тишина, и можно быть уверенным, что в радиусе трехсот метров нет посторонних, если не считать белок и ночных птиц. Окрестности оборудованы тройной цепью сигнализации, мгновенно определившей бы присутствие человека — но пока что фиксировали лишь влюбленные парочки, которые в прилегающий лес тянуло, как магнитом — по какой-то старой здешней традиции считалось, что эти места уберегут от разлук и укрепят чувства, особенно развалины каменного домика в полулиге отсюда на восход (что это был за домик, никто из незваных в и з и т е р о в выяснять не стал — жаль было тратить время на такие пустяки). Опасных зверей тут не водилось, лихие люди не появлялись года два —

Удав наложил строжайший запрет после того, как огреб неприятности, когда его ребята попытались ограбить и охально избить девушку, оказавшуюся дочкой очень непростого папы, способного сожрать Удава с потрохами и чешуей (да и ее кавалер, преспокойно открывший пальбу, был той еще столичной штучкой, отпрыском опять-таки непростых родителей). Примерно по той же причине здесь не устраивали шумных пирушек ночные гуляки. Так что лесом безраздельно владели влюбленные, что приносило приходящим через балкон двойную выгоду: во-первых, влюбленные поглощены друг другом и не рыщут по лесу с азартом следопытов, во-вторых, в ситуации вроде сегодняшней Сварог с Каниллой и сами могли изобразить влюбленную парочку, зауряднейшую деталь ночного пейзажа. Из особо отчаянных по здешним меркам — согласно той же старинной традиции, ближайшие окрестности замка и гостиницы считались «скверным местом»: то ли тут бродило привидение убитого в незапамятные времена барона, то ли шлялась какая-то нечисть. Так что парочки эти места обходили (еще один плюс для визитеров), только самые отчаянные сюда выбирались. Должно быть, воодушевленные примером бывших хозяев гостиницы, с постояльцами которой никогда ничего скверного не случалось, даже если по пьяной прихоти бродили вокруг зданий. В последнее время число смельчаков увеличилось настолько, что Сварог всерьез подумывал поручить техникам создать голографический образ какого-нибудь особо жуткого потустороннего создания и пугать им храбрецов. Потому что пару раз мелкие недоразумения случались. Ничего серьезного, но однажды Брагерту и его спутнице пришлось чуть ли не час просидеть в примыкающем к балкону кабинете, чертыхаясь про себя и дожидаясь, пока уберется восвоившаяся под самым балконом парочка из тех самых, отчаянных. Вот только руки все не доходили — не одно, так другое...

— Пошли? — сказал Сварог, когда с сигаретами было покончено.

Они бросили окурки точнехонько под раскидистый куст боярышника (где они тут же исчезли в едва заметной вспышке бледно-оранжевого свечения), свернули за угол и неторопливо направились к гостинице. Впрочем, это была уже не гостиница, и вывеска там висела другая: «Санаторий „Лесная поляна“». Выражаясь вульгарнее, психиатрическая клиника для пациентов с особо тугим кошельком и видных политиков. У представителей этих двух категорий тоже порой едет крыша, и чувствительно — и тогда их прячут подальше от глаз широкой общественности: огласка крайне нежелательна для родственников владельцев заводов-газет-пароходов, а уж для политиков и вовсе смерти подобна, ибо карьера будет сломана напрочь и бесповоротно...

Новость эту в Саваджо распространили потаенно, умело и масштабно, так что никого там не удивляла в сжатые сроки воздвигнутая вокруг санатория ограда — в два с лишним уарда высоты, красивая, кружевная, вот только меж переплетений узоров не могла бы протиснуться и кошка. Всякому ясно, что именно такой забор должен стоять вокруг заведения, где содержат законченных психов. Ну, а о том, что забор изготовлен из неизвестного здесь сверхпрочного сплава, способного выдержать прямое попадание снаряда танковой пушки, никто из местных, естественно, не подозревал.

Предосторожность на случай возможного провала и штурма — в таких делах непременно должен присутствовать разумный пессимизм. Были предусмотрены и кое-какие другие меры — в случае опасности все, кто пребывал бы в санатории (а дежурная смена сидела там круглосуточно), успели бы уничтожить аппаратуру и под прикрытием высокой стены пламени уйти через балкон домой. Марлок и его ближайшие сотрудники до хрипоты дискутировали два дня (в отличие от своих таларских коллег, конечно, не пускавших в ход в качестве научных аргументов скамейки, глобусы и порой даже кафедры) и в конце концов пришли к довольно аргументированному выводу: никакого

путавшего всех хроноркалма произойти не должно. Точно проследить, где именно исчезли загадочные пришельцы, не удастся. Обитатели Той Стороны не интересовались прежде балконом (правда, когда возникла дверь меж мирами, никто, конечно, не брался определить). А к загадочным странностям здешним жителям не привыкать — обнаружилось довольно быстро, что здесь, как и на Земле, существует громадное количество книг и статей о всевозможном «таинственном, загадочном, непознанном». Были здесь и свои инопланетяне на странных аппаратах; и пришельцы из параллельных миров, и путешественники во времени, и прочая увлекательная шизофрения — понятно, без надежных свидетелей и убедительных доказательств — как и на Земле во времена Сварога обстояло...

Привычно набрав семизначный код на открытом всем взорам замке (кого удивит кодовый замок на воротах психушки?), Сварог распахнул калитку и пропустил Каниллу вперед, как и полагалось галантному кавалеру. Горела лишь пара-тройка окон, никто не встречал их на крыльце — едва они спустились на землю, их моментально засекли и опознали системы наблюдения. Элегантный молодой человек за стойкой (набитой сложной аппаратурой, которую с другой стороны стойки ни за что не увидишь, как и нескольких экранов), сменивший прежнего портье, ограничился тем, что вежливо поклонился — не было смысла вводить здесь военную дисциплину со щелканьем каблуков и вставанием во фрунт. Они разошлись — Канилла отправилась в свою комнату настраивать аппаратуру, а Сварог с сумкой пошел в бывшую каминную, где орбиталам в два счета вернули прежние размеры, и техники на тележках-антигравках принялись их возить в соседнюю комнату, откуда им и предстояло стартовать. Все работали привычно, с устоявшейся уже слаженностью.

Сварог поднялся на второй этаж. Царство Элкона выглядело, как обычно — три мощных компьютера, на каждом экране мелькают разнообразные картинки, схемы, тексты, за которыми, сразу видно, Элкон наблюдает

вполглаза, ничем конкретным не поглощенный. Ничего, сейчас начнется конкретика, и остается лишь гадать, что она принесет.

— Порядок, Элкон, — сказал Сварог в ответ на невысказанный вопрос. — Через пару-тройку минут орбиталы окончательно настроят, и они стартуют. Да, Канилла придумала нечто новенькое, но неизвестно еще, что из этого выйдет... У вас, как я понимаю, рутина?

— Конечно, — ответил Элкон. — В преддверии главной операции. Я тут как раз занимаюсь их кораблями Дальнего Прыжка. Слышали о таких?

— Ну как же, — сказал Сварог. — Мой... предшественник на хелльстадском троне как раз на таком и служил. Только я так до сих пор не знаю, что они, собственно, такое. А вы?

— По предварительным данным... Военные корабли, способные в какие-то секунды перемещаться на сотни морских лиг. Я еще две недели назад засек — на базы поступали донесения, несомненно, всякий раз от одного и того же корабля. Интервалы меж ними составляли лишь несколько секунд, а вот меж двумя точками, откуда передачи велись, — сотни миль. Я как раз собирался заняться этим вплотную, понаблюдать днем — парочку таких я уже засек, — но тут грянул этот чертов снегопад, и все силы брошены на Крепость Королей. Тема интересная — Длинный Прыжок. У нас ничего подобного нет — разве что на уровне гипотез и теорий. Они здесь умеют кое-что, чего не умеем мы...

— Умели... — проворчал Сварог. — Все эти загадочные умения их все же от Шторма не спасли... Ага! — восторженно воскликнул он.

Все три экрана очистились, на них появились уже знакомые символы и цифры, менявшиеся, как при обратном отсчете: 14... 9... 6...

— Порядок, — сказал Сварог. — Поехали...

Дважды невидимые орбиталы вереницей вылетали из высокого окна бывшей каминной и уходили на свои курсы. Когда единица в правом верхнем углу одного из экранов

сменилась нулем, Сварог тихонько вздохнул. Скорость орбиталов в несколько раз превышала скорость звука, но была все же не космической. Прежде чем они рассредоточатся по заданным точкам, пройдет не менее сорока минут. Так что... Давно известное: самые тягостные вещи — ждать и догонять. Ждать даже неприятнее — тот, кто гонится, по крайней мере, занят погоней, а вот тому, кто ждет, совершенно нечем заняться, и время ползет, как улитка...

— Рассказали бы какой свежий анекдот, Элкон, — сказал Сварог меланхолично. — Или последние интересные сплетни — вы ведь только что из Равены. Все равно делать нечего...

— Как-то мне не до анекдотов и сплетен...

Сварог присмотрелся к нему внимательнее. Положительно, что-то его молодого сподвижника если и не терзало, то безусловно погружало в серьезные раздумья — такое уж у него было лицо. Что-то, не имевшее отношения к предстоящей операции.

— Ну-ка, рассказывайте, Элкон, что случилось, — требовательно сказал Сварог. — Я же вижу, что у вас камень на душе, успел за эти годы вас узнать...

— Ну что вы, командир, — сказал Элкон с бледной улыбкой. — В общем, камня нет, и ничего не случилось. Я просто... собираюсь жениться. Подал заявку на манор, думаю, дня через два будет готов — ну, вы же знаете правила...

Сварог знал. С незапамятных времен здесь, как в США, не принято совершеннолетним жить с родителями. Однако вошедшие в совершеннолетие манор получают все не автоматически — холостые, незамужние, не состоящие на гражданской или военной службе на пять лет позже своих ровесников. Мера вполне разумная: дать манор не обремененному ответственностью за семью или службу персонажу — все равно что на покинутой Сварогом Земле отдать в постоянное пользование родительскую дачу, куда родители не приезжают никогда, высокая или не особенно у данного персонажа мораль, значения не имеет: слишком много юношеских соблазнов, всегда есть риск в них увязнуть по самые уши...

Ну, у Элкона-то проблем не будет, даже странновато, что он так долго тянул с заявкой. Все остальные из Бравой Команды маноры уже получили именно что автоматически — как-никак гвардейцы, сотрудники девятого стола. Одна Томи, подобно Элкону, пока что не спешит — все свободное время проводит на Таларе в компании Лемара (не похоже, чтобы у них что-то разладилось, и это хорошо).

Что ж, вырос парень, повзрослел. Ничего не осталось от того вихрастого, чуточку смешного мальчишки, что когда-то откровенно краснел, когда Мара у него под носом клала ногу на ногу, не без робости просил показать ему Доран-ан-Тег и Акбара. И это тоже хорошо — когда повзрослевший человек находит свое место в жизни.

— Постоите-ка... — сказал Сварог. — Уж не на маркизе ли Крауди? Учитывая, сколько времени вы проводите на земле, причем в основном в Равене, другого и в голову не приходит...

— На ней, — сказал Элкон то ли с гордостью, то ли с некоторым вызовом. — Позавчера сделал предложение, понятно, не родителям, а ей самой, она немного подумала и согласилась.

Ну что же... Сварог с этой белокурой красавицей общался лишь пару минут на собственной свадьбе, но люди Интагара давным-давно выяснили о ней все, что только можно — парней и девушек из Бравой Компании Сварог до сих пор считал не только подчиненными, но и подопечными. Отзывы вполне благоприятные: в девичестве — простая дворянка из небогатых, замуж вышла в девятнадцать, за капитана военного фрегата, агенты ручаются — исключительно по настоянию родителей, без особенных чувств (капитан был богат, единственный наследник, подобные браки — отнюдь не редкость во всех слоях общества, от крестьян до титулованных). Прожили всего полгода, потом капитан погиб едва ли не со всей командой, когда корабль попал в шторм неподалеку от Бран Луга. Молодая вдова скорбь выражала ровнехонько в рамках светских приличий. Ребенка не было. До того,

как у них с Элконом все началось всерьез, имела при дворе Арталетты парочку легких, ни к чему не обязывающих романов — вполне прилично для трех лет вдовства. Верность Элкону хранит. Характер не золотой, но и ничуть не стержневой. Вполне подходит в жены. Однако тут есть свои нюансы, о которых Элкон вряд ли задумывался...

— Ну что же... — сказал Сварог. — Советов я вам давать не буду, советы в такой ситуации бессмысленны и даже чреватые. У меня... на родине была старая притча. Молодой человек пришел к старому мудрому жрецу вроде мага Шаалы и попросил совета: жениться ему или нет? И ответил ему старый мудрый жрец: поступай, как знаешь. И женишься — пожалеешь, и не женишься — пожалеешь. Шутка, конечно, но человек должен решать сам.

— Я и не прошу совета, командир. Просто... Черт, сам не знаю, чего, собственно, хочу — то ли просто вам рассказать, то ли... Не знаю.

Сварог продолжал, особенно тщательно подбирая слова:

— Советов я вам давать не буду. Но хочу поговорить об одном крайне важном обстоятельстве, о котором вы, скорее всего, не думали. Если я скажу что-то для вас неприятное, не обижайтесь, ладно?

— На вас, командир? Ни за что на свете! Я... Вы... Это ведь вы меня, если высокопарно, сделали тем, кто я сейчас есть. Никаких обид, никогда.

— Отрадно слышать, — сказал Сварог. — Поговорим, как мужчина с мужчиной. Это банальность, конечно, но я вам в отцы гожусь — пусть и очень молодые, — и жизненного опыта у меня побольше. Знаете, не так уж редко случается, что земные женщины выходят за ларов из чистейшей воды расчета, без капли чувств. Слишком много они в этом случае получают благ: долголетие, положение в Империи, много чего еще... Порой и такие браки становятся удачными, но порой все кончается очень скверно... и для кого-то одного, и для обоих. Как взрослый мужчина, вы обязаны учитывать и такую возможность. Поэтому

семь раз взвесьте, семь раз отмерьте. И еще. Только, повторяю, без обид. Вы, как всякий лар, безошибочно умеете определять, когда житель земли говорит правду, а когда лжет. Боже упаси, не следует задавать п р я м ы е вопросы. Если у девушки и в самом деле чувства, она смертельно обидится... и будет права, и неизвестно, удастся ли все с к л е и т ь. Вы уже не первый год работаете в секретной службе. И прекрасно знаете: есть целые системы вопросов, когда по отдельности каждый выглядит безобидно, а в совокупности они выявляют правду даже вернее, чем вопросы прямые. Быть может, имело бы смысл...

Элкон ответил едва ли не мгновенно, улыбаясь открыто, ничуть не натянуто:

— Ну, о чем-то таком я и раньше слышал, командир... Честное слово, здесь не тот случай. Так уж сложилось... Элина меня более полугода считала студентом Латеранского университета, гланским дворянином. Она никогда не бывала ни в Глане, ни в Латеране, а я в Латеране учился год, так что она ничего и заподозрить не могла — и все ее знакомые тоже. Потом... Потом, когда стало ясно, что все серьезно, я ей рассказал правду. Она форменным образом испугалась, с неделю приказывала слугам меня не принимать, на письма не отвечала, не выезжала туда, где мы могли бы случайно встретиться. Потом все наладилось, но еще пару недель она словно бы дичилась. У меня, конечно, жизненного опыта меньше, чем у вас, но все же и жизнь повидал, и женщины были... Нет там и тени расчета, я твердо уверен, — он смущенно улыбнулся. — Когда я сделал предложение, она заплакала, на шею бросилась, говорила, как она боялась, что Высокий Господин Небес наиграется и в конце концов бросит... Нет там никакого расчета!

— Ну, если так, то просто прекрасно, — сказал Сварог. — Что же, мои поздравления. Свадьбу закатым, всех старых добрых знакомых соберем... Меня-то позовете?

— Шутите, командир?!

— Шучу, конечно. Не сомневаюсь, что позовете... — он посмотрел на часы. — Времени у нас еще — хоть

граблями гребли... Еще раз поздравляю, и давайте о деле. — Он кивнул на компьютеры. — Когда вы узнали об операции и вашей в ней роли, целый день просидели за пультами, должны были вытащить все, что у них тут есть касательно управления климатом в глобальном масштабе...

— Круглые сутки, даже чуточку больше, — без малейшей рисовки ответил Элкон. — «Синий эликсир» периодически прихлебывал.

— И что же? Уж вы-то должны были что-то накопать...

— Кое-что накопал... В нашей современности... тьфу ты, черт! — смущенно улыбнулся он. — В здешней современности обнаружил п о л н е й ш е е отсутствие информации об управлении климатом. Ну, вы сами меня учили как-то, что порой отсутствие результата — тоже результат. Это было неправильно — п о л н е й ш е е отсутствие. Если они всерьез занялись этой проблемой, должны были начать довольно давно. Примеров хватает. К ядерному оружию они в с е р ь е з шли одиннадцать лет, к реактивным самолетам — восемнадцать. И так далее. Я решил неторопливо отступить в прошлое. И много интересного там нашел. Было время, не такое уж далекое, когда управление климатом — в том числе и в глобальном масштабе — обсуждали открыто, без тени секретности. Причем речь шла не только о теории, но и о неких установках, которые вроде бы дали неплохие результаты. Научные дискуссии, телепередачи, статьи и в научных журналах, и в научно-популярных, в том числе для юношества, в газетах, серьезных и бульварных. Словом, жизнь была ключом. А вот пять с лишним лет назад все переменялось очень резко, в какую-то пару-тройку месяцев. Не только научные диспуты, но и любые публикации прекращаются, словно по мановению волшебной палочки, сходят на нет...

— Знаю я эти мановения волшебной палочки, — угрюмо сказал Сварог. — В здешних развитых государствах такое организовать нетрудно. Даже в моих королевствах пару раз... Ладно, не будем отвлекаться. Продолжайте.

— Ведущие ученые — самые крупные, самые серьезные — попросту исчезают из общественной жизни, без каких-либо объяснений. Точно так же словно в воздухе тают те лаборатории, что уже существовали, Закрыты, демонтированы... Это позволяет делать определенные выводы, не так ли?

— Конечно, — сказал Сварог. — Какие там шарады... Они должны были вплотную заняться чем-то масштабным...

Он помнил: практически так же обстояло когда-то на Земле, когда несколько стран стали всерьез работать над атомной бомбой. Материалы по этой теме полностью исчезают из открытой печати, ведущие ученые один за другим куда-то пропадают, в США секретность дошла до того, что один из ведущих специалистов на запад страны летал под одним вымышленным именем, а на восток — уже под другим...

— В электронных библиотеках исчезло более половины публикаций прошлых лет, — продолжал Элкон. — Как корова языком слизнула. Их основательно почистили — наверняка и «бумажные» тоже, но в них я покопаться не мог, сами понимаете. Причем во всех четырех странах планеты творилось одно и то же. Самый большой размах это приняло в Пандичитте, она безусловно занимала первое место: больше всего ученых, самые крупные лаборатории. Дорлиорн, где мы сейчас имеем честь пребывать, шел вторым. А вот Альдария и Рикобан отставали, и значительно. Но и там происходило то же самое, что у «больших». Еще через пару месяцев интрига становится еще более интересной. — Он зажег на стене большую карту. — Не знаю, откуда об этом узнали старинные книжники, но они оказались совершенно правы: Инбер Колбта и в самом деле был большой группой островов в дельте реки, протекавшей в Пандичитте. Ее представитель в Конвенции Четырех — нечто вроде Виглафского Ковенанта — сделал официальное заявление. Объявил вот эти шесть островов, расположенных уже практически в море, — Элкон повел тонким синим

лучиком световой указки, и на карте загорелся неправильный овал, — и прилегающую акваторию запретной зоной, где человеку находиться смертельно опасно. По его словам, над этим вот островом потерпел катастрофу бомбардировщик с шестью ядерными бомбами на борту. То ли часть бомб, то ли все шесть при падении разрушились. Обширное радиоактивное загрязнение, захватившее и острова, и прилегающие воды. Район был наглухо блокирован военными. Только это была совершеннейшая брехня. Я пошарил в архивах разведок трех остальных стран. Там довольно быстро установили, что это ложь. В том районе не было отмечено хотя бы слабенького повышения радиационного фона. Ни в воздухе, ни в проливах меж островами, ни на островах, ни в море. Кроме того, ни на одном из островов — и в воде тоже — не велось ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего поиски осколков бомб и дезактивацию местности.

— А архивы самой Пандичитты? Секретные службы, армия?

— Там на этот счет абсолютно ничего нет. Упоминается только официальная версия, и то как-то вскользь. И ни словечка о поисках бомбы, о дезактивации, о переброске туда соответствующих воинских подразделений. На всех шести островах высадились, правда, десантники и морские пехотинцы, но в мизерном числе — где рота, где и вовсе взвод. Они ничего не искали — просто разбили палатки и несли караульную службу по периметру островов. На одном и в самом деле те же спутники-шпионы обнаружили остатки рухнувшего и сгоревшего стандартного бомбардировщика, но и там — ни поисков осколков, ни дезактивации. Солдаты расхаживали в обычной полевой униформе, никаких защитных костюмов. Крайне походило на то, что это примитивная обманка — вероятнее всего, пустили дистанционно управляемый самолет — но без всяких бомб...

— Хорошо, — сказал Сварог. — Если там и в самом деле начали строить то, что мы называем Крепостью Королей, строительные работы должны были вестись

с размахом. Представления не имею, какие должны быть размеры у такого объекта, но, уверен, немаленькие...

— Вот к этому я и подхожу, командир, — прямо-таки перебил его Элкон. — Здесь и начинается самое интересное, самое загадочное. У них там довольно совершенные спутники-шпионы. Нашим орбиталам они, конечно, значительно уступают, но способны рассмотреть и примитивный солдатский нужник-канавку. А уж большую стройку... Но ничего подобного они не засекли. А вскоре началось то, что можно назвать совершеннейшей чертовщиной. На этом вот острове — он показал синим лучиком, — острове Силайт, как он на тамошних картах именуется, — и в самом деле высадились военные строители. В три дня оборудовали взлетно-посадочную полосу из металлических листов, способную принимать и большие самолеты. Работали круглые сутки, почти без отдыха. А потом улетели. Назавтра там прямо-таки вереницами стали приземляться военно-транспортные самолеты. А по морю целыми караванами шли большегрузные суда — глубина у берега такая, что они могли причаливать. За три месяца там побывало не менее двухсот самолетов и примерно семьдесят судов. Слишком много для какой-то игры, дезинформации, инсценировки. Они должны были доставить, уж простите за вульгарность, чертову уйму грузов. Разгрузки ни один спутник не видел. Вообще-то объяснить это можно просто: самолеты и корабли разгружались, когда спутник-шпион уходил дальше по своей орбите. Но чертовщина в том, что ни один спутник так и не увидел никаких грузов, даже парочки ящиков или бочек. А ведь грузов, если прикинуть грузоподъемность кораблей и самолетов, должны были доставить изрядное количество. Как ни громозди штабеля, они заняли бы добрых три четверти острова. Но н е б ы л о грузов, — он фыркнул. — Эта загадка настолько бесила операторов спутниковой разведки, что один из них, не штатский в очках, а полковник в очередном рапорте, самой что ни на есть официальной бумаге, охарактеризовал непонятную ситуацию

матерно. И ему, похоже, ничего за это не было — а ведь начальство наверняка наложило бы на т а к о м рапорте разносную резолюцию. Должно быть, у начальства тоже нервы были в совершеннейшем раздрызге... В общем, эти загадочные рейсы самолетов и судов продолжались три с лишним месяца. Потом — как отрезало. Караульные подразделения так там и остались, их периодически меняли... Впрочем, так до сих пор и продолжается. Но если и прилетали самолеты и приплывали суда — то уже маленькие, вероятнее всего, привозили очередную смену, продукты, еще что-то нужное. Все эти годы продолжается одно и то же: солдат периодически меняют, им регулярно забрасывают то по морю, то по воздуху все необходимое. И все. И только. Блокада давно снята. Как я ни шарил, как ни прочесывал самые секретные базы данных, не нашел никаких упоминаний ни об острове Силайт, ни о секретном объекте, имевшем бы отношение к управлению погодой. Впрочем... Возможно, данные где-то и есть — но в локальных сетях, не связанных с общей компьютерной сетью. Такое практикуется и у нас, вы сами знаете — «локалки» особо секретных проектов, без связи с общей компьютерной сетью. Взять хотя бы «Алмазную стрелу». Многие знают, что проект работает до сих пор, но его компьютеры связи с «внешним миром» не имеют. В этом случае туда ни за что не попадешь, безнадежное дело, и пытаться нечего... — он покрутил головой. — Черт знает что...

— Я бы выразился и крепче, но это ничему не поможет, — сказал Сварог, кривясь. — Это все?

— Нет, — сказал Элкон. — Была еще одна очень интересная история. Чуть больше года назад. В одной из восходных провинций Пандичитты уже несколько лет сидят сепаратисты. Банальная история — кто-то вспомнил, что лет триста назад эта провинция была независимым государством, оброс людьми, понемногу занял всю провинцию. Пандичитта утверждает, что их втихомолку поддерживает Альдария — оружием, деньгами, военными советниками. Но убедительных доказательств так

и не смогла предъявить. Альдария возмущенно отпирается. Но эти подробности неинтересны... Вы ведь играете в шакра-чатурандж. Должны помнить, что такое вертил.

— Конечно, — сказал Сварог.

Вертил в шакра-чатурандж полностью соответствовал пату в шахматах.

— Классический вертил, — сказал Элкон. — Ни одна сторона не может сделать хода, качественно изменившего бы ситуацию на доске. Провинция отделена от остальной территории страны горной цепью наподобие гор Оттерто. Есть только два перевала, по которым можно перебросить войска и боевую технику. Повстанцы их хорошо укрепили, поставили там даже пушки и ракетные установки, укрытые в скальных туннелях так, что бомбежкой их не возьмешь. Правда, правительственные войска укрепились на другой стороне. Так что ни те, ни другие не могут перейти в наступление. Выход к морю узкий — полоска суши шириной лиг в пятьдесят, и там есть одно-единственное место, где может пристать корабль больше рыбацкой лодки. Так что и десант не высадишь. Несколько лет такое положение сохранялось. Повстанцы укрепились на перевалах и на морском берегу, их периодически бомбят и наносят ракетные удары, но этим с повстанцами не справишься, особенно если они занимают достаточно обширную территорию. Так вот... Чуть больше года назад на побережье внезапно обрушился марен прямо-таки исполинских размеров. Последний раз в тех местах марен объявлялся лет пятьсот назад. Все укрепления повстанцев он снес, как картонный домик, вообще разрушил все постройки лиг на десять в глубину континента, повстанцы лишились всех оружейных складов в том районе, сколько людей погибло, так в точности и неизвестно. И практически в то же время на перевал и прилегающий к нему район обрушился жуткий ливень, суший водопад, продолжавшийся часа два. Все выдолбленные повстанцами в скалах туннели и капониры попросту затопило, потоки текли такие, что тонули и те, кто был под открытым небом. Буквально че-

рез полчаса после того, как марен схлынул, но никто еще не успел опомниться, к тому самому, единственному подходящему для высадки месту подошли военные корабли, высадили десант с легкой бронетехникой. А едва ливень прекратился и вода почти схлынула, через перевалы рванулись правительственные танки, колонны грузовиков с солдатами. В четырех местах выбросили парашютистов. Никто не успел организовать хотя бы подобие сопротивления, крупные отряды повстанцев рассеяли, кого перебили, кого взяли в плен. Мелкие группы до сих пор прячутся по лесам, но это уже совершенно несерьезно.

— А здесь в чем интрига? — спросил Сварог.

— В том, что одному из лидеров повстанцев удалось как-то в этом хаосе бежать за границу. Альдария приютила, как политического беженца. Вскоре он отправил и в Конвенцию Четырех, и даже в Лигу Четырех Миров пространную жалобу. Обвинял власти Пандичитты в том, что они использовали климатическое оружие. — Элкон хмыкнул, пожал плечами. — Вот только доказательств у него не было никаких. Он упирал на то, что правительственные войска ударили и по перевалам, и с моря так быстро, словно заранее знали, когда схлынет марен и прекратится ливень. Писал еще, что на той стороне перевалов не было и легонького дождика. Все это выглядело довольно неубедительно даже для недоброжелателей Пандичитты, никто не стал рассматривать жалобу в официальном порядке, тот тип еще какое-то время потолкался в городе, навязывал интервью журналистам, но респектабельные издания и телеканалы сторонились. Бульварные, конечно, раздули очередную сенсацию, но их никто, как обычно, не принимал всерьез. В конце концов он куда-то пропал. Такая вот история. Что еще добавить? Объявился некий океанолог, в средненьких научных чинах. Говорил, что марен всегда вызывается землетрясением на морском дне, смещением пластов — но океанографические наблюдательные станции в том районе никакого землетрясения не отметили. Дал несколько

интервью, в том числе достаточно серьезному телеканалу, но потом все как-то само по себе рассосалось, океанолог больше не маячил... На том и кончилось.

— Дело ясное, что дело темное... — задумчиво протянул Сварог. — Самые невероятные совпадения порой случаются. Мне как-то рассказывал маршал Гарайла... В одной кампании у него служил в драгунах один капрал, который вроде бы умел предсказывать погоду. Этаким мелкий деревенский колдунец. Нужно было наступать, но точно было известно, что противник занял горный проход артиллерийскими батареями. Кавалерию в лобовую атаку на пушки поведет только идиот. А другие проходы были довольно далеко. Колдунец этот подкараулил Гарайлу где-то в лагере и со всем пылом стал уверять: он точно знает, что скоро пронесется шквал, накроет те места, где расположилась артиллерия, а вот лагерь Гарайлы не затронет. Предлагал даже, чтобы его повесили, если не случится этого. Гарайла ему поверил — ратагайцы в такие вещи верят больше других. И поднял конницу в седла. Что вы думаете? Шквал, и точно, пронесся именно так. Половину пушек перевернуло, разбросало, орудийная прислуга разбежалась, ища хоть какого-то укрытия. Гарайла ворвался в проход буквально впритирочку к шквалу, не встретив никакого сопротивления, заклепал пушки, вышел на равнину, а уж там развернулся. Кампанию он выиграл, колдунец получил медаль и почетный жгут на левое плечо... Такое вот совпадение. Что тут сказать? Загадочные грузы, которых никто не видел и не представляет, куда они могли деваться... Марен и ливень — снова нет никаких серьезных доказательств, можно списать на совпадение. Ф а к т у нас один-единственный: в какой-то момент работы по управлению климатом повсюду засекретили намертво. Возможно — только в о з м о ж н о! — начали работу над с е р ь е з н ы м и установками. Все остальное — лишь косвенные доказательства... Увы.

Элкон упрямо набычился:

— Все, что касается Крепости Королей, — исключительно косвенные доказательства. Но никто — и вы

тоже, я уверен — не сомневается, что она существует и действует...

— По-моему, это другое, — сказал Сварог. — И, между прочим, доказательства отнюдь не косвенные: и н е п р а в и л ь н ы й климат, царящий столько тысячелетий, и снегопад могут иметь только одно объяснение, в отличие от этого марена, ливня и странных визитов кораблей с самолетами.

— И какие же объяснения вы видите, командир?

— Ну, скажем... — Сварог ненадолго задумался. — Скажем... Крепость Королей они строят в другом месте, а этот остров используют для отвода глаз. В рамках дезинформации.

— Что-то не складывается, — решительно возразил Элкон. — Для п о л н о г о правдоподобия они навезли бы кучу строительной техники и пустых ящиков...

— Вот тут вы правы... — сказал Сварог.

— И еще. Тот загадочный «купол» Канилла отыскала как раз на острове Силайт. Правда, он называется у нас Митрайт, но это несущественно. Он на том же самом месте, сохранил прежние очертания... Снова совпадение?

Сварог вздохнул:

— Ох, Элкон, выучил я вас на свою голову. Умеете...

Он замолчал, повернулся к двери — распахнувшейся, с грохотом ударившейся об стену. Влетела Канилла — очаровательное личико прямо-таки сияет азартом, да что там, нешуточным возбуждением.

— Е с т ь! — выпалила она. — Командир, есть! Есть он!

Сварог быстро шагнул вперед, взял ее за плечи и чувствительно встряхнул. Прикрикнул уставным голосом:

— Лейтенант Дегро! Доложите по всей форме!

Она медленно возвращалась в прежнее состояние дисциплинированного лейтенанта гвардии — но широкая улыбка с лица не исчезла. Уже спокойно сказала тоном человека, заслужившего свои пять минут триумфа, а то и побольше:

— Мой орбитал быстрее остальных. Им еще лететь минут пять, а он уже висит над островом Митрайт. Там т о ж е есть купол. Правда, диаметр побольше, чем

в нашем мире, — около восьмидесяти лиг. Это, несомненно, «всплеск». Правда, нужно будет подобрать другое название: всплеск — это нечто быстрое, а он сохраняет стабильность... Основание диаметра точно так же упирается в остров. Орбитал получился великолепный. Записал чертову уйму информации о куполе... — Она сбилась с пафосного тона. — Вот только совершенно непонятно, что это за информация. Но ее много, достаточно для вдумчивого изучения. Сможет же кто-то в конце концов расшифровать, что это такое...

— Надеюсь, — сказал Сварог. — Благодарю за службу, обоих. Начальство в моем лице довольно... Ну, а теперь сидите тихо и не мешайте. Вы свое сделали, командование орбиталами на мне, а они вот-вот выйдут к острову...

Он уселся за крайний слева компьютер, и вовремя — почти сразу же пришло первое донесение от орбиталов. Сварог прямо-таки набросился на клавиатуру со всей экспрессией знаменитого пианиста — они порой (несколько раз видел по телевизору) ничем не отличаются от рокеров. Разница только в том, что рокер в причудливом наряде, а мастер рояля в смокинге. Оба, играя, в ы л а м ы в а ю т с я, как могут, разве что в разных стилях. А вот шевелюры порой одинаково буйные...

Программу он, разумеется, кропотливо разработал заранее. Сначала орбиталы, рассредоточившись по двое над шестью островами, отмеченными Элконом, включили самое примитивное, что у них имелось на вооружении, — мощную оптику. Везде одна и та же картина: выстроенные аккуратным рядом солдатские палатки, по-над берегом ходят часовые. Скорее уж б р о д я т: бравые на вид, подтянутые, отнюдь не зеленые первогодки — но к своим обязанностям относятся, как к докучливой повинности. Не могут не знать, что несколько лет их предшественники точно так же ходили дозором — и ничегошеньки не случилось. Подобные ситуации — уж Сварог-то знал — расхолаживают самого справного солдата...

Потом пошла в ход аппаратура посложнее. С каждым новым рапортом Сварог все больше мрачнел.

На островах нет зданий, которые нельзя было бы увидеть простым глазом (следовало перебрать все варианты, даже самые шальные, пусть даже здесь, точно известно, не умеют делать невидимыми ни людей, ни предметы). На островах нет тщательно упрятанных под землю искусственных сооружений. И под дном нешироких проливов таковых тоже нет. Не фиксируются радиосигналы, какие бы то ни было изменения магнитного поля, гравитационного, атмосферного давления, радиационного фона (он здесь на ничтожном уровне). Нет... Не фиксируется... Не отмечено... Самые обычные острова. Скучные небольшие клочки суши, кое-где поросшие кустарником и невысокими деревьями. В земле (и на дне проливов) нет ничего, созданного человеческими руками — слой суховатой земли шириной ладони в три, скальное основание, монолит без подземных полостей.

С какого-то времени он поймал себя на том, что слушает рапорт вполуха — потому что результаты идут сплошь отрицательные. А там, совсем скоро, рапорты прекратятся вовсе — программа почти выполнена, исследовано все, что можно. И никакого следа Крепости Королей.

Операция провалилась, не по его вине, но легче от этого не было. Все еще не желая сдаваться, он лихорадочно искал, что еще можно сделать. Пустить в ход хелльстадские штучки? Но Золотые Шмели окажутся бесполезны — их возможности ничем не превосходят возможности орбиталов. Перебросить сюда компьютеры Велордерана с парочкой Золотых Обезьянов? Но он не сможет сформулировать задачу, не сможет объяснить роботам, что именно им искать — а они не способны работать без четких формулировок и приказов. Маячит какая-то смутная мысль, но она, очень похоже, не имеет отношения к оказавшимся бесполезными орбиталам. Провал. Тупик.

Его brave сподвижники тоже это уже понимают — старательно избегают встречаться с ним взглядами. Тем более что рапорты орбиталов прекратились, программа исчерпана полностью — а Сварог представления не имеет, какие поручения им еще дать.

Баста. Пора кончать, иначе будешь выглядеть вовсе уж жалко. Нельзя даже назвать это цепляньем за пресловую соломинку — потому что и соломинки нет...

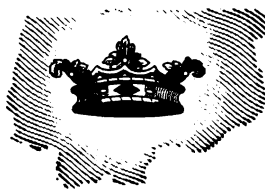
— Канилла, — сказал он, ни на кого не глядя. — Твой орбитал все сделал?

— Все, на что был способен, — ответила она голосом, уже напрочь лишенным азарта и триумфа. — Записал все характеристики и параметры «купола», какие только мог записать.

— Элкон, как вы считаете, вы в состоянии провести еще какой-то поиск?

— Я просто не представляю, какой еще поиск можно провести.

— Ну, в таком случае... — сказал Сварог тусклым голосом. — Как руководитель операции, приказываю: операции прекратить. Орбиталы вернуть сюда. Уходим на Нашу Сторону...

Глава VIII

МАЛЕНЬКИЙ БЕЗОБИДНЫЙ ОСТРОВ

Официально это считалось очередным совещанием в узком кругу, на самом высшем уровне. На деле — ничего и отдаленно похожего. Совещания любого уровня собирают для того, чтобы обсудить что-то и принять соответствующее решение. Обсуждать было абсолютно нечего, соответственно, и никаких решений принято быть не могло. Просто-напросто пять человек сидели в томительном, тягостном, да что там, мучительном ожидании. И все прекрасно это понимали, но каждый, естественно, вслух об этом не говорил...

Голос профессора Марлока оставался ровным, невозмутимым, и нервность выражалась только в том, что трубочкой он попыхивал чаще обычного. Впрочем, все здесь присутствующие владеть собой умели, и напряжение, в котором они пребывали, проявлялось как раз в таких вот мелочах: кто курил больше обычного, кто слишком часто менял позу...

— Автоматически возникает серьезная и любопытная загадка, — говорил Марлок. — Даже две. Первое: **к о г д а** заработала Крепость Королей? Достоверно

известно, что климат, каков он сегодня, стал таким сразу же после Шторма... но не могла же Багряная Звезда стать детонатором? Судя по тому, что Крепость исправно работала пять с половиной тысяч лет, она была полностью отлажена, готова к пуску... или уже запущена. Даже если допустить, что Багряная Звезда все же сыграла роль рубильника, установка была полностью готова к работе. Но вот за сколько времени до Шторма? Успела ли она произвести п о л н о е, глобальное изменение климата, или сделала это лишь частично? Второе. Что вызвало изменение — и существенное — положения оси вращения планеты? Конечно, о Крепости Королей нам ничего неизвестно, но мне плохо верится, что это сделала работа Крепости Королей. Установка, предназначенная исключительно для глобального изменения погоды, не смогла бы такое устроить. Тут нужно что-то другое, не менее масштабное... а быть может, и гораздо более масштабное. Мои специалисты проделали кое-какие расчеты — чистая теория, не подтвержденная практикой, конечно. Но все равно, есть сильные основания подозревать Багряную Звезду...

Загадки и впрямь были серьезными и любопытными — но с е й ч а с не было смысла их обсуждать. Преспокойно можно было отложить, и надолго. Но все равно, Марлок поступил умно. Лучше слушать его с видом самого живого интереса, чем молча сидеть, понемногу заводя себя...

Он замолчал, но тягостного молчания не последовало — почти сразу же отозвалась Канилла:

— Мне вот думается... Даже если изменение оси — результат работ какой-то установки... Ну, скажем, они решили совместить изменения климата с изменением оси... Ось никак не могла принять новое положение р е з к о — это вызвало бы глобальный катаклизм. Чистой воды теория, конечно, но мне представляется, что процесс был долгим, крайне долгим...

Молодец, девочка, подумал Сварог, быстро сообразила, что к чему, почему Марлок принялся разглагольствовать о совершенно бесполезных на данный момент вещах, и решила подыграть. Чтобы подыграть в свою очередь, он сказал:

— Все возможно. Даже если установка для изменения оси планеты все же была, ее мы никогда не искали. И о Шторме знаем слишком мало. Лейтенант Дегро, я думаю, права в одном: резкое изменение положения оси вызвало бы страшные катаклизмы. Какие именно, можно просчитать на компьютерных моделях, профессор?

— Безусловно, — сказал Марлок. — Это, конечно, работа не на час и даже не на день, но расчеты сделать можно с высочайшей степенью вероятности.

На какое-то время все же настало то самое нежеланное молчание, Сварог в который уж раз подмечал краешком глаза быстрые, якобы нечаянные взгляды...

Что поделать, если сейчас последней надеждой, последним шансом оставался как раз он. Никаких преувеличений, ни капли повышенного самомнения. Именно так и обстояло. И Технион, и Магистериум, тщательнейшим образом изучившие сделанные орбиталом Каниллы записи, оказались бессильны хотя бы приблизительно определить, что собой представляют «купола». Тогда Сварог перекинул записи Золотым Обезьянам. На сей раз ему без труда удалось подыскать точную конкретную формулировку, вполне приемлемую для роботов как руководство к действию. Особенно и голову ломать не пришлось. «Исследовать записи максимально скрупулезно, попытаться установить, что представляет собой данное излучение. По возможности установить его источник». Судя по тому, что Велордеран молчал уже более трех квадрансов, Золотые Обезьяны все еще работали. Окажись и они бессильными перед загадкой, так бы и доложили. Так что надежда не умерла...

Канилла посмотрела на профессора:

— Если моделировать возможный катаклизм...

И замолчала, уставясь на Сварога — как и все остальные. В кабинете Канцлера воцарилась мертвейшая тишина. Все смотрели на него прямо-таки с л ю т о й надеждой — а он, услышав знакомое мелодичное курлыкание, прямо-таки вырвал из кармана «портсигар», золотой, с мастерской имитацией большого черного бриллианта на крышке. Служивший исключительно для связи с Хелльстадом, и там же, понятно, изготовленный. Его «главный» портсигар, здешнее изделие, для этого, естественно, не годился.

Сообщение Шестого было коротким, всего-то в несколько строчек — но способно было перевесить гору ученых фолиантов в добрый ластас* весом. Было важнее любой ученой премудрости, важнее всего на свете...

Его прошла мгновенная слабость. Страшное напряжение покидало рассудок и тело...

Лица остальных озарились нешуточной радостью — ну да, экрана они видеть не могли, но, словно зеркала, отразили ту радость, облегчение, чуть ли не блаженство, которые, Сварог знал совершенно точно, появились сейчас на его лице. Канилла не выдержала, едва ли не выкрикнула:

— Ну? Командир!

— Все в порядке, — сказал Сварог севшим голосом. — Это просто великолепно...

Он оглядел кабинет, высмотрел местечко на стене, которое видно всем, зажег там большой экран и вывел сообщение Шестого на него.

Всего-то несколько строчек... «Излучение искусственного происхождения. Вероятность — 99,99 %. Характер излучения (далее — три строчки цифр и неизвестных Сварогу символов, непонятно, к какой науке и относящихся). С момента фиксации и до настоящего момента излучение наличествует, не меняя интенсивности в ту или иную сторону. Источник излучения локализован:

* Ластас — морская тонна (на 30 % тяжелее сухопутного ластва) — (прим. автора).

Заводь (две коротких строчки цифр и символов — на сей раз преоотлично Сварогу знакомых по каталогу Заводей в компьютере Вентордерана). Вероятность — 99,99 %. Сообщение отправил Шестой».

И вновь молчание — но уже совершенно д р у г о е. Сварогу стало чуточку неловко — прежде ни Яна, ни Канилла так восхищенно никогда на него не смотрели. Хотя его заслуги тут не было ни малейшей — то заслуга Шестого, совершенно равнодушного к любым благодарностям и почестям, потому что робот попросту не понимает, что это такое...

— Значит, это у вас, командир... — прямо-таки завожено прошептала Канилла.

— Выходит, у меня, — сказал Сварог, попытался улыбнуться, но не смог. — У меня дома. И попасть туда из Вентордерана не сложнее, чем выйти в коридор через эту дверь...

— Так вот оно что! — не сдерживая эмоций, рявкнул Марлок, словно сержант на полковом смотре. — Вот она в чем разгадка! Они умели проникать в Заводы... или только в эту конкретную Заводь. Там и построили Крепость... и она каким-то образом преспокойно излучает из Заводы... Ну да, разумеется! Вся эта масса грузов исчезала в Заводы, когда спутники-шпионы уходили достаточно далеко... Интересно, к а к им это удавалось?

— Ну, в том, что это удавалось, нет ничего удивительного, — усмехнулся Канцлер. — Слишком давно и слишком упорно и книжники, и молва твердят о людях, которым это удавалось. Помните доклад лорда Сварога о встрече со Стахором? Уж его матушка точно э т о умела... или ей помог кто-то умеющий.

— Сдается мне, тут потребовались не усилия одного человека, а какая-то аппаратура, — сказал Марлок. — Обеспечить переброску такого количества грузов... и, несомненно, строительной техники, множества рабочих... Ну, они умели многое, чего мы не умеем даже теперь — взять хотя бы корабли Дальнего Прыжка...

— А кто сказал, что необходима аппаратура? — вкрадчиво спросила Канилла. — Достаточно человека, который смог открыть и достаточно долго удерживать проход... скажем, не Дверь, а Ворота. А уж туда можно без всякой аппаратуры перетащить что угодно и сколько угодно...

— Ну, возможно вы и правы... — с необычной для него покладистостью в ученых дискуссиях согласился Марлок.

Он давно уже относился к Канилле со всей серьезностью и с явным уважением. Как порой бывает в подобных ситуациях, в голове у Сварога промелькнули совершенно неважные сейчас мысли. Если в прошлый раз справедливости ради «ручеек» получил имена и Каниллы и магистра Дальрета, то сейчас Канилла работала одна. Как это в науке принято, очень скоро в официальный оборот будут введены и «излучение Дегро», и «купол Дегро» — вот только, есть такое подозрение, ученым мужам придется долго ломать голову, к какой же из научных дисциплин эти термины приписать. Неплохо для девчонки двадцати с лишним лет, у которой за плечами всего-навсего два неполных курса Лицея. Ее теперь и «девчонкой»-то называть как-то не вполне уместно. Корифей Уртало поносом будет маяться от зависти... Что же, снова кровь дриад или просто светлая голова? В конце концов, превеликое множество ученых, и на Земле, и здесь были чистокровнейшими л ю д ь м и. Иные, заложившие основы целых наук или сделавшие эпохальные открытия, были немногим старше Каниллы — взять хотя бы Эвариста Галуа на Земле и Кинара Дельвиуса на Таларе... Сумасбродка, проказница, шалунья. Научный талант, ум и доброта. Влюбился бы, не будь Яны...

— Автоматически возникают требующие решения вопросы, — задумчиво сказал профессор Марлок. — Принимаем за аксиому то, что в Заводе можно попасть и через компьютер Вентордерана, и непосредственно из нашего мира... впрочем, это было ясно уже тогда, когда на Ителе объявились очаровательные пиратки из Коргала... Если это не сбой аппаратуры, если действительно

существует Некто, он попадает в Заводь с Талара, и, несомненно, без всякой аппаратуры...

— Как знать, — и тут не удержалась Канилла. — Если это белая магия, своеобразная «аппаратура» должна существовать. Скажем, некий талисман, нехитрый приборчик, чисто механический, вроде «семи цветных зеркала», наконец, горшок с зельем...

— Возможно, — сказал Марлок. — Правда, я магией совершенно не занимался, мои интересы лежат в другой области...

— Я тоже, — мило улыбнулась ему Канилла. — Но вы ведь сами постоянно повторяете, что нужно учитывать все гипотезы? Если понимать под комплексным исследованием...

— Кани, профессор! — сказала Яна с явным нетерпением. — Вам не кажется, что сейчас не самое удачное время для ученых дискуссий? Коли уж Крепость Королей мы нашли, и туда очень просто попасть, нужно не разговаривать, а действовать. Кто-то из вас, уж не помню, кто, говорил, что Некто для нас даже предпочтительнее, чем сбой. А если все-таки сбой? И в любую секунду может произойти новый, гораздо опаснее...

Диспутанты смущенно умолкли. Сварог сказал уверенно:

— Действовать придется мне, потому что, уж простите, никто другой в данной ситуации не сможет ничего сделать. Я немедленно полечу в Вентордеран, открою Дверь в ту Заводь и выпущу туда тучу Золотых Шмелей. Они у меня в таких случаях всегда работали исправнейше. Конечно, все зависит от размеров Заводи, но все равно, это отнимет не дни, а часы — Шмелей у меня преизрядное количество, я давно уже сделал на всякий случай несколько сотен в дополнение к уже имевшимся. Ну, а далее — по обстоятельствам...

Он встал. И тут же слаженно скрипнули отодвинутые кресла. Они все встали — Яна и Канцлер, Канилла и Марлок. Судя по их лицам, они были твердо намерены

сопровождать Сварога, устраивает его это или нет. Ну что же, почему бы и нет? Там нет ничего, что следовало бы от кого-то из них скрывать...

...Значит, вот так, думал он, глядя перед собой — на переднем сиденье мчавшегося на предельной скорости большого браганта. Заводи. Тридцать две в его компьютере — но могут быть и другие. Установить это, вполне возможно, могли Золотые Обезьяны, но Сварог этим никогда не озабочивался. Заводи не то что не интересовали его совершенно — но всегда подворачивались гораздо более важные дела, и не было времени на пустое, в общем, любопытство. Он побывал пока что только в двух, и всякий раз по суровой необходимости — спасал Яну, по юной глупости ринувшуюся на неведомые дорожки, а потом отправился разделаться с Безумным Зодчим. Ну, был еще третий раз, но опять-таки не по собственному хотению — его тогда утащили в Коргал речные амазонки очаровательной царицы Грайне.

Точно так же всегда вели себя Канцлер, Марлок и другие ученые мужи. Канцлер — государственный деятель и все на свете рассматривает с присущей таковому точки зрения. От Заводей Империи никогда не было ни пользы, ни вреда, их нельзя было приспособить для каких-то государственных нужд — а посему Канцлера они не интересовали вовсе. Марлок, наоборот, одержим яростной жадой познания, но ему хватает забот на своем нынешнем посту. Нужно еще непременно добавить: при том прямо-таки лютом малолюдстве ученых, каковое, увы, имеет место быть в Империи, нет возможности оторвать от дел хотя бы десяток. После того как Сварог стал королем Хелльстада, трижды находились молодые горячие энтузиасты, просившие разрешить им то, что на Земле назвали бы самостоятельной экспедицией — но всякий раз мечты безжалостно рубили на корню на уровне даже не сектора — отдела. И говорили, в общем, резонно: отпуская у энтузиастов никогда не совпадают так, чтобы собрать хотя бы небольшую группу. А в одиночку соваться

туда все же рискованно (в чем «ретроградов» и «консерваторов» неизменно поддерживал Сварог, прекрасно помнивший печальный прецедент с Яной, остававшейся в живых исключительно благодаря тому, что он прихватил с собой Доран-ан-Тег. Разумеется, он никому об этом прецеденте не рассказывал, но всякий раз с иезуитским коварством придумывал другие, выглядевшие вескими и убедительными аргументы).

Но теперь... Теперь, похоже, положение меняется. Он стал об этом подумывать еще после схватки с Безумным Зодчим, а сейчас окончательно укрепился в убеждении: говоря суконным канцелярским языком, необходимо провести полную инвентаризацию Заводей. Выяснить, существуют ли другие, а уже имеющиеся под рукой обследовать со всем тщанием. Изготовить еще несколько сотен Золотых Шмелей и Золотых Щук для изучения тамошних рек и водоемов — да хоть тысячу, ресурс у его завода неограниченный. И запустить эту летающую и плавающую ораву во все Заводы одновременно. Много времени это не отнимет, а ему самому не придется ничего делать — руководить операцией прекрасно сможет тот же Мясус, а результаты в хорошем темпе обработают Золотые Обезьяны. И у Шмелей, и у Щук есть, как выяснилось, один существенный недостаток: они не способны определить наличие либо отсутствие какой бы то ни было магии, колдунов, ведьм, ведуний и прочих персонажей, владеющих определенными умениями, что белыми, что черными. Но и это — невеликое препятствие. Всего-то мобилизовать на денек (или на недельку, если Заводь большая) с полсотни людей, которые на это как раз способны — его сотрудники из восьмого департамента и боевые монахи из Братств. В отличие от Хелльстада, во всех трех Заводах, где ему довелось побывать, лары не теряют своих способностей. Пожалуй, и старуху Грельфи стоит привлечь — она в последнее время жалуется на некоторый застой в делах, откровенно скучает, уже спрашивала пару раз, не найдется ли у него какой р а б о т е н к и.

Помчится с радостью. Это не подъем на Эверест и не путешествие по джунглям. Грельфи любит порой из своего образного кокетства прикидываться дряхлой немощью, но на самом деле иному молодому сто очков даст — ее к тому же с самого начала службы у Яны регулярно снабжают великолепными лекарствами врачи из имперской «кремлевки», так что Грельфи в отличной форме. (Сварог в свое время предлагал ей Фалареновский эликсир долголетия, но она, не особенно и раздумывая, категорически отказалась, заявив, что предпочитает прожить ровно столько, сколько ей творец отмерил. «Вот когда я была молодая и глупая, с ветром в голове и зудом промеж ног, наверняка бы с визгом согласилась, хоть на целый ковшик, — сказала она тогда. — А теперь уж извини, светлый король, на многое по-другому смотрю...»)

Можно, кстати, ангажировать и Яну — она умеет с помощью Древнего Ветра примерно определять размеры Заводей. Согласится с визгом, как и Грельфи. Итак, решено. Если только удастся отыскать и занять Крепость Королей — следует незамедлительно заняться инвентаризацией Заводей. Благо каких-либо других серьезных дел, опасных угроз, к счастью, не наблюдается.

...Они стояли в ряд, все пятеро, плечом к плечу, по колено в высокой, ярко-зеленой траве. Там и сям поднимались едва ли не в рост человека кусты обыкновенного крушатника, во множестве произраставшего на Таларе — похожи на опрокинутый конус, ветки покрыты мелкими толстыми листиками, цветы большие, бело-желтые, красивые. И густой лес впереди — прекрасно знакомые таларские деревья, клены и сосны. Ну да, эта Заводь была копией кусочка таларской земли — ну, а почему так получилось, кто сейчас скажет?

Стояло полное безветрие, низко над лесом повисло заходящее солнце — эта Заводь была из тех, где есть и солнце, повторяющее тот же путь по небу, что и на Таларе, и те же звезды. Тишина окружала такая, что в ушах чуточку позванивало.

Над их головами, совсем низко, пролетали тремя вереницами Золотые Шмели — Заводь оказалась совсем небольшой, что Яна сразу определила, но уже после того, как Сварог, считая, что кашу маслом не испортишь, запустил в полет целую армаду, оказавшуюся на три четверти ненужной.

Впрочем, он сейчас, в отличие от остальных, ничего не видел вокруг — только пару минут осматривался, а потом переключился и стал видеть только то, что видели те или иные Шмели. Сначала это не принесло ровным счетом ничего неприятного, но вот потом... И ничего не поделаешь, придется смотреть в оба — точнее, в десятки глаз Шмелей. Противно чуточку, но он и не такое видывал...

Кончилось, наконец, к его нештучному облегчению. Он вернул себе обычное зрение, сунул в рот сигарету. Возвращались последние Шмели, и скоро их в небе над головой не осталось совсем.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Яна. — То, что здесь нет ни магии, ни живой нечисти, я и сама уже знаю. И никаких зверей, вообще живых существ, это-то я тоже определила...

— Ну, если ради въедливой точности, как любит выражаться профессор Марлок... — усмехнулся Сварог. — Вношу поправку. Живые существа здесь все же есть. Исключительно насекомые, и немало. Цветы здесь не росли бы, не будь насекомых — крушатник опыляют пчелы, я где-то слышал...

— Я в и д е л а насекомых, — сказала Яна. — Просто как-то их не внесла в понятие «живые существа» — насекомые и насекомые... Ну? Рассказывай!

— Ну что же, подробно и обстоятельно... — сказал Сварог. — Мы сейчас пребываем на острове Силайт, он же Митрайт... но это на Таларе. Уж если быть педантом, то мы сейчас, пожалуй, находимся на доштормовом Таларе, который тогда именовался Котайр. Так что, я думаю, следует использовать тогдашние названия. Мы на Силайте...

Яна очаровательно улыбнулась:

— Я тебя умоляю, не будь занудой!

— Это я, наверное, от волнения, — сказал Сварог. — Хорошо, голая конкретика... Дверь ведет прямо на Силайт — ну, логично, именно сюда шел главный поток грузов, хотя и остальным кое-что досталось, но об этом потом... Заводь имеет форму неправильного круга диаметром примерно двадцать лиг — шесть островов с небольшим районом прилегающего моря. Пять совершенно лысые, как мой латеранский церемониймейстер, практически сплошь покрыты серебристо-серыми металлическими плитами с множеством металлических остроконечных стержней длиной с локоть. Есть все основания думать, что это антенны излучателей. Все пять соединены пролегающими по дну проливов кабелями. А те — с подземным ядерным реактором на другом конце острова. Он исправно работает до сих пор — ну, то же самое неразгаданное пока долголетие доштормовых механизмов и приборов, на «Рагнароке» у меня тоже все исправно работает, от лампочек до реактора.

Рядом со входом в помещение реактора — красивый такой, аккуратный домик, судя по его обстановке, рассчитанный на пять человек. Надо полагать, такова и была дежурная смена. Не вижу ничего удивительного в столь малом количестве людей — наверняка здесь все предельно автоматизировано и компьютеризовано, наверняка есть и электронный мозг. Уж если так обстояло с «Рагнароком», рядовой субмариной — конечно, чуточку отличавшейся вооружением... Даже сопляк-гардемарин может им управлять голосовыми командами. Ну, а уж т а к и е объекты наверняка оснащены по последнему слову техники. Пять с половиной тысяч лет Крепость Королей и ее реактор работают в автоматическом режиме, без малейшего участия человека... Теперь о главном, о самой Крепости. Выглядит она не так уж и внушительно: примерно в лите отсюда стоит купол в виде срезанной верхушки огромного шара. Высота — девять уардов, диаметр — одиннадцать.

Подземных этажей нет. Видимо, этого было вполне достаточно, чтобы разместить всю нужную аппаратуру и пульта управления. Купол опоясывают два ряда окон, точнее, стекол с односторонней прозрачностью. Окна того же цвета, что и купол, — светло-синие. Что чертовски интересно — и купол, и дверь — как и вход в реакторную — как и окна — полностью покрыт частой решеткой с размером ячеек квартун на квартун*. Все имеющиеся здесь строения покрыты такой же решеткой. Шмели сделали анализ — это серебро. Ничего не могу пока что утверждать точно, но у меня впечатление, что это стандартная защита от черной магии и нечисти.

— Даже так... — присвистнул Марлок.

— Не удивлюсь, если так, — сказал Сварог. — Императрица, когда была на Той Стороне, столкнулась с чем-то безусловно ч е р н ы м — разумным, хищным, злобным. Была у них до Шторма и черная магия, и какая-то нечисть... Рядом с куполом — три домика. В одном — кухня, столовая и продуктовый склад, три комнаты, где они отдыхали и развлекались. Развлекались, судя по всему, исключительно культурно: видео с большой коллекцией фильмов, тремби, кенитек** и тому подобное, всевозможные настольные игры, карты. Ничего, что свидетельствовало бы о присутствии женщин, пусть даже... кратковременном. Дисциплина, насколько можно судить, стояла строгая: винный подвальчик был закрыт на кодовый замок, так что, скорее всего, алкоголь им повар выдавал крайне скупое. Тут же — домик на четверых. Причем один из них — несомненно, повар. Да, они все до одного были военными... или просто носили военные звания, как в таких проектах порой бывает. Никакой штатской одежды — только военная форма. Рядом — довольно комфортабельная гостиница на пятнадцать номеров: для высокопоставленных визитеров и всяких комиссий, тут и гадать нечего, в Империи таких тоже немало...

* Квартун — 15 см (прим. автора).

** Тремби — аналог бильярда, кенитек — игры в кегли (прим. автора).

— Четверо минус повар... — задумчиво сказал Канцлер. — Значит, с Крепостью управлялись всего три человека... Вы правы, крайне высокий уровень техники... Ведь возможно даже, что и у реактора, и в Крепости они дежурили не все одновременно... Да, во многом мы их превосходим, но в чем-то они нас — Крепость Королей, корабли Дальнего Прыжка... Вы очень подробно описали жилые дома и тот, где кухня, столовая, маленький развлекательный центр. Но что до реактора и Крепости — рассказали исключительно о внешнем виде. В чем тут хитрушка? Ваши Шмели не смогли туда проникнуть?

— Вот именно, — сказал Сварог. — Двери и в реакторную, и в Крепость закрыты — может быть, еще и заперты. Шмели попросту не умеют ни высаживать двери, ни видеть сквозь стены. Летающих аппаратов, которые умели бы это делать, у меня нет вообще. А вот во все дома двери стояли нараспашку, да и внутри все — настежь. Так что Шмели смогли все подробно осмотреть.

— Вы говорили, что винный подвальчик был заперт. Раз они определили, что это именно он, дверь и там была открыта?

— Да, — сказал Сварог, справившись с застрявшим в гортани комком — с т а к и м он столкнулся впервые. — Если подробно и обстоятельно. Чтобы осмотреть острова и сооружения, Шмелям хватило бы и квадранса. Но когда я увидел скелеты, велел им обстоятельно все изучить, они полчаса возились... Финал получился крайне трагическим. Судя по всему, они здесь дежурили, когда грянул Шторм — их попросту отрезало от внешнего мира. Видимо, аппаратуры для выхода туда у них не было, иначе они обязательно ушли бы. Их отрезало. Та же запертая снаружи тюремная камера, только громадная. Кладовая с продуктами опустошена полностью. Они ели даже специи и соль. Воды было сколько угодно, но в пищу здесь можно употреблять только насекомых, траву и листья. Были какие-то конфликты. У одного дыра от пули в голове, у другого — в лопатке. Третий так и лежит

с пистолетом у виска — не сомневаюсь, застрелился сам. Пистолет у них явно был только один, Шмели нашли в одной из комнат распахнутый сейф, там еще осталось полкоробки патронов. Видимо, он был начальником... — он поколебался, но продолжал. — Двоих они съели. В кухне разрозненные кости именно что двух, — он печально покривил губы. — Все было в полной исправности. Что случилось потом, не могу определить толком. Вполне возможно, они дрались, пытались друг друга... — он все же не стал вдаваться в жуткие подробности. — Четыре скелета валяются по всему острову. Их положение... — он решительно махнул рукой. — И хватит. По-моему, нет никакого смысла реконструировать события полностью. Достаточно и того, что я видел.

— Да уж... — пробормотал профессор Марлок.

— Ужас какой... — прошептала побледневшая Канилла.

Яна молчала, но лицо у нее застыло. Солнце опустилось за лес, от деревьев и кустов уже не тянулись длинные тени, но было еще довольно светло. У ближайшего куста на одной ноте жужжала над цветком пчела, равнодушная к окружающему миру.

— Крепость далеко отсюда? — хладнокровно спросил Канцлер.

Лицо у него было бесстрастное, невозмутимое, ни тени каких бы то ни было эмоций на нем не отражалось — одним словом, именно таким и следует быть лицу Канцлера Империи при исполнении им служебных обязанностей...

— Примерно в полулиге, — сказал Сварог. — Ее явно строили поближе к берегу, чтобы удобнее было все возить...

— Пойдемте, пока не стемнело? — Канцлер пробежался пальцами по трем футлярам на поясе, наконец вынул торч. Распорядился спокойно: — Пусть кто-нибудь держит наготове парализатор, а кто-то шаур. Нельзя исключать, что Некто засел в Крепости. Что он такое, мы не знаем, а потому следует держать в готовности все виды оружия. Лорд Сварог?

Привычно отстегнув кнопку, Сварог достал Доран-ан-Тег. Криво усмехнулся:

— Сойдет против м н о г о г о...

— Хорошо, — кивнул Канцлер, как-то незаметно взявший на себя командование. — Идите на несколько шагов впереди. Мы с Марлоком следом, я держусь правее вас, Марлок — левее. Ваше величество, лейтенант Дегро, вы идете за нами в том же порядке. Если что-то н а ч н е т с я, не торопитесь бить на поражение. Если Некто есть, мне чертовски хотелось бы взять его живым.

— За меня не беспокойтесь, — быстро сказала Яна. — Древний Ветер меня от всего уберезет.

— Это прекрасно, — сказал Канцлер, не оборачиваясь. — Вперед!

Они двинулись по негустому лесу, проламываясь через высокие папоротники. Вот э т о было Сварогу насквозь знакомо, он оказался в своей стихии — бесшумно и осторожно перемещался по незнакомому месту с оружием наизготовку, не зная, будет ли противник, а если будет, что он собой представляет. Моментально проснулись прежние рефлексy, в свое время старательно вбитые инструкторами, прежние навыки.

— Какая встреча, лорд Сварог! — мелодичный женский голос справа.

Он не вздрогнул и уж тем более не шарахнулся — моментально развернулся в ту сторону, подняв машинально левую руку ладонью вверх. Как ни удивительно, остальные каким-то чутьем поняли его жест и замерли. И тут же Яна вскрикнула по-русски:

— Это ведьма!

— Сам знаю, — не поворачиваясь к ней, ответил Сварог на том же наречии.

Это была Марута, никаких сомнений — в сиреневом льняном платье до пят с черной вышивкой на рукавах и груди, тщательно расчесанные темные волосы красиво разметались по плечам, зеленые глаза смотрят без малейшей враждебности, лукаво, весело. Очаровательная,

пленительная... единственная в этом мире женщина, которую он поклялся убить, если встретит еще раз.

Прежде всего, он нешуточно удивился: о н а здесь? Потом подумал; а если она и есть Некто? Вполне можно допустить, что иные ведьмы умеют проникать в Заводи, что-то он такое читал в одной из книг мэтра Анраха... А если Крепость управляется столь же легко, как «Рагнарок», вовсе не обязательно быть ведьмой, чтобы устроить снегопад...

Марута улыбалась дружелюбно, прямо-таки чарующе:

— Ты прямо-таки ошеломлен от удивления. Зря. Если вспомнить...

Сварог метнул топор. Туманный диск с ярко-алым пояском по кромке рванулся вперед молниеносно и неотвратимо, как встарь, она ничего не успела понять, на губах так и осталась улыбка...

Сзади слышался придушенный девичий вскрик, но Сварог не узнал голоса. Отрубленная голова взлетела вверх, роскошные темные волосы разметались...

Но крови не было! И обезглавленное тело как ни в чем не бывало стояло в прежней позе! Правая рука взлетела (широкий рукав упал ниже локтя), Марута поймала на лету свою отрубленную голову и насадила ее на обрубок шеи как-то н е б р е ж н о, словно пьяный нахлобучивал шляпу. Вот теперь ее прекрасное лицо исказилось лютой злобой, в голосе преобладали шипящие нотки:

— Вот так? Ну, подышайте...

Идиот!!! Болван беспамятный!!!

Марута резко присела, вернее, словно бы п р о с е л а, становясь ниже ростом, шире, сиреневое платье становилось белоснежно-белым, цвета смерти, глаза полыхнули нелюдским светом, вместо человеческих слов рванулось громкое змеиное шипение, тело выгнулось, все более теряя сходство с человеческим, меняясь, теперь она больше походила на вставшую на хвост толстую змею... на человека, быстро превращавшегося в змею...

Но Сварог уже выпустил древко прилетевшего в руку топора, выхватил шаур — и вереница серебряных звездочек метнулась к монстру. Над лесом пронесся и утих пронзительный, едва не рвавший барабанные перепонки визг. Когда тело упало в высокую траву, это снова была Марута, остекленевшими глазами смотревшая в небо, раскинувшая руки, из доброй дюжины ран на груди и животе поднимались тоненькие струйки черного дыма, быстро таявшего.

Сварог перевел дух. Болван беспамятный! Ведь говорила же старуха Грельфи, что Маруту можно убить только серебром! Это следовало вбить в память намертво — потому что речь шла о человеке, о котором ты не собирался забывать и хотел убить при новой встрече.

Ну ладно, все хорошо, что хорошо кончается...

Вкладывая шаур в футляр и поднимая топор, он с радостью отметил, что руки нисколько не дрожат — ладно, бывали мы в переделках и похуже... Оглянулся. Канцлер оставался бесстрастным, Яна — почти спокойной, бледная Канилла с глазищами на пол-лица отчаянно пыталась взять себя в руки — а вот профессор Марлок застыл, как соляной столб, уронил руки, обронив в траву парализатор, форменным образом разинув рот до отведенных природой пределов. Ученый муж, если и не корифей науки, то близко к тому, явно впервые в жизни столкнулся с нечистью, да еще в таких обстоятельствах. Лучшее лекарство в таких случаях...

Но Канцлер его опередил, быстро шагнув к профессору, вклеил ему две оглушительных оплеухи, справа-слева, рывкнул:

— Возьмите себя в руки, Марлок! Мужчина вы или нет? — повернулся к Сварогу, кивнул на Маруту (струйки дыма стали прозрачнее, словно акварель растворялась в воде). — С ней покончено?

— Раз и навсегда, — сказал Сварог.

Марлок понемногу возвращался в прежнее состояние. Оторопело потряс головой:

— Первый раз в жизни...

— Привыкайте, — сказал Канцлер без тени улыбки. — Кто знает, может и не последний... — оглядел девушек: — Ну вот, лейтенант Дегро взяла себя в руки гораздо быстрее, а ее величество, рад видеть, — он чуть склонил голову, — и вовсе не поддалась ни панике, ни страху...

— Подумаешь... — сказала Канилла все же чуточку дрогнувшим голосом. — Бывала в переделках... — и честно добавила: — Конечно, те были гораздо легче...

— Ты тоже узнал, кто она? — спросила Яна, глядя на Сварога с непонятым выражением.

— Да нет, — криво усмехнулся Сварог. — Это моя старая знакомая, я ей однажды даже спас жизнь — новичком тут был, многого не знал... Потом как-нибудь расскажу.

Марлок, уже окончательно пришедший в себя, выпалил азартно, обращаясь ко всем сразу:

— Как вы полагаете, это и есть Некто?

Канцлер скупно улыбнулся:

— Профессор, я вижу, вы полностью пришли в себя, коли уж затеваете ученый диспут... Скоро начнет темнеть. Пойдемте? Тем же порядком, вперед!

Вскоре они вышли на небольшую полянку, где в высокой траве лежал ничком скелет — костяшки пальцев так и держат которое тысячелетие у виска пистолет, казавшийся новехоньким, словно только вчера покинул завод. Бросив взгляд назад, Сварог убедился, что все остальные, включая девушек, проходят мимо равнодушно, будто миновали придорожный камень. Ну конечно, после встречи с Марутой самый обыкновенный скелет ни малейших эмоций не вызывает...

А там впереди показался светло-синий купол, покрытый серебряной решеткой, выглядевший так, словно его закончили возводить вчера. Скорее всего, окружающие деревья (если только они тут росли тогда) вырубili далеко вокруг для удобства строителей — но сейчас лес подступал вплотную, так что иные ветви касались купола. Справа меж деревьями виднелись те самые домики.

Они подошли вплотную к двери — высокой, с полукруглым верхом и крылечком в три ступеньки. Сварог коснулся чехла Доран-ан-Тегга. Топор он взял исключительно на случай, если внутрь придется прорубаться в прямом смысле слова. Шмели не усмотрели ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего кодовый замок, — но предусмотреть следовало все. Скажем, незаметное снаружи устройство, реагирующее на голосовой пароль — но не на конкретный голос, смены ведь постоянно менялись. Если бы дверь их не пропустила, оставалось одно — рубить. Конечно, не в нижнем ярусе без окон — есть риск нечаянно врубиться в какой-нибудь важный агрегат, примыкающий к стене. Нужно аккуратно «выстеклить» одно из окон второго или третьего яруса, посмотреть, что за ним, и уж потом проделать импровизированную дверь. Из них пятерых летать умеет только Яна — но, учитывая, с какой легкостью Доран-ан-Тегг сокрушает любые препятствия, ей это будет не труднее, чем разрезать острым ножом свежее выпеченный торт. Ну, а потом она их туда по очереди и переправит — взяв за руку и взлетев. Сварог уже летал с ней так несколько раз, и незаметно было, что ей приходится прилагать хоть какие-то усилия, он словно терял вес.

Медленно-медленно протянув руку, Сварог коснулся кончиками пальцев круглой ручки — и его не треснуло током, и сирена не взвыла, вообще ничего не произошло. Потянул ручку на себя, но дверь не поддавалась. Попытался повернуть ручку влево — не поддавалась. Повернул вправо — и она легко поддавалась. Когда дошла до некоего упора, потянул на себя, держа наготове торч, — и дверь распахнулась так легко, словно была картонной — хотя толщиной, как обнаружилось, пальца в три.

Мгновением позже под потолком вспыхнул рядок полусферий-плафонов, ярко осветив короткий коридор, заканчивавшийся такой же дверью, с такой же ручкой. Автоматика, ага. Ну что же, как гласит старая китайская пословица — если вымочил туфли, нужно идти вброд... И Сварог шагнул через невысокий, чисто символический порожек.

И ничего не произошло. Коридор был довольно широким, но они, не сговариваясь, двинулись ко второй двери волчьей вереницей. И эта дверь столь же легко поддавалась, стоило повернуть ручку вправо. Похоже, никаких систем безопасности тут не имелось, хозяева вполне полагались на внешнюю охрану — как и Сварог бы на их месте...

Неширокий проход вел в круглый зал. Собственно, столь пышного названия помещение не заслуживало — всего-то круглая площадка диаметром уарда в три, за ней — такой же проход к такой же двери. Со всех сторон к площадке и к проходам подступали странные панели от пола до потолка, крайне напоминавшие пчелиные соты — матово-белые, сплошь покрытые шестиугольными ячейками. Разве что они, в отличие от сот, разделены сверху донизу на квадраты со стороной примерно в пол-уарда. Вполне возможно, блоки, которые при нужде можно заменять. Правда, не видно ничего похожего на стрелялки, но кто знает, как они тут управлялись...

В каждом ряду ячеек светились разноцветные огоньки, расположенные без всякой системы, с самыми разными интервалами. Одни горели ровно, другие размеренно мигали.

Ничего интересного здесь, в общем, не усматривалось, и они той же вереницей двинулись к двери. За ней обнаружилась лестница ступенек в десять — и очередная дверь. За ней — помещеньеице такого же диаметра, с такими же проходами. Разве что здешняя аппаратура — а что же это еще? — выглядела совершенно иначе: два широких полукруга высотой человеку по пояс, и над ними — два ряда окон. Полукруги — приятного светло-зеленого цвета, точно так же и по торцам, и по горизонтальной поверхности расчерченные такими же линиями на квадраты того же размера. На поверхности иных — опять-таки разбросаны без всякой системы, светились широкие и короткие разноцветные полосы. Все как и с лампочками — одни горели ровно, другие мигали размеренно. Снова ничего интересного.

А вот третье помещение, в которое они поднялись... Вот это действительно зал, на три четверти занятый по стенам чертовски интересной машинерией — глаза разбегались. Окон гораздо меньше (как и зафиксировали Шмели), меж ними что-то крайне напоминавшее большие экраны (правда, ни один не горел). И пульта, пульта, пульта с превеликим множеством клавиш, кнопок (все снабжены либо шифрами, либо непонятными значками), рычажков разнообразной формы, выходящих из длинных прорезей, загадочными разноцветными спиралями, горизонтальными, до половины утопленными в пульта, кругами, разделенными на разноцветные сектора, вовсе уж таинственными штучками наподобие ажурных ракушек, покрытых россыпью отверстий полудисков, — разнообразие такое, что глаза разбегаются и всякое любопытство отшибает.

Ага. На полу, вдоль пультов, матово поблескивает полоса шириной в ладонь, вроде бы металлическая, и на ней возле одного из пультов стоит удобное, на вид мягкое кресло, обтянутое, такое впечатление, коричневой кожей. На широких подлокотниках — по две синих кнопки. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: кресло ездит по этой полосе вдоль пультов. В центре зала — такое же, но на подлокотниках по одной кнопке, и никакой полосы на полу нет.

Скорее всего, вертящееся. Получается, что за пультами сидел один-единственный человек — а второй, возможно, появлялся лишь изредка, осуществлял, говоря языком бюрократов, общее руководство. Ну, ничего удивительного, в точности, как на «Рагнароке», где достаточно было одного человека, чтобы управлять субмариной.

Все пульта казались мертвыми. Признаки жизни подавал только один, крайний справа, к которому Сварог и подошел. Там горели ровно, размеренно мигали, вспыхивали и гасли разноцветные огни, и точно так же вели себя иные сектора кругов, несколько цветных полосок то неторопливо сокращались в размерах, то вновь вырастали

до прежней длины, одни — снизу вверх, другие — сверху вниз. И еще неторопливо вращались круги из цветных огоньков, мигали разноцветные зигзаги... Над пультом прикреплена табличка цвета бронзы, и на ней алфавитом, неизвестным на Таларе, но хорошо знакомым по Саваджо, выгравированы слова: «Автоматический режим». Сварог двинулся вдоль пультов, читая другие таблички: «Координаты», «Атмосферные осадки» (как раз напротив этого пульта стоит кресло), «Атмосферные явления». Яна и Марлок шли за ним. Они разминулись с идущими навстречу Канцлером и Каниллой. «Параметры», «Информаторий», «Температуры», «Ветры»... Солидно поставлено дело, ничего не скажешь.

Стоп! Спыхватившись, он вернулся к пульту «Атмосферные осадки», у которого стояло кресло. Следовало заметить сразу, но он увлекся чтением табличек и ничего другого, кроме них, не видел...

Нечто, показавшееся здесь откровенно чужеродным. Ладонях в трех над пультом чем-то острым процарапан странный знак высотой с ладонь: вертикальная черта, увенчанная кругом, разделенным на восемь частей, слева, на высоте трети — несомненная запятая, обращенная вниз, справа на высоте двух третей — точно такая же. Сразу же вспомнился Шерлок Холмс: «На стене человек инстинктивно пишет на уровне своих глаз». Если это утверждение великого сыщика верно всегда и везде, оставшийся знак был примерно на полголовы ниже Сварога. Сварог потер загадочный иероглиф ладонью, поднял ее к глазам. На ладони осталась полоса светло-коричневых пылинок — тот цвет, в который выкрашены стены. Можно предполагать, что это сделано совсем недавно — вряд ли оно имеет что-то общее с поразительной долговечностью доштормовой аппаратуры. Да и кто бы в здравом уме позволил себе царапать стены в аппаратной серьезнейшего и секретнейшего объекта?

Все остальные стояли по бокам от него и позади, разглядывая загадочный знак.

— Может, это они? — предположила Канилла. — Когда окончательно рехнулись от голода?

Канцлер почти сразу же ответил:

— Если бы они рехнулись и начали тут все ломать и портить, несомненно, наломали бы гораздо больше. Все остальное, абсолютно все целехонько... У меня этот знак ни с чем виденным прежде не ассоциируется. Может, кто-нибудь из присутствующих? Мы ведь все умеем извлекать нечто однажды виденное из самых глубин памяти...

Наступило молчание — все добросовестно пытались проделать упомянутую Канцлером процедуру — разумеется, и Сварог в том числе. Давно прошло необходимое для этого время, но никто не произнес ни слова.

— Значит, никто такого знака прежде не видел... — резюмировал Канцлер. — Похоже, Некто все же е с т ь...

— Но зачем же он так? — недоуменно спросила Канилла. — Если бы он ушел, не испортив стену, никто и не догадался бы, что он тут был.

— Ну кто же знает, что у него в голове, — сказал Канцлер. — Главное, все за то, что он — есть... Лорд Сварог, как вы думаете, могла быть этим Некто ваша... старая знакомая?

— Уверен, что нет, — не раздумывая, сказал Сварог. — Она ни за что не подошла бы близко к серебру. Ее и убить-то можно было только серебром, вы все видели... Коли уж выдвигать скороспелые версии, с о о б щ и ц е й она вполне могла оказаться. Скажем, Некто знал, где Крепость, и способен был ею управлять, а она умела открывать проход в Заводь, чего он сам не умел... Зачем-то же она здесь отиралась?

— Убедительно... — протянул Канцлер. — Какие-либо другие версии мне как-то и в голову не приходят. Действительно, если она не могла войти в Крепость, зачем здесь отиралась? Возможно, он собирался прийти снова в самом скором времени, и она, так сказать, заняла свой пост... У кого-нибудь есть другие версии? Любые, самые безумные. Сейчас все годится, потому что ни одной версии нель-

зя пока что убедительно доказать... — он выждал с полминуты. — Судя по общему молчанию, ни у кого версий нет... Лорд Сварог, вы можете вмиг научиться управлять Крепостью? Как это у вас водится, наложив руки на пульт? С «Рагнароком» у вас прекрасно получилось...

— Вполне возможно, — подумав, сказал Сварог. — А какой смысл? К чему? Одного знания мало, нужно еще долго и старательно изучать память компьютеров. С «Рагнароком» было гораздо проще — это не более чем субмарина, ошибки в управлении ничем особенно страшным не грозили бы. Но с этой установкой я категорически отказываюсь экспериментировать. Любая ошибка может вызвать последствия, о которых и подумать жутко... Категорически не берусь.

— Помилуйте, кто же вас принуждает? — пожал плечами Канцлер. — Я и сам воспротивился бы любым экспериментам. Мне просто хотелось знать, способны ли вы... Можно вас на два слова?

Он взял Сварога за локоть и повел его на лестницу. Сварог шел, не противясь.

— Собственно, можно было и не держать наш разговор в тайне от остальных, — тихо, почти шепотом сказал Канцлер. — Но д е л о потребуете только от вас. Вы ведь понимаете, что нужно как можно быстрее организовать надежнейшую охрану Крепости? Он может и вернуться... Что это вы тихонечко вздохнули?

— Вы совершенно правы, — сказал Сварог. — Но я представил, сколько времени и сил это отнимет... Нужно лететь туда, — он показал пальцем, на потолок, — отобрать нужное количество людей — но сначала это количество рассчитать — разработать расписание караулов, точное местонахождение постов, организовать...

— Не спешите, — мягко прервал его Канцлер. — Почему вы решили, что я намерен поручить это л ю д я м? Проще, надежнее и быстрее получится, если использовать ваше хельстадское воинство. Скажем, тех летучих созданий цвета золота? Одни как две капли воды по-

хожи на филинов, другой крайне напоминает дракона со старинных рисунков. Без сомнения, они чем-то вооружены...

Сварог постарался придать лицу как можно более безразличное выражение, но удивлен был не на шутку. Канцлер, мастер преподносить неожиданные и разнообразные сюрпризы, никак не должен был знать о Золотых Филинах и Золотом Драконе. Он знал, что у Сварога есть некое оружие, но представления не имел о его облике. Ни Яна, ни Элкон ни за что ему не проговорились бы, а больше никто за пределами Хелльстада и не знал... Да нет, был еще один человек... Неужели Канцлеру удалось отыскать и зацапать того сбежавшего ронина? Нет, что-то тут не складывается...

Ага! О Филинах Канцлер упомянул во множественном числе, а о Драконе — в единственном. Когда это его летучие лучеметы появлялись в таком составе — несколько Филинов и один Дракон? Да хотя бы во время прогулки Яны в санаторий для военных моряков. Но с воздуха их нельзя было рассмотреть — и оптика над Хелльстадом отказывает начисто. Либо Канцлеру удалось придумать что-то, преодолевающее защиту, либо старый, как мир, метод — агентурная разведка.

И ведь все сходится! Когда Яна была в санатории, поблизости как раз отирались очередные кладоискатели, двое с лошадьми. Как обычно, их первое время не трогали — Сварог давно отдал приказ наблюдать подольше. Мало ли что. Может забрести наконец и человек с верной картой какого-нибудь клада, о котором неизвестно ни хелльстадским компьютерам, ни мэтру Лагафелю, ни всезнающему Мяусу — потому что клад закопан в те времена, когда не было еще ни Шторма, ни Хелльстада, ни Фаларена на троне. Попал же как-то в давние времена к одному из таларских книжников компьютерный код той Заводи, где в озере обитало чудовище? Гораздо практичнее понаблюдать подольше и, если в самом деле что-то сыщут, сцапать.

Вот они-то как раз и подошли к санаторию довольно близко. Видели и Филинов, и Дракона. Постояв с разинутыми ртами, вскочили на коней и галопом напрямик помчались к границе Хелльстада. Ну, а тех, кто, ничего не найдя, покидал Хелльстад в страшной спешке, согласно тому же приказу Сварога, никогда не трогали — а зачем они нужны? Скатертью дорожка, второй раз уж точно не заявятся...

Если это были люди Канцлера, все объясняется. В очередной раз переиграл, хитрован, на сей раз с помощью крайне примитивного приема.

— Да, — сказал Сварог. — Они вооружены. Собственно, это летучие лучеметы. И их у меня немало, что скрывать, я давно решил играть с вами максимально честно...

— Великолепно, — сказал Канцлер. — Отличное оружие против л ю д е й. Но я сам только что собственными глазами видел нечисть, которую можно убить только серебром. Что, если заявится нечто подобное? У вас есть что-то, стреляющее серебром?

Еще бы... Тоже в немалом количестве. Не так уж и давно Сварог, взявшись наконец изучить от корки до корки каталог своего воинства (раньше руки не доходили, потому что он, естественно, не собирался воевать с кем бы то ни было за пределами Хелльстада), обнаружил, что часть Золотых Филинов, Золотых Кабанов и даже Золотых Воробьев стреляет исключительно серебряными шариками. Этакие летающие и бегающие по земле шауры. И часть диковинных, ни на что не похожих механизмов предназначена для того же самого. Что до Золотых Драконов, то любой из них — оружие двойного действия. Оказалось, что те черные проемы у каждого в том месте, где крылья соприкасаются с туловищем, как раз и есть метатели серебряных шариков. То ли у Фаларена были какие-то счеты с нечистью, то ли он опасался ее вторжения и заранее принял меры... Как бы там ни обстояло, кого не было в Хелльстаде, так это нечисти (змеелюди, как в свое время доложил Маус, просто-напросто —

последние уцелевшие с незапамятных времен реликты. Как и аземана. А Голова Сержанта — создание Фаларена при очередном приступе черного юмора).

Канцлер смотрел нетерпеливо.

— Есть и такие, что стреляют серебром, — сказал Сварог. — Драконов я использовать не смогу — они попросту не пролезут в Дверь. Но хватает созданий и поменьше.

— И сколько вы можете сюда послать?

— Сотни две, — сказал Сварог, отнюдь не склонный раскрывать истинное положение дел со своим воинством.

— Отлично! — кажется, лицо Канцлера озарилось неподдельной радостью. — Сколько вам потребуется времени, чтобы собрать столько, поставить задачу и отдать приказы?

Коли припустить к Двери бегом...

— Я думаю, примерно полчаса, — сказал Сварог. Если и больше, то ненамного.

— Бегите, — сказал Канцлер приказным тоном. — Уже стемнело, но у вас, как у нас у всех, есть ночное зрение. Мы пока что останемся здесь — на всякий случай. Откровенно говоря, я боюсь оставлять Крепость без присмотра и на минуту. Уйдем, когда придут... ваши. Даже если кто-то их здесь и увидит, ни Канилла, ни Марлок, не говоря уж обо мне, посторонним не проболтаются. А Яна о них и так знает, хотя ни словечком мне не выдала. — Ну конечно, она же еще и королева Хелльстада, это и ее тайны...

Теперь Сварог окончательно уверился, что те двое были агентами Канцлера — только они могли видеть Яну в компании золотого воинства... Он спросил с ноткой иронии:

— Получается, вы абсолютно мне доверяете, если отдаете Крепость в мои руки?

— Не в доверии дело, — сказал Канцлер со своей неподражаемой улыбочкой, циничной и грустной одновременно. — Просто-напросто вы — последний человек в этом мире, кто вздумал бы устраивать погодные

катаклизмы. Три четверти земель Талара, а то и побольше, в а ш и. Вы же не безумец, чтобы поджигать собственный дом, в котором рассчитываете жить еще долго... Ну, бегите!

...Он справился за двадцать две минуты, метаясь, как черт у сковороды с грешниками. В Заводь ворвались и рассредоточились полторы сотни Золотых Филинов и полсотни Золотых Кабанов. Ровно половина из них палила лучами, половина — серебром. Конечно, он ни слова не сказал Канцлеру, но решил сразу же после того, как тот покинет Хелльстад, направить сюда еще столько же — чтобы и небо, и земля буквально кишели Филинами и Кабанами. Перехлест, конечно, но, во-первых, ему это ничегошеньки не стоит (всего-то потратить еще квадранс на отдачу новых приказов), а во-вторых, Крепость Королей — самая опасная игрушка на планете, ее нужно беречь... как неизвестно что. Он не сомневался теперь, что Некто существует — и завтра с раннего утра множество людей и за облаками, и на земле примутся разыскивать этот знак — кто по секретным (и несекретным тоже) компьютерным архивам, кто в трудах книжников. Должен же он что-то означать? Любой знак имеет какой-то смысл, исключая разве что детские каракули — но тут мы имеет дело отнюдь не с ребенком...

Как и подобает радушному хозяину, он проводил гостей до подножия лестницы — Вентордеран стоял в каких-то десяти уардах от границы Хелльстада, и на таком же расстоянии по ту сторону — большой брагант. Чуточку забавно было смотреть, как они держались, проходя по тронному залу и коридорам замка. Яна, конечно, с уверенностью хозяйки, как-никак это был и ее дом тоже, и она прожила здесь немало времени. Канилла несколько раз прилетала к ним в гости, два раза ночевала, освоилась и в Вентордеране, и в Велордеране, где работала на тамошних компьютерах, подружившись с Золотыми Обезьянами (если только с роботами можно подружиться). А потому вела себя, как свой человек

в знакомом доме. Канцлер, оказавшийся здесь впервые, сохранял вид бесстрастный, даже равнодушный — как будто и он бывал здесь не раз. Зато Марлок... Фанат познания, он откровенно озирался по сторонам с видом ребенка, впервые оказавшегося в богатом на диковинные экспонаты музее. Пару раз Сварогу казалось, что профессор вот-вот попросит разрешения прилететь в гости на денек, а то и на два, и изучить замок скрупулезнейше. Пожалуй, когда выдастся свободная минутка, можно и в самом деле позвать его в гости — неплохой мужик, нужно ему доставить такое удовольствие, на седьмом небе будет от радости...

Яна, едва они вышли из тронного зала, сообщила Канцлеру, что чертовски устала, не хочет никуда лететь и ночевать будет здесь, в с в о и х покоях. Канцлер воспринял это грустно-философски и, конечно же, ни словечком не возразил — как можно возражать против желания королевы Хелльстада остаться на ночь в своем замке? Сварог предложил переночевать у него и остальным трем — Канилле и Марлоку от души, согласно лучшим традициям хелльстадского гостеприимства, Канцлеру — из чистого озорства. Все трое отказались — Канцлер со своим обычным бесстрастием, Канилла не без сожаления, а Марлок — вовсе уж сокрушенно. Все трое сказали, Сварог не сомневался, чистую правду — они собирались не спать сегодня ночью вообще: Канцлер намерен был разработать для своей спецслужбы подробный план поиска загадочного знака, а Канилла с Марлоком — заняться компьютерным поиском самолично, едва прилетев в свои «хозяйства». Что до Сварога, он полагал, что соответствующие распоряжения подождут и до утра, не горит, а сегодня после всей нервотрепки и деловой суеты следует лечь и хорошенько выспаться. Несколько часов промедления наверняка никакой роли не играют...

Он думал, что Яна ушла к себе в Аметистовую башенку, но, войдя в Янтарную спальню, обнаружил ее там. Она лежала, до пояса прикрывшись легким одеялом,

и при свете большого шара читала какую-то старинную книгу из дворцовой библиотеки. Что характерно, на ней красовался ее любимый халатик из легчайших золотистых кружев. Согласно давно выработанному меж ними коду символов, если она ложилась в постель в халатике, это означало, что радостей любви сегодня не ожидается.

Она отложила книгу, улыбнулась Сварогу милой улыбкой заботливой жены, встречающей за полночь пребывавшего в тяжелых трудах мужа.

С превеликим облегчением сбросив сапоги с натруженных ног, Сварог присел на край постели, двумя пальцами легонько стиснул невесомую золотистую ткань и понятливо спросил:

— Дни?

— Да ничего подобного...

В э т о м отношении обитательницы летающих замков ничем не отличались от жительниц земли.

— Да рано еще, — сказала Яна. — Тебе отдохнуть и выспаться нужно, представляю, как ты изнервничался и вымотался.

— А что же ты здесь, а не в Аметистовой?

— Вдруг тебе о п я т ь помочь потребуется, — сказала Яна без улыбки. — Я вчера проснулась посреди ночи от того, что ты кричал во сне, а такое случается, когда тебе вовсе уж скверно...

— Не помню что-то, — искренне сказал Сварог.

Вот теперь она улыбнулась так, как улыбалась очень редко — улыбкой умудренной житейским опытом заботливой матери, чуть насмешливо глядящей на неразумное чадушко:

— Я сразу же все с н я л а, потому и не помнишь... Я бы и сейчас усталость сняла, нервы в порядок привела, но лучше тебе лечь и выспаться естественным образом. Я говорила уже как-то: лучше э т и м не злоупотреблять. Вреда организму не будет, но и особой пользы тоже, пусть организм, насколько возможно, сам справляется.

— Люблю я мудрых докторов... — сказал Сварог.

— Ну, я это давно поняла. С того вечера, когда ты меня нарядил в мантию Сословия Чаши и Ланцета, а сам вырядился ронерским Малиновым Драгуном... Ложись, расслабься. У тебя вид, правда, вымотанный...

Стащив камзол и швырнув его в сторону вешалки с соответствующим мысленным напутствием (камзол проплыл по воздуху и самостоятельно повис на золотом крючке), Сварог лег рядом с Яной, положил руки под затылок и блаженно вытянулся, ощущая, что понемногу расслабляется тело и успокаиваются взбудораженные мысли.

— Погасить свет? — заботливо спросила Яна.

— Чуть погодя, — сказал Сварог. — Я только «ночной колпак» приму. Ты будешь?

Яна фыркнула:

— Сам знаешь, в каких случаях я пью после полуночи. Сегодня не тот случай.

— Мне больше останется, — философски изрек Сварог.

Протянул руку в сторону изящного буфета, поманил двумя пальцами с соответственным мысленным уточнением. Покрытая искусной резьбой дверца бесшумно распахнулась, оттуда выплыл поднос и направился к постели. На нем красовалась радовавшая глаз пузатая бутылка темного стекла с длинным горлышком и трехцветной этикеткой и серебряный стакан, весь в великолепной чеканке (антиквариат из собрания Фаларена), размерами не уступавший советскому граненому.

Поднос остановился рядом со Сварогом. Он налил до краев кофейного ликера, к которому с некоторых пор пристрастился и пристрастил Яну. Тоже из категории Настоящего Королевского Питья. Кофе на Таларе не произрастает, его привозят с Сильваны, цена такова, что позволить себе и ликер, и просто кофе могут только богачи. А поданная кому-то за королевским столом чашка кофе — одна из разновидностей нешуточной монаршей

милости. Вот с чаем гораздо проще, его на Таларе выращивают столько, что дешевые сорта пьют и простолюдины, и крестьяне. Ларам, конечно, кофе достается гораздо дешевле — любой земной торговец в лепешку расшибется не ради денег, а ради звания «Поставщик Небесной Империи», каковое в определенных кругах значит больше любых денег. Вообще-то кофе за облаками синтезируют так же легко, как прочие напитки и яства, но тонкие ценители и гурманы в рот его не возьмут.

Медленно выпевдив две трети, Сварог поставил стакан обратно на поднос, бездумно улыбнулся в потолок и протянул:

— Забавно...

— Что именно? — с любопытством спросила Яна.

— Понимаешь, я тут наслушался и начитался старых сказок и стал подумывать, что снегопад и есть Большая Беда, которая следует за появлением очередного реликтового чудовища морского. Только снегопад стал не такой уж большой бедой, мало того — мы нашли Крепость Королей и благополучно заняли. Это уже не Большая Беда, а Большая Радость, согласись — Крепость Королей в наших руках.

Яна с хитрецей прищурилась:

— Называя вещи своими именами, в т в о и х... Что же, Канцлер тебе всецело доверяет...

— Яночка, ты у меня большая умница, но на сей раз попала пальцем в небо. Не в доверии дело. Он прекрасно понимает, что кто-кто, а уж я никогда не стану паскудить климат в своих собственных королевствах, — и он мечтательно протянул: — Конечно, благостно было бы шарахнуть по Лорану чем-нибудь вроде страшного ливня, сущего водопада с небес на месячишко... Но это будет нечестно.

— А то, что эта очаровательная стерва подсылает к тебе убийц, — честно?

— Как посмотреть, — подумав, сказал Сварог. — Подсылать убийц — это, в конце концов, старинная

традиция, можно сказать, дело житейское, а главное, в этой игре оба игрока — на равных. Я ведь тоже могу послать к ней убийц, правда, чисто теоретически — никогда бы не подослал убийц к женщине. На Таларе была одна-единственная женщина, которую я хотел убить, причем собственными руками — ну, и, ты сама видела, это произошло... Но главное — мы с Лавинией на равных в этом отношении. Пусть с моей стороны это чисто теоретически. А лупить по Лорану чем-то из арсенала Крепости Королей — все равно что принести на дуэль на мечах вместо меча пулемет, которого у противника заведомо быть не может...

— Добрый ты у меня...

— А то, — сказал Сварог, — однажды я даже подал нищему золотой аурей, хотя по роже видел, что пропьет тут же, стервец...

Яна спросила вкрадчиво:

— А у тебя с Лавинией ничего не было? Что-то она давненько к тебе убийц не подсылала, это неспроста. Не напрягайся, я же давно пообещала, что на твои земные похождения готова смотреть сквозь пальцы. Мне просто интересно. Ходят сплетни, что однажды вы с ней достаточно долго пробыли наедине. Зная Лавинию, подумать нельзя, что она тебе не предлагалась...

— Да предлагалась, конечно, — сказал Сварог. — Но я же не юный школяр с бушующей плотью, чтобы бросаться на любые кружевные трусики. И уж тем более связываться с очаровательной стервой, которая хочет расплатиться собой за немалые для себя выгоды... И вообще, ты будешь смеяться, но я с некоторых пор и на земле храню тебе верность. Сам себе удивляюсь, но ведь храню...

Он с некоторым стыдом вспомнил о Вердиане, но тут же успокоил себя мыслью, что это, в сущности, была одна из неизбежных медицинских процедур в сеансе психотерапии. И потом, если рассуждать с позиций юстициария-крючкотвора, под «землей» Яна имеет в виду исключительно Талар, а дело было на Сильване...

— А Гаржака она не охмурит, как думаешь? Я же помню, как они себя вели у меня на свадьбе... — сказала Яна с ноткой беспокойства.

— Плохо ты знаешь Гаржака, — фыркнул Сварог. — Его и сто очаровательных стерв не охмурят. И потом, у него пылкий роман с Каниллой, парень, очень похоже, впервые в жизни влюбился по-настоящему. Канилла — это Канилла... Ладно, сменим тему. Не хватало еще ночью в супружеской постели судачить о Лавинии. У тебя никаких деловых планов на завтрашний вечер?

— Сам знаешь, что дела вечером у меня бывают раз в сто лет, — и она спросила с нешуточным любопытством: — А что, у тебя есть интересные планы на вечер?

— Ну да, — сказал Сварог. — Видишь ли, я завтра намерен весь день бездельничать. С утра отдам должные приказы о поиске знака — и весь день свободен. Ни серьезных дел, ни серьезных угроз, да и не особенно серьезных — тоже. Благодать. Да, я ведь тебе так и не рассказывал... Я отправил в Заводь, кроме подкрепления Филинам и Кабанам, еще десяток хелльстадских телохранителей. Вручил каждому парализатор и газомет-усыпитель, дал подробные инструкции. Чтобы из железной кожи вернулись, но взяли нашего Некто живьем, если он появится. На иную нечисть не действует ни парализатор, ни усыпляющий газ, но таковой очень мало. А если он не нечисть, вообще будет прекрасно. Он мне нужен непременно живым, о многом надо порасспросить. Вот... завтра я все же займусь делами, но исключительно необременительными. Нужно будет торжественно открыть новое здание химического факультета Латеранского университета, коему я есть высокий покровитель. Отвезти хозяину «Королевского пальмания» новый рецепт. Утвердить на престоле ту девицу, что устроила ваганум в Шалуате. И посмотреть заодно, что за лихая девица, сумевшая такое устроить: женщины в ваганумах с незапамятных времен замечены не были...

— Ты смотри, да не засматривайся...

— Яночка, я ведь не врал насчет верности тебе и на земле тоже.

— Да верю. Шучу просто.

— Вот и отлично. Что еще? Да вот и все, пожалуй. А вечером можно устроить посиделки с танцами в узком кругу. Скажем, позвать только Кани с Гаржаком и Элкона с невестой. Как тебе идея? Вы все будете в платьицах с Той Стороны — Кани намеренно похвалилась, что новые фасоны раздобыла...

— Великолепная идея, — сказала Яна с неподдельным воодушевлением. — Во всех смыслах. И повеселимся, и отдохнешь от всех забот... Да, можно всем собраться в «Медвежьей берлоге». Вердиана к полудню вернулась с Сильваны. Я сама еще с ней не виделась, но девичьи пересуды по Латеране моментально разносятся. Говорят, узнать нельзя, совсем другой человек: веселая, загорелая, без тени меланхолии в глазах. Была на балу у Маргилены Дино, глазами играла, с кавалерами легонько флиртовала, танцевала медленные танцы с дозволенными этикетом объятиями. Представляешь? Верди, которая столько времени от мужчин шарахалась, как черт от монаха. Значит, полностью излечилась от всех душевных недугов. Я за нее рада.

— Я тоже, — сказал Сварог искренне. И добавил без малейшего душевного неудобства. — Можно и у Вердианы. У нее всегда как-то уютно. Тогда ты и ей новое платьице закажи.

— Обязательно, — пообещала Яна. — Верди — хорошая девушка. И в том, что она нисколько не горюет, внезапно овдовев, я с ней полностью солидарна. Тут не горевать, а плясать надо... Да, мы ведь можем снова у нее переночевать, — она потупилась, старательно изобразила крайнее смущение. — Я распорядюсь, чтобы туда заранее отвезли... ну, скажем, наряд ученицы пансиона для благородных девиц и мундир морского пехотинца?

— Гениальная идея, — сказал Сварог.

Яна тихонько рассмеялась:

— Знаешь, какая глупость в голову пришла? Если бы у вас с Верди вдруг... случилось, я бы нисколько не ревновала. И потому, что она хорошая девушка, и оттого, что она в свои двадцать столько горького нахлебалась...

— Мысли у тебя... — сказал Сварог, постаравшись, чтобы это прозвучало укоризненно. — Глупость сплошная.

— Я понимаю сама. И все равно не ревновала бы, точно знаю.

— Вот, кстати, о Верди, — сказал Сварог. — Я давно уже заметил, что вокруг нее который уж бал вертится лейтенант Баулдер из гланской гвардии. Ты его должна знать.

— Конечно. С самой лучшей стороны. Неплохой парень. А вот ты наверняка кое-чего не знаешь... Дней десять назад, в кабачке, граф Жентор стал разглагольствовать, что у него почти готов искусный план, как заманить баронессу Вольмер в танцзал «Веселая мельничиха» — заведение не то чтобы с плохой репутацией, но чуточку подмоченной. И подлить там в вино какой-то дряни, которая у девушки подавляет волю, а низменные страсти, наоборот, разжигает, и она совершенно не сопротивляется мужской атаке. Мол, его дедушка однажды наставил рога тогдашнему королю, и ему тоже хочется. И стал расписывать, что он со мной будет творить. Глэв Баулдер ему швырнул в лицо перчатку и проткнул насмерть на задворках кабачка. А ведь он ко мне ни малейших чувств не питает. Мне говорили надежные люди, что тайная полиция так и не выяснила, кто упокоил графа...

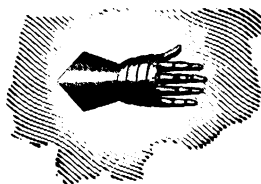
— Правду говорили, — сказал Сварог. — Так вот кто его... Ну, невелика потеря, скот был редкостный, я его при дворе только из-за отца терпел — отец человек достойный, хороший военный, для него было бы ударом, если бы сына отлучили от двора. Ну, так вот... Глэв Баулдер — отличный парень, среди гланцев вообще гораздо меньше подонков и просто неприглядных типов, чем в других королевствах. Такая уж страна, такие традиции...

Давай исхитримся и сведем их где-нибудь за пределами дворца. Я поговорю с Кани, она его примет в Ассамблею Боярышника. Ведь неплохая получится пара, верно?

— Очень даже неплохая! — с энтузиазмом воскликнула Яна. — Это ты отлично придумал, у меня самой начинало вертеться в голове что-то такое. А если вдобавок и Кани подключить... Она с превеликой охотой поможет, она ведь Верди старательно опекает, рада будет помочь... — ее тон изменился. — Это все прекрасно, но... Будешь ты наконец ко сну устраиваться?

— Сию минуту, моя королева, — сказал Сварог, мысленно облегченно вздохнув оттого, что кое-какие жизненные сложности, очень похоже, удастся одолеть. — Вот только допью, что в стакане осталось, не пропадать же добру...

НЕОБРЕМЕНИТЕЛЬНЫЕ ДЕЛА И БЕЗЗАБОТНЫЕ УВЕСЕЛЕНИЯ

Положительно, день задался! Крайне благолепно все протекало.

С утра Сварог отправился в Латеранский университет на открытие нового здания химического факультета. Он имел все основания смотреть на красивое трехэтажное строение с двумя крыльями-лабораториями не просто с эстетическим удовольствием, а с законной гордостью. Поскольку именно благодаря ему стройка была закончена в краткие сроки.

Его покойный предшественник на снольдерском троне науку финансировал, как сказали бы в Советском Союзе, по остаточному принципу. За что давно снискал потаенную ненависть всего ученого люда и особенно студенчества. Нетрудно догадаться, что студенты оказались среди тех, кто особенно бурно отмечал гибель от рук злодеев прежнего короля и коронацию нового: новый король — это всегда новые надежды...

Сварог их ожиданий не обманул: он был убежден, что на науке (как и на армии) экономить не следует. Узнав, что за семь лет возвели всего-навсего каменную коробку,

не только без окон, дверей и настиленных полов, но и без крыши, он вызвал барона Грауша, Хранителя Сокровищницы (то бишь министра финансов), и поставил задачу. Как это всегда с министрами финансов водится, барон стал жаловаться на плачевное состояние казны (не то чтобы врал, но изрядно преувеличивал). Сварогу все равно нужно было **с т р о и т ь** своих только что обретенных снольдерских министров — и он легонько постучал кулаком по столу, намекнув мягко, что и министры, как нас учит история, порой кончали скверно — иногда и **в о в с е** скверно.

Казна и в самом деле пребывала не в лучшем состоянии, но все же не настолько, чтобы не нашлось более-менее приличной суммы — в особенности если урезать другие, не столь важные для государственных интересов статьи расходов и присовокупить доходы от кое-каких выморочных поместий, согласно традиции, перешедших под королевскую руку. А вскоре Сварог как-то нечаянно (ну, так уж получилось) стал и Первым Патрицием Балонга. Часть денег, безжалостно им взятая из Круглой Башни, тоже была пущена на строительство.

Разумеется, здесь незнакомы были с советским термином «ударная стройка». Но издавна имел хождение другой, по сути, в общем, и не отличавшийся: «Стройка королевского внимания». Так что работа закипела. Нисколько не халтура, за год с небольшим здания довели до ума, отделали и обставили, обустроили лаборатории. Ну, а традиция торжественного открытия зданий здесь издавна была распространена в точности так, как на Земле.

Сварог прискакал туда за квадранс до начала церемонии — заранее не извещая о своем приезде, со статс-секретарем и тремя ратагайцами. Объяви он заранее, устроили бы, как полагается, исполненную дурацкой пышности церемонию: Сварог в мантии и короне, раззолоченная свита, гвардейские караулы в парадных мундирах и прочие излишества. Да вдобавок церемонию пришлось бы готовить в сжатые сроки в течение ночи.

Там все было уже готово: лектора, профессора, деканы всего университета с его Магистром во главе — при полном параде, при орденах, у кого были, в мундирах титульных чинов, у кого имелись. Полторы сотни студентов химического факультета в синих мантиях и четырехугольных беретах, с начищенными зубным порошком серебряными шевронами на правом рукаве (забавно, но здесь в университетах, как в военных училищах на Земле, количество оконченных курсов сопровождалось соответствующим числом шевронов). Тут же, за цепью одетых в парадную форму университетских стражников со старинными гуфами — студенты других факультетов, а уж за ними — толпа зевак.

На почетном месте двумя отдельными группами — архитектор здания и строившие его инженеры, а также немалое число почетных гостей — как бывало и на Земле, не имевших отношения ни к университету, ни вообще к науке, — но так уж истари заведено. Университетские знамена и вексиллумы, оркестр и три старинных пушки для салютов. В общем, немаленькое торжество по всем правилам. Перед парадным крыльцом, как полагается, стояла переносная ораторская трибуна в два человеческих роста — красивое добротное сооружение из черного сильванского дерева, украшенное золоченым орнаментом, гербом университета и неизменными совами, символом знания.

Вот тут-то к господину Магистру подошел статс-секретарь и сообщил на ухо: так уж получилось, что в последний момент король Сварог нашел время для участия в церемонии — и как высокий покровитель наук, и как человек, имеющий некоторое отношение к успешному завершению строительства. По природной скромности своей король не велел откладывать церемонию (что непременно пришлось бы сделать для организации должных торжеств), а потому просит начинать. В полном согласии с древними университетскими традициями смиренно просит также разрешить ему произнести речь первым.

Ученые мужи, пережив короткое остолбенение от вполне понятных удивления и восторга, как полагается, согласие моментально дали (как давали всегда, но традиция соблюдена — в данном случае король именно что смиренно просит, уважая университетские вольности).

Через минуту об этом объявил с трибуны университетский герольд. По толпе, словно ветерок по пшеничному полю, пронесся вздох удивления, настала тишина, и Сварог в сопровождении Магистра и университетского главного знаменосца с двумя фанфаристами прошел к трибуне. Оркестр грянул королевский гимн, потом гимн университета.

Сварог был одет не так уж и роскошно, скромновато для короля. Дождавшись полной тишины, начал речь. Он откровенно веселился — с утра настроение было прекрасное, а за ночь ничего скверного не произошло, если не считать кражи трех дорогих старинных ваз чернолакового фарфора из Музея изящных искусств — но это уже головная боль для Интагара и протектора. Произнеся некоторое количество пышных высокопарных фраз — значение науки в современном мире, польза знаний, благородство тяги к познанию и прочая казенщина — он заговорил уже иначе, чуть ли не просторечием — но именно такое любили и студенты, и солдаты. Припомнил пару исторических анекдотов из жизни корифеев науки прошлого, посетовал, что ему самому в университете учиться не пришлось (хотя такое на протяжении истории и случалось не с одним принцем короны), посоветовал господам студентам сегодняшним вечером вести себя чуточку скромнее, рассказал еще один анекдот — о том, как пришедший снимать комнату студент услышал от хозяйки, что до него здесь жил некий химик, увидел пятно на потолке и с пониманием спросил: «А это следы его экспериментов?» На что хозяйка ответила: «Нет, это сам химик». Аналога бородатого земного анекдота здесь явно не имелось — толпа прямо-таки взорвалась хохотом, не сразу и стихнувшим.

В завершение Сварог сказал: есть у него предчувствие, что в университетах когда-нибудь будут учиться и девушки. Вот тут уж хохот грянул такой, что стая вездесущих городских ворон ошалело сорвалась с окрестных крыш и деревьев и помчалась прочь от греха подальше. Все присутствующие оценили это как особенно удачную шутку: к девушкам в студенческих мантиях отнеслись бы примерно так же, как военные моряки к присутствию женщины на борту корабля. Правда, в отличие от военно-морского дела, здесь все же имелись редкие исключения, касавшиеся принцесс короны и крови и дворянок из особо старинных, титулованных родов — но исключения, согласно старой поговорке, лишь подтверждали правило...

Под бурные, переходящие в овацию аплодисменты — ну в точности как на очередном историческом съезде КПСС, только искренне — он спустился с трибуны под звуки университетского гимна, вежливо отклонил приглашение Магистра занять почетное место на предстоящем вскоре пиру для факультета (уже в английском значении этого слова*), сослался на неотложные государственные дела и прошел к своему коню в сопровождении бдительных ратагайцев, во все время его речи стоявших у подножия трибуны с руками на рукоятках сабель — ну, такой уж был народ, с подозрением взиравший на всех и каждого и делавших исключение лишь для Яны. Дай им волю, они и в туалет бы за Сварогом ходили до двери — очень уж серьезно относились к своим обязанностям.

Надев «маску», он непререкаемым тоном отправил сопровождающих во дворец, сказав, что ему вновь предстоит одна из тех встреч, на которые и король отправляется в полном одиночестве, причем на сей раз речь идет не об амурных, а государственных делах. Ратагайцы повиновались молча, но с нескрываемым неудовольствием

* В английском языке слово «факультет» употребляется в значении «преподавательский состав» (прим. автора).

на лицах. Оставшись в одиночестве, Сварог поехал шагом, ухмыляясь про себя, — прекрасно знал, что начнется в Латеране ближе к вечеру.

Сегодняшнее торжественное событие будут отмечать в точности так же, как День Бригиты — здешний аналог российского Татьянина дня, ежегодного студенческого праздника. Кабатчики и рестораторы заранее потирают руки в ожидании нешуточной прибыли, а наиболее беззастенчивые уже наклеили этикетки дорогих вин, келимасов и ликеров на всякую бормотуху, которую станут подавать гостям, когда те придут в столь веселое состояние души, что уже не будут толком соображать, что именно пьют. Правда, последуют и неизбежные убытки в виде поломанной мебели, разбитых окон и зеркал, битой посуды, а то и заушения корчмарей — в том случае, если все же сыщется достаточно трезвый знаток и определит, что вместо заказанного благородного напитка ему подсунули паленку. Однако прибыль обычно превышает все убытки настолько, что придется смиренно снести и легкие побои (серьезно увечить трактирщиков в таких случаях не положено, студенческая братия ограничивается подзатыльниками, пинками пониже спины и фонарями под глаз).

Полиции остается только посочувствовать — вечерок и ночка им предстоят еще те... Как и в День Бригиты, ей велено закрыть глаза на всевозможные мелкие нарушения порядка вроде разбитных окон, сорванных вывесок, битых фонарей (а то и вывернутых с корнем фонарных столбов), бесчинств в кабаках и драк с речными моряками. Почему-то историческим врагом латеранских студентов служат именно речные моряки, как в Ремиденуме — пожарные, а снолдерских университетах — армейские пехотинцы из легионов и «безымянных полков». Отчего так повелось, никто сказать не может — традиция уходит в столь седую древность, что концов не отыскать. Поднятых на улицах упившихся до бесчувствия людей в студенческих мантиях на сей раз свозят до вытрезвления не в полицейские участки, а в особые бараки, где утром подают

ковшик пива. Полиция вмешивается лишь в случае чего-то т я ж к о г о — вроде драк с членовредительством, попыток отпустить на волю впряженных в любые экипажи (кроме принадлежащих королевскому двору) лошадей, а сами экипажи перевернуть (разумеется, если в них не сидит красивая девушка, в этих случаях традиция предписывает отступать с поклонами), а также поджогов (и такое случается). Вот только с первыми лучами солнца полиция начинает работать в обычном режиме, о чем прекрасно осведомлены и записные буяны. Полиция в такие праздники выходит на улицы в полном составе (исключение делается разве что для больных, отпускников ставят в ряды) и получает особые награды — право же, заслуженные...

Вскоре он подъехал к ресторану под названием «Королевский пальмань» (над входом висело позолоченное украшение — королевская корона в венке из миртового листа, означавшая, что хозяин носит высокое звание обладателя Королевской Привилегии, в данном случае, согласно именно миртовому веночку — по кулинарной части). Именно эта его маска предназначалась исключительно для посещения этого заведения — а потому моментально узнавший его лакей проворно нырнул в заднюю дверь, оттуда тут же потащили к свободному местечку у лучшего окна персональный Сварогов стол, и, не успели еще его поставить, как объявился и хозяин, жамый Фавероль, являвший собой образец классического повара — могучая фигура, солидное брюхо, красная физиономия, усищи вразлет, безукоризненной чистоты желтые передник и колпак (поскольку белый здесь был цветом смерти, повара носили спецодежду желтого цвета), набор кухонных ножей на поясе, числом дюжины в две — от крохотного, с дамский мизинчик, до тесака не менее скрамасакса.

Сварога он приветствовал со всем почтением — вполне искренним. Выслушав заказ, серебряный поднос с двумя горшочками, запечатанными подрумяненным тестом, разнообразными приправами в судках и фарфоровых сосудах наподобие солонок-перечниц, полубутылкой отличной

ронерской анисовой водки и прочим, торжественно принес самолично и удалился на цыпочках, чтобы не стоять над душой у обедающего. Налив себе пузатую рюмку водки — что за пельмени без водки? — Сварог аккуратненько взрезал острейшим ножиком тесто на одном из горшочков и пока что отложил его на блюде. Из горшочка поднялся пар вкупе с аппетитнейшим запахом — там были классические пельмени (говядина, свинина и баранина в должных пропорциях), а во втором — пельмени с гусятиной. Осушил рюмку, выловил серебряной ложкой солидных размеров пельмень со щедро приправленным специями бульоном, прожевал — и на душе стало вовсе уж благостно.

Он мог сказать с полным на то правом, что это заведение — дело его рук. Конечно, техническим, так сказать, исполнением занимался жамый Фалероль, но идея-то принадлежала Сварогу!

Года три назад, прочно обосновавшись в Латеране, ощущая некое смутное томление души, он быстро понял, чего ему не хватает здесь, именно что пельменей. Ни таларская, ни силванская кухни при всей их искусности и разнообразии пельменей не знали — как не знали и самого понятия «фарш». Ну вот как-то так исторически сложилось, что не было здесь мясорубок, а значит, и фарша не было. И в Империи тоже. В пироги запекали либо мелких птичек целиком (как когда-то на Земле), либо разделанную крупную птицу, а прочие мяса крошили на мелкие кусочки, как это происходит с узбекской самсой. Вкусно, конечно, но все же это не то...

Поначалу Сварог собирался обучить не столь уж и хитрому искусству приготовления пельменей одного из дворцовых поваров. По его заказу и примитивному чертежу быстро ухватившие суть инженеры с одного из оружейных заводов в два счета изготовили вполне приличную копию земной мясорубки (что было оформлено как личный и тайный королевский заказ, на заводе не знали, для чего эта штука королю понадобилась, но военную тайну хранить умели).

Однако все обернулось иначе. Жамый Фалероль, входивший в дюжину лучших латеранских кулинаров, держал тогда трактир под названием «Павлин на вертеле» довольно далеко от центра, лет триста принадлежавший трудовой династии его предков. Респектабельный был трактир, предназначавшийся исключительно для «чистой публики» — но при весьма неплохих доходах Фалероль все же не в состоянии был расширить дело, хотя давно питал такие мечты.

Все изменилось самым решительным образом после того, как открывший для себя этот трактир Сварог побывал здесь два раза. На третий, после разговора с хозяином, убедившись в его нешуточном кулинарном мастерстве, Сварог подумал: а почему бы и нет? Какая, собственно, разница, которого повара учить?

В тот раз он занял отдельный кабинет, позвал хозяина, открылся касательно своей подлинной личности и поставил задачу. В первый момент «мастер кухонного очага» несказанно изумился (пирожок с мясом — варить?!), но будучи знатоком своего ремесла, быстро оценил идею по достоинству.

Вскоре ему на кухню люди Сварога привезли мясорубку. В последующие недели жамый Фалероль, ухватив г л а в н у ю мысль, творчески ее развивал со всем размахом. Пельмени в кастрюлях и в горшочках, с разнообразнейшими начинками из всех идущих в пищу мяса, в том числе птиц и рыб, с грибами, пельмени жареные, пельмени с ягодами и фруктами в сладкой подливке, неисчислимые соусы, не только простая сметана, пельмени с творогом, тертым сыром, всякими желе, даже со съедобными листьями короталя, на Земле неизвестного. Все прочие яства были преданы забвению, отныне Фалероль специализировался исключительно на «пальманях» (как он ни ломал язык, пытаясь выговорить русское «пельмень», происходившее якобы, по уверению Сварога, из древности, но ныне забытое, получалось «пальмань», с чем Сварог быстро согласился — какая разница, как

называть, если вкусно?). Сварог выдал Фалеролю Королевскую Привилегию — здешний аналог патента, в данном случае и на «пальмань», и на мясорубку.

И дело пошло. Чистая публика валила валом ради нового яства, которое можно отведать только здесь. Пришлось поставить новые столики — и было их столько, что спинки кресел стульев касались друг друга, но посетители, даже самые благородные, стоически переносили тесноту. В ясную погоду столики ставили и на улице, на принадлежащем трактиру кусочке мостовой. Как в таких случаях и бывает, Фалероль доставлял готовые, с пылу с жару, кушанья и в богатые дома. Вскоре на дворцовой кухне стал работать его ученик — а Сварог поместил «пальмань» в список «королевских яств», которые имеют право готовить только дворцовые повара — ну, и обладатели Королевской Привилегии (порой она выдается и поварам знати как знак особой королевской милости к хозяину). Уже через год Фалероль приподнялся настолько, что смог купить у наследников разорившегося графа этот немаленький двухэтажный особняк едва ли не в центре города, в полулуге от королевского дворца — и переделал его в ресторан — как и трактир в свое время, всегда битком набитый. Однако для Сварога было отведено персональное местечко (он порой приезжал с Яной), причем деньги с него Фалероль отказался брать категорически, заявив, что он и так благодетельствован королем на всю оставшуюся жизнь.

Та же история, что с женскими модами, занесенными с Той Стороны Каниллой, только случившаяся раньше. Очень быстро через бывавших на земле ларов-гурманов пельмени во всем их разнообразии попали в Империю (и на земле, и за облаками, Сварог скромно умалчивал о своем авторстве). С подачи Сварога Фалероль быстро втолковал посетителям: сладкие пальмани, конечно, можно запивать винами, но мясные и рыбные — исключительно водкой, не келимасом и не ликерами (тут уж со стороны Сварога было чистейшее озорство, привившееся, впрочем).

Отобедав, Сварог кратенько пересказал Фалеролю рецепт приготовления вареников с вишнями (при всем своем кулинарном мастерстве тот как-то не сообразил, что из вишни и черешни можно извлекать косточки, а потому их до этого дня и не употреблял в дело). Выслушав горячую благодарность хозяина, Сварог выкурил трубочку (не стоило с в е т и т ь здесь сигареты). Подумал, что надо бы ввести в употребление и сигареты — при здешнем уровне развития техники их вполне могут делать, правда, без фильтра, но табаки здесь хорошие. И на улицу он вышел именно в той степени блаженства, какую испытывает человек, только что слопавший два горшочка отличных пельменей под хорошую водочку.

Через три квадраса он сидел в кабине, замаскированной под обычный бомбардировщик виманы, его личного самолета, высоко в небесах на сверхзвуковой скорости несущегося в Готар.

...Чем Сварог никогда не страдал, так это сентиментальностью. Однако в отношении к Готару он все же испытывал некое смутное подобие таковой — как-никак здесь он заполучил свою первую корону, пусть и не королевскую, а вольного ярла.

А потому, после того как устроил здесь резиденцию, где принимал подвластных ему вольных ярлов и правителей Вольных Маноров, занялся обустройством здешней жизни. Денег не жалел, благо по сравнению с его королевствами расходы были не такими уж большими: всего-то тысячи четыре подданных, четыреста пятьдесят три югера территории, три десятка деревень и единственный городок. Во всем, что касалось землепашества, ремесел, торговли и финансов, ему изрядно помогали соответствующие специалисты из двух королевств.

Рай на земле он, конечно, не построил, да и не собирался, но все переменялось самым решительным образом. Готар так и остался единственным городом баронства, но те, кто бывал здесь лишь лет шесть назад, его теперь не узнали бы — столица разрослась чуть ли не втрое, прежние ветхие

лачуги канули в небытие, появилась дюжина официальных зданий, резиденция, баронский замок, перестроена так, что узнать нельзя, причал отремонтирован качественно.

Чтобы не плодить дармоедов и не расхолаживать исправных работников, он не вводил никаких таких субсидий и безвозвратных ссуд от казны. В значительной степени нынешнее процветание было обязано тому, что он просто-напросто отменил прежние порядки, когда барон задавил всех (кроме дворян, но и те жили убого) дикими налогами, выгребал едва ли не каждый грош, а денежки с хомячьим упорством клал в ронерский банк. Налоги стали разумными, как в окружающем мире, и даже снижены. По его приказу граф Дино открыл здесь отделение одного из ронерских банков, выдававшее кредиты торговцам, ремесленникам, рыбакам и даже крестьянам под человеческий процент и на разумные сроки (причем все были настрого предупреждены: того, кто не пустит деньги на развитие своего дела, а бездарно промотает, ждет тюрьма). Крестьяне, поголовно крепостные, были переведены во фригольдеры. Ну, и еще многое, перечислять было бы слишком долго. Выражаясь кратко, он дал не рыбу, а удочку — и допустил к рыбным местам...

Теперь на Готар было приятно посмотреть: чистые улочки (три из двух десятков даже мощеные), уличные фонари, вполне пристойного вида трактиры и лавки. Даже лечебница с акушерским домом завелись. Есть вполне профессиональная армия, пусть и маленькая, таковая же полиция, пара-тройка ремесленных мастерских уже являла собою настоящие фабрики — ну, фабрички, но суть от этого не менялась. Есть две начальных школы (чтение, письмо, счет, еще пара предметов) — причем учителя обязаны высматривать способных детей, какого бы сословия ни были, для дальнейшей учебы уже за пределами Готара. Из тройцы управителей, назначенных им сразу после, выражаясь деликатно, прихода к власти, осталось двое — прежний управитель, какое-то время от пережитого испуга являвший собой образец честности

и благонравия, ввиду долгого отсутствия Сварога понемногу оклемался и принялся люто казнокрадствовать. За что был повешен — ну, после суда, конечно, здесь и юстициарии завелись. Другие двое процветали — тот самый лавочник с лучшей в городе репутацией стал чем-то вроде министра торговли, а беспалый моряк — министром гражданского речного Флота, ведавшим рыбаками и грузовыми суденышками. Чего не было, так это военного флота по причине полного отсутствия в нем надобности, (но речная стража имелась). Поскольку совершенства в нашем мире нет, и эти приворовывали — но в меру, так что приходилось закрывать на это глаза, как и в случае с Интагаром — работали все же неплохо.

Сюда по-прежнему тянулись эмигранты — особенно в последние годы, когда жизнь стала благополучнее — не только из соседних земель вольных ярлов, но из Харлана и даже Ронеро. Сварог не препятствовал, но за каждым первое время бдительно присматривали и, если оказывался лодырем, вышибали за границу, а пытавшихся отсидеться в тихом месте уголовничков порой не только сажали (ну да, тюрьма завелась самая настоящая, как приличному государству и положено), но и вешали. Впрочем, в тюрьме держали недолго — после скрупулезного выяснения, кто таков и что на нем висит, отправляли на каторгу в Три Королевства (высшую меру Сварог применял крайне осмотрительно — в Трех Королевствах по-прежнему царила дикая нехватка рабочих рук).

Одним словом, тайная полиция (и она тут как тут, куда же без нее?) докладывала, что всеобщая любовь народная к новому барону — определенно искренняя. Очень уж резок был контраст меж нынешней жизнью и прежними временами, которые прекрасно помнили те, кто пребывал тогда в сознательном возрасте...

Население столицы увеличилось в четыре раза, а общее число подданных — примерно вдвое. Готар стал для Сварога примерно тем, что для магната — какое-нибудь любимое поместье, которое он холит и лелеет. Здешний

народ цивилизовался настолько, что уже совершенно спокойно воспринимал визиты Сварога на самолете — а ведь первое время в канавах и пустых бочках прятались, разбегались, иные в собачьи будки залезали, один от страха в колодец сиганул и утоп (Сварог, чувствуя некоторую свою вину, назначил семье небольшую пенсию). Ну вот, пожалуйста: отсюда видно, что молодой ремесленник книгу несет — картина, при покойном бароне немыслимая, как и наличие самой книжной лавки. А главное — через Готар теперь (распоряжением Сварога, конечно) проходит Большая Дорога в Три Королевства, что приносит немалый доход как баронству, так и многим здешним жителям. Разумеется, Сварог ничем не погрешил против экономики — было два удобных маршрута, через Рут и Готар, вот он Готар и выбрал, благо имел право...

Он отошел от окна, уселся за стол и еще раз просмотрел несколько бумаг с печатями.

Тайная полиция свой хлеб с колбасой ела не зря. Откомандированный сюда один из спецов по фальшивкам Интагаровой конторы в два счета установил, что молодая особа, именующаяся ныне княгиня Дали Шалуатская — чистейшей воды самозванка. Речь идет не о ее нынешнем положении (тут все по закону, комар носа не подточит), а о тех бумагах, что она, как полагалось, представила в канцелярию Высокого Покровителя Вольных Маноров.

Согласно дворянской грамоте, «в девичестве» она звалась Дали Геремей, благородная дворянка из провинции Калинар — захолустье у горротской границы. Вот только быстро обнаружилось, что в геральдических книгах Ронеро не числится такого дворянского рода — Геремей, его вообще нет на Таларе (что за квадранс установил сам Сварог, отправив запрос в Департамент земных дел). Посланный в Калинар человек доложил, что ни о каких Геремейх там и не слыхивали. Фальшивками оказались и ее подорожная, и бумаги о продаже имения, и банковские документы. Легенда была безупречная — молодая дворянка, после смерти отца ставшая единственной наследницей,

продала имение и отправилась из захолустья в места более цивилизованные. Но при первом же столкновении с грубой действительностью в лице тайной полиции она разлетелась вдребезги, как упавший с высокого стола графин тонкого стекла. Хотя составлена была безупречно — не так уж и редко подобные молодые наследницы пускались на поиски лучшей жизни. Вот только ни одной из них не приходило в голову устроить ваганум...

Сыщик заверял, что ошибиться не мог — слишком много подобных фальшаков видел, несколько лет на их выявлении и работал. Все бумаги сработаны в Таурате, где на этом специализируются с давних пор, и полностью искоренить этот интересный (и доходный) промысел не удастся. То и дело накрывают очередные подпольные мастерские, мастера идут на каторгу, но, как птичка Феникс из пепла, вскоре возникают новые. Много поколений сменилось и подделывателей, и сыщиков, но конца-краю не видно...

Собственно говоря, история самозваной дворянки была жуткой банальностью. Предшественников и предшественниц не перечесть. В подавляющем большинстве случаев, как когда-то и на Земле, мотив был несложный: человек низкого сословия хотел выломиться из такого, вместе с дворянским благородством получив недоступные прежде права и привилегии. Сплошь и рядом у таких прежде не было на совести криминальных грехов, да и дворянские грамоты они приобретали для того, чтобы вести совершенно честную жизнь (что их от суда и сурового наказания, конечно же, не избавляло). Именно поэтому многим из них удавалось прожить неразоблаченными долгие годы, а то и всю оставшуюся жизнь (сыщик сказал еще — логически рассуждая, делаешь вывод, что немало обладателей фальшивого дворянства вообще не были никогда уличены, и их дети, внуки-правнуки и сейчас щеголяют с дворянскими кольцами). Тем более что круг случаев, когда дворянские грамоты подвергаются скрупулезной проверке, очерчен четко: поступление на службу в гвардейский полк, назначение на высокий

пост, претензии на богатое наследство и еще несколько схожих ситуаций. Между прочим, очень многие поступают так, как эта Дали — отправляются на противоположный конец страны, как можно дальше от того места, где якобы родились — что сводит до минимума риск натолкнуться на «земляков».

Один нюанс: у Дали откуда-то взялись очень даже немалые денежки. Эксперты военного ведомства и тайной полиции прикинули: на свое предприятие она уже потратила не меньше пятидесяти тысяч ауреев золотом — Волчьи Головы и особенно Вольные Топоры товар крайне дорогой (зато высшего качества). Клад она отыскать не могла — по докладам тех, кто в темпе провел расследование, расплачивалась главным образом ронерскими деньгами, времен как Конгера, так и совсем недавних, монетами с профилем уже Сварога. Попавшие в руки сыщиков монеты подвергли скрупулезной проверке не только в тайной полиции, но и в девятом столе. И пришли к одному и тому же выводу: признаков подделки нет, содержание золота полностью соответствует стандартам (девятый стол добавил еще нюанс, который просто не могли определить люди Интагара и Казначейства, поскольку в жизни о нем не слыхивали: судя по чеканке, монеты изготовлены на земле, многие носят индивидуальные особенности и никак не могут оказаться продукцией имперского синтезатора). Натуральные земные деньги...

(Правда, один из сыскарей предложил версию, к которой следовало прислушаться: девушка отыскала клад в месте, где по закону он делится пополам меж нашедшим и владельцем земли. Прецедентов достаточно. Далее возможны два варианта: либо она захапала себе все, либо поделилась честно, но оба сей факт утаили, чтобы не платить причитающийся с нашедших клад налог в пятнадцать процентов. Прецедентов опять-таки немало, клад мог состоять из драгоценностей, которые продала девушка — то ли свою долю, то ли все найденное. И снова — прецедентов хватает.)

Есть и другая версия: сия молодая особа не один год проплавала с пиратами, и отнюдь не в качестве общей девочки для удовольствия — э т и столько никогда не работают, даже если возьмутся трудиться двадцать пять часов в сутки. Решив, что пора и остановиться, пиратский корабль покинула, что законам «джентльменов удачи» не противоречит, если истек срок контракта. За примерами далеко ходить не нужно, достаточно из имеющихся в бумагах превеликого множества взять тот, что в бумаги не попал, но произошел, можно сказать, на глазах Сварога: Тетка Чари. Разве что накопления у нее были гораздо скромнее, чем у новоявленной княгини. Между прочим, фальшивые бумаги цеха содержателей гостиниц и постоялых дворов Серебряной Гильдии она, как признавалась Сварогу потом, купила как раз в Гаурате. И ничего, проехало, никто не устраивал проверки, когда она приобрела будущую «Жену боцмана»...

Имелся и еще один вариант, который пока что не отработан до конца, хотя расследование в этом направлении идет. Ваганум признается законным в том случае, когда претендент тратит исключительно свои собственные деньги. Даже банковской ссудой пользоваться запрещено, потому что это может оказаться не банковская ссуда вовсе... Редко, но были случаи, когда крупные торговцы, а то и контрабандисты и нелегальные торговцы высокого полета нанимали якобы «вольного стрелка», пытаясь захватить какой-либо Вольный Манор, расположенный в крайне удобном для их целей месте — к каковым относится и Шалуат с его поминавшимся уже крайне удобным трактом от Итела в Ронеро. Правда, подобные предприятия всегда бывали довольно быстро разоблачены.

Можно построить и еще одну версию, которая уже озвучена сыскарями: девушка имела отношение к серьезной контрабанде или, скажем, приносящей немалые прибыли торговле здешними наркотиками. Решив не зарываться и выйти из игры вовремя, для пущей легализации захватила Шалуат.

Все эти версии вполне жизненны, основаны на множестве прецедентов, любая из них может оказаться верной. Как бы там ни было, одно можно говорить со всей уверенностью: лихая особа понятия не имела, что в случаях, подобных происшедшему с ней, предъявленные бумаги подлежат строжайшей проверке в с е г д а. Правда, непонятно пока, к которой из версий этот факт можно присовокупить...

А в общем, к чему ломать голову? Лар он или уже где?.. Претендентка на княжескую корону уже с квадранс ждет в приемной. Не обязательно даже задавать прямые вопросы — достаточно послушать ее рассказ о прошлой жизни, и он моментально определит, где правда, а где ложь. Так что не стоит понапрасну жечь нервные клетки, они не восстанавливаются даже медиками Империи...

Сварог, как полагалось для таких случаев, надел баронскую корону (новую, сделанную по его заказу, он брезговал носить ту, что красовалась на голове прежнего владельца). Уселся за свой роскошный письменный стол, нажал золоченый завиток резьбы. Мгновенно появившемуся в кабинете лакею (местному) сказал кратко:

— Пригласите благородную дворянку.

Именно так ее и следовало именовать до официального утверждения в правах — или отказе в таковых. Лакей улетучился далеко не так проворно, как его дворцовые собратья — ну, местный, должной выучки не прошел, а визиты Сварога все же не так часты...

Сварог спокойно разглядывал ее, пока она шла к столу. Даже если в его взгляде она и прочитает любопытство, оно вполне понятно для данного случая — любой смотрел бы с любопытством на молодую девушку, оказавшуюся настолько хваткой, чтобы впервые за несколько тысяч лет выиграть ваганум...

Лет двадцати с лишним, красавицей писаной не назовешь, но и в дурнушки никак не запишешь. Очень симпатичное, умное личико, светлые волосы подстрижены так, что на Земле это назвали бы «каре», а здесь моментально

решат, что девушка была в военной службе. Стройные ножки, неплохая фигурка. Чувствуется ловкость и сила в мускулах, но ни тени мужеподобности. Серые большие глаза, пушистые ресницы.

В общем, если бы эта встреча произошла в те времена, когда Сварог, деликатно выражаясь, вел более вольный образ жизни, он непременно постарался бы познакомиться с ней поближе. Приятная особа, как сказали бы на Земле, спортивная девочка.

Она поклонилась по всем правилам этикета:

— Ваше величество... Мое имя Дали Геремей.

У Сварога в голове пронеслось: коли уж она знает, кто он такой (да и не мудрено не знать, кто такой Высокий Покровитель Вольных Маноров), как же отважилась к нему сунуться? Зная, что лар безошибочно отличает правду от лжи? Интересно...

Он показал на мягкий стул, приличествующий ее положению:

— Садитесь.

— Благодарю вас, ваше величество, вы так добры...

Села. На ней было светло-зеленое дворянское платье хорошего покроя, из дорогого траулета, модного фасона, с вырезом и подолом ладони на полторы выше колен. Ногу на ногу не положила — то ли уже чувствует себя княгиней, которой сие запрещено этикетом, то ли скромница. Вот только на скромницу что-то не похоже, на шлюху, впрочем, тоже. Ну, многие шлюхи таковыми вовсе и не выглядят.

Сварог обаятельно ей улыбнулся:

— Дали, ваши бумаги я посмотрел, но мне хотелось бы послушать вашу историю: как вы жили, как воспитывались, как вам вообще пришла в голову эта довольно нетипичная для девушки идея... Простите мне любопытство, но оно вполне оправданно. Впервые за несколько тысяч лет ваганум успешно осуществила девушка. Были, конечно, редкие попытки, но они проваливались. А вам вот удалось... И вы хотите, чтобы меня не грызло любопытство?

— Я понимаю, ваше величество, — улыбнулась она вполне женственно, самую чуточку кокетливо. — С вашей стороны так великодушно просить извинения... в котором я никак не могу отказать королю... особенно столь известному и знаменитому, как вы. Я уже не раз сталкивалась с самым откровенным любопытством, но никогда не горела желанием рассказывать о себе, о своей жизни, обо всем прочем. Потому что люди, в общем, были простые и недалекие. Смотрели на меня, как на экзотическую зверюшку. Вы — другое дело, не считите за комплимент.

У Сварога возникло странное ощущение: она словно бы кого-то ему напоминала, но он никак не мог понять, кого. Твердо знал одно — раньше он с ней никогда не встречался. Не было ее в его памяти...

Она заговорила. Голос звучал мелодично, спокойно. У нее был красивый голос.

Единственная дочь, единственный ребенок провинциального дворянина без титула. Поместье у него было небольшое, три деревеньки с двумя сотнями крестьян. Земли в тех местах скудные, и владельцы подобных невеликих владений порой откровенно прозябают. Однако ее дедушке, отцу ее отца, в свое время повезло, как некоторым: в тех местах порой обнаруживаются серебряные залежи. Именно такую, причем довольно богатую, дедушка в свое время и обнаружил — чисто случайно в их места заглянул хороший рудознатец, быстро установил наличие жилы, рассказал все владельцу земель и за хорошее вознаграждение провел должную работу. Многие в таких случаях, не мудрствуя, сдают обнаружившиеся на их земле природные богатства (это не обязательно серебро) горнозаводчикам и довольствуются арендной платой. Однако дедушка был человеком неглупым, предприимчивым (правда, до сих пор у него просто-напросто не было возможности где-то эту предприимчивость проявить). Он прекрасно понимал, что продавать чистое серебро гораздо выгоднее, чем сдавать жилу в аренду. Выскреб до дна свой денежный сундук, продал соседу две деревеньки из трех (все его крестьяне были

крепостными, что упрощало сделку — в отношении фригольдерских деревень на дворянской земле действует более сложная и долгая процедура), залез в долги банкирам, даже продал часть фамильных драгоценностей. Но набрал достаточную сумму, чтобы наладить добычу руды и построить плавильню — и на то и на другое имел законное право, так как залежи серебра располагались на его землях.

Иные на таких предприятиях прогорали, иные богатели. Дедушка Дали оказался среди вторых, он и в самом деле обладал должной предприимчивостью. Наладил и добычу руды, и работу плавильни, уже через год полностью рассчитался с долгами, а там пошла чистая прибыль. Умер он, когда Дали было шесть лет, так что она его чуточку помнила. Незадолго до смерти он откупил те две деревни у обедневшего к тому времени соседа (чисто из принципа, полагала Дали), а потом купил у наследников большую часть поместья покойного — уже по чисто деловым соображениям, рассчитывал и там найти серебро, но нанятые им рудознаты успеха не добились.

Отцу Дали, собственно, и не требовалось предпринимательской жилки — он получил в наследство отлично налаженное предприятие. Так что повозки с серебряными слитками по-прежнему уходили по Большому Тракту к столичным покупателям.

Сей дворянин, как подавляющее большинство мужчин, хотел сына — но не получилось. Тогда он поступил, как многие — стал воспитывать дочь, как мальчишку: верховая езда (часто на не обьеженных толком лошадях, чтобы училась с норовистыми справляться), стрельба из пистолета и мушкета, холодное оружие, лук и арбалет, рукопашный бой. Забавно, но она только в четырнадцать лет узнала, увидев у подруги любовный роман, что существует и т а к а я литература. До этого она читала исключительно рыцарские романы (те, что посвящены главным образом битвам, а не куртуазным приключениям), книги военных историков и старые военные хроники. По этой же причине — чтобы не «обабилась» прежде времени —

отец всячески препятствовал ее встречам с молодыми людьми. Одно время даже собирался устроить кадетом в кавалерию, но по неизвестным причинам передумал.

Умер он неожиданно, от сердечного приступа (мать Дали умерла еще раньше). Девушка осталась единственной наследницей и полновластной хозяйкой своей судьбы. Кое о чем она рассказывала очень уж уклончиво, и у Сварога осталось впечатление, что какое-то время после смерти отца она наверстывала упущенное — что касемо общения с молодыми людьми (в чем, в общем, не было ничего противоестественного).

То ли ей передалась дедушкина рассудочная деловитость, то ли сыграло роль отцовское воспитание, то ли все вместе... Настал момент, когда она села и всерьез задумалась: как жить дальше?

Рудознатцы, которых она наняла, чтобы обрисовали нынешнее положение дел с рудником, были единогласны: жила истощается, ее хватит самое большее лет на пять, а дальше — содержание серебра в руде упадет настолько, что разрабатывать ее будет не просто невыгодно, а убыточно. А кроме того...

Когда ей исполнилось шестнадцать, отец — в рамках того же метода воспитания — назначил ее в охрану «серебряных караванов»: сначала рядовым стражником, а потом, когда она набралась должного опыта, года через полтора, стала этой охраной командовать. Три раза охрана всерьез схватывалась с разбойниками (народом серьезным, главным образом каталаунскими Волчьими Головами) и всякий раз успешно, хотя и не без потерь, отбивалась. К двадцати, к кончине отца, у нее имелось личное кладбище в два покойника, одного она застрелила, другого зарубила. Серьезная девочка, мысленно прокомментировал Сварог, знавший не понаслышке, что такое Волчьи Головы.

Поездки эти имели и оборотную сторону, никак не предусмотренную озабоченным ее воспитанием в мужском духе отцом: молодая девушка увидела большие города —

и красавицу Равену, где была одиннадцать раз (серебро отправляли в столицу три раза в год, правда, последний «серебряный караван» погруженная в неизбежные хлопоты после смерти отца Дали уже не сопровождала).

Но все равно — одиннадцать посещений Равены. И всякий раз две недели отдыха там после поездки через всю страну. Отец скрягой не был и деньги на отдых ей давал приличные — правда, настаивал, чтобы большую часть она тратила на книги по военной тематике и необходимое в хозяйстве при ее образе жизни оружие.

Он и представления не имел, что большую часть денег Дали тратила как раз на платья и чисто женские развлечения: танцевальные залы для дворян, косметика, украшения. Отец не доводил мужское воспитание до абсурда и платья носить разрешал. По возвращении домой она безбожно занижала стоимость всего этого — а стоимость оружия и книг, соответственно, безбожно завышала. Отец, сидень и домосед, в Равене был последний раз за несколько лет до ее рождения, а потому, не зная цен, не мог и обнаружить ее проделки.

И вот теперь у нее появилась возможность перебраться в столицу из скучнейшего пограничного захолустья! Девушка не особенно и колебалась — продала поместье и все, что только могла, наняла две повозки и с двумя служанками и тремя охранниками отправилась в Равену. Там она быстро подыскала и купила довольно приличный дом — не дворец, но и не хибару. Ко двору, разумеется, не попала — откуда у нее нужные связи? В высшее общество тоже не смогла проникнуть — там свои порядки, ее немаленькие по меркам небогатого дворянства в том числе и столичного) деньги по сравнению с состояниями знати выглядели смешно, а само по себе дворянское происхождение (как и древность рода) мало что значит для господ и дам высокого полета. Правда, особенно она и не огорчалась — на том уровне, где она оказалась, можно было завести достаточно приличных знакомств и участвовать во множестве приличных увеселений. К тому же

порой иные вельможи устраивали «открытые балы», куда мог попасть любой «простой» дворянин или любая «простая» дворянка.

Так она прожила примерно год. А потом снова срабатывали дедушкины гены — она трезво задумалась о будущем. Таковое представлялось каким-то зыбким, туманным, с е р ы м...

Будь в ней побольше женственности, получи она чисто «женское» воспитание, действовала бы по-другому, без колебаний двигаясь по накатанной колее. Но воспитание в чисто мужском духе сыграло свою роль: она попросту не умела искать выгодную партию, да и не ощущала в том потребности. Судя по некоторым осторожным обмолвкам, любовники у нее были (в этом отношении она, похоже, была совершенно нормальной), но вот к замужеству, даже крайне выгодному, Дали (в чем призналась с обезоруживающей улыбкой) не питала никакого желания. Мужское воспитание развило в ней крайнюю независимость характера — а в роли супруги велик был риск оказаться в подчиненном положении. Неизвестно еще, попадется ли муж, из которого можно вить веревки — что долго делала та же Маргилена Дино. Да и ее деньги, трезво отдавала она себе отчет, когда-нибудь обязательно кончатся — пусть не завтра и не послезавтра и не через год. И что потом? Поместья, позволявшего бы получать постоянный доход, у нее больше не было (да и сохрани она отцовское, очень быстро из-за истощения серебряной жилы доход с него стал бы крайне скудным). А вложить серьезный капитал в какое-нибудь доходное предприятие, как втихомолку поступали многие дворяне, становясь «теневыми» пайщиками, она опасалась, резонно считая, что ничегошеньки не понимает ни в бирже, ни в торговле, ни в прочем, говоря языком Земли, бизнесе. Очень уж велик риск все потерять. Армейская служба ее не прельщала нисколько. В пиратки как-то не тянуло.

И вот тут-то один ее з н а к о м ы й (судя по мимолетно потупленным глазам, ну очень близкий знакомый, а судя по некоторым обмолвкам, изрядный авантюрист) вернулся из Шалуата. Подробно рассказал о сложившейся там обстановке, при которой свергнуть князя посредством ваганума довольно легко. И посетовал, что у него нет достаточно денег: подобное предприятие, пусть и не особенно трудное, но затрат потребует немалых.

Дали (наверняка с видом наивной простушки) поинтересовалась подробностями. «Знакомый» (наверняка рисуясь перед красивой подругой) подробно ей рассказал, как такие дела делаются и сколько примерно денег потребуется.

Тут Дали и осознала, что такие деньги у нее е с т ь. Даже больше, чем требуется!

Следующая мысль сначала показалась ей вздорной, авантюрной, несбыточной мечтой — но чем больше она думала над этим в одиночестве и просчитывала многое, тем больше утверждалась в уверенности: может получиться, если взяться за дело толково и рассудочно, как ее дед в свое время поступил с серебряной жилой. Сам он ничего не понимал ни в рудничном деле, ни в плавильном — но нашел людей, которые в этом разбирались как раз отлично. Собственно, чем таким особенным от этого отличается ее задумка? Да почти что и ничем, если по большому счету.

Через неделю она на двух каретах отправилась в пограничную с Шалуатом каталаунскую провинцию — в сопровождении «знакового», тех трех бывших охранников (до сих пор крепостных, преданных ей, как собаки) и пятерых сорвиголов, нанятых «знакомым» в Равене. Сама она в мужском костюме ехала верхом, что не вызывает никакого удивления на таларских больших дорогах, а уж в Каталауне тем более — а в каретах, в обычных сундуках и дорожных мешках, лежало три четверти ее золота (остальное она благоразумно оставила в Равене на случай провала всей затеи, и по тем же причинам не стала продавать дом, а оставила его на попечении служанок).

По прибытии на место она ничем не занималась сама, старательно разыгрывая роль не кисейной барышни, а увлеченной охотой молодой дворянки, хорошо умеющей ездить верхом и стрелять. Такие приезжие в Каталауне не редкость (взять хотя бы девушку по имени Яна).

Главные труды взял на себя «знакомый», которому помогали трое «егерей». Действовали с толком, с расстановкой. Примерно месяц подбирали отряд, хорошенько присматриваясь к каждому человеку.

На разработку точного плана ушло три дня. На четвертый конный отряд в двести человек отправился к границе, благополучно ее пересек...

— Ну, а дальше, наверное, и рассказывать не стоит, вы наверняка и так знаете, ваше величество, — улыбнулась Дали.

— Разумеется, — сказал Сварог. — Что, это действительно оказалось так легко?

— Довольно-таки, — с безмятежной улыбкой ответила Дали. — Где-нибудь в другом Маноре пришлось бы потруднее, или дело провалилось бы вообще, и неизвестно, удалось бы унести ноги. Но в Шалуате князь настолько всем осточертел, что его, собственно говоря, и не защищали...

С Бони в Доире было примерно так же, подумал Сварог. Плохо приходится властелину, которого подданные совершенно не хотят защищать...

Он спросил серьезно:

— Вы рассчитываете удержаться?

— Рассчитываю, — так же серьезно ответила Дали. — Я прихватила еще очень полезного человека — из тайной полиции его прогнали за всякие... вольности с казенными деньгами, но дело он, я уже убедилась, знает. Он в два счета организовал в Шалуате тайную полицию и собрал туда почти всех соглядатаев князя. Не знаю, что будет потом, но пока что не усмотрено попыток организовать серьезное противодействие — и людей, занятых бы организацией такового. Я быстренько провела кое-какие полезные реформы: снизила налоги, чуточку облегчила

жизнь крестьян и ремесленников, вообще простых горожан, да и дворянам бросила пару вкусных косточек. Я должна удержаться.

— Будем надеяться, Дали, — сказал Сварог. — Будем надеяться... В конце концов многим подобное удавалось, некоторых я даже знал лично... Вы хотите что-то сказать?

— Ваше величество, вы позволите быть чуточку дерзкой?

— Красивым девушкам это всегда дозволяется, — обаятельно улыбнулся Сварог.

— Вам самому удавалось это столько раз...

— Ну, где же здесь дерзость? — с той же улыбкой сказал Сварог. — Это не дерзость, а признание реальных фактов. Которые слишком многим известны, чтобы пытаться их скрывать... В конце концов не обязательно искать примеры в ваганумах прошлого. Не раз в иных королевствах претендентки на престол боролись за него вооруженной рукой — и многие из них побеждали. Самый свежий пример произошел не так уж и давно — я имею в виду Лавинию Лоранскую.

Эгле, правда, проиграла все, в том числе и жизнь, мысленно добавил он с ноткой грусти. Вот только этот случай так и остался неизвестным... Для всего мира Эгле жива-здоровая и благополучно восседает на престоле, которого никогда и не лишалась...

— Последний вопрос — из чистого любопытства, — сказал он. — Почему вы носите такую прическу, если не служили в армии?

Дали ответила без запинки:

— Я подумала, что с такой прической буду смотреться для своего воинства более серьезной, своей, что ли, чем с обычной женской.

— Логично, — сказал Сварог. — Сдается мне, у вас есть все шансы удержаться. К тому же вам помогает ваш... знакомый.

— Увы, ваше величество, — Дали словно бы погрустнела, на ее хорошенькое личико набежала тень. — Он погиб,

когда мы штурмовали княжеский дворец... когда дворец был практически взят. Глупое стечение обстоятельств, случайная пуля...

— Мои соболезнования, — склонил голову Сварог.

Она скорбно склонила голову. Остались сильные подозрения, что печаль на ее красивом свежем личике — мастерское притворство. Чего стоит услуга, которая уже оказана? Бывают предприятия, крайне напоминающие финалом поиски клада: сплошь и рядом сокомпанейцы, едва обнаружив сокровища, начинают резаться. «Знакомый» был ей с какого-то времени определенно ни к чему: скрипач не нужен. Без сомнения, он рассчитывал отодвинуть Дали на задний план, а то и вовсе сделать марионеткой — в силу пресловутого мужского превосходства. А она достаточно умна и хитра, чтобы просчитать последствия удачного штурма заранее. Пуля могла прилететь и со стороны верных егерей — в горячке и неразберихе штурма замка, когда никто не смотрит на товарищей по оружию, такие вещи проскакивают как нельзя лучше, все можно списать на неприятеля, а баллистическую экспертизу проводить никто не будет, ее здесь не умеют делать, разве что в самом примитивном виде: отличить мушкетную пулю от пистолетной, и не более того...

В конце концов, совершенно не интересно, что там у них стряслось. Гораздо интереснее другое...

Сварог решительно не мог определить, говорит она правду или лжет. История вполне жизненная и позволяет выдвигать новые версии — скажем, она н а т я н у л а на себя, как новое платье, чужую биографию. Или все происходило с ней, но не там, а настоящее место она по каким-то своим причинам не хочет называть. Но эти умствования сейчас бесполезны. Главное — умение безошибочно отличать правду от лжи отказало, не сработало. Второй раз на его памяти — первый был со Старой Матушкой. В точности то же самое: он не усматривает никакой защиты, поставленной против его умения. Он просто-напросто этого умения как бы лишился.

Все было бы гораздо проще, исходи от нее что-то черное. Достаточно нажать другой завиток — и ворвутся боевые монахи. Сварог по собственной инициативе давненько уж пригласил сюда полдюжины людей отца Алкеса и две дюжины монахов Братства святого Круахана. Такие уж места: совсем близко Ямурлак, его уже начали помаленьку заселять люди, но, несмотря на все трудности Мары, там еще хоронится по чащам и болотам всякая нечисть из разряда той, что на человека не похожа нисколько (но иные из них могут прикидываться людьми). А за Ямурлаком — Харлан, где до сих пор черных гораздо больше, чем во всех остальных Свароговых землях, вместе взятых. Предосторожность оказалась разумной — за последние годы четырежды монахам и людям из Багряной Палаты пришлось вмешиваться. Им и службе, основанной когда-то старухой Грельфи — и по причине полезности оставленной в прежнем виде, даже расширенной...

Но от нее нисколько не веет черным — а уж черную магию, как и любую другую, Сварог мог определить при любой погоде. Но, как и в случае со Старой Матушкой, ничего такого не почувствовал. Дали была самым обычным человеком, магическими умениями какого бы то ни было вида не отягощенным. Нет никаких причин, поводов и оснований вязать ее и допрашивать. Он до сих пор так и не понял, что такое Старая Матушка, но вреда от нее нет ни малейшего. Может быть, его и не случится от этой красивой спортивной девочки.

— Пожалуй, вы удержитесь... — сказал он задумчиво.

— Приложу все силы, — улыбнулась Дали. — К тому же у меня заготовлен один хитрый ход. Вы — король с опытом, вы, наверное, его знаете: «История Эборона».

— В жизни не слышал, — сказал Сварог. — Расскажите, если это из тех вещей, что могут быть полезны королю.

— Безусловно, могут, — красивые серые глаза смотрели невинно, простодушно. — В одной из отцовских книг описана история старинного короля Эборона. Его многие книжники считают легендарным, но это и несущественно.

Главное, история поучительная. Однажды Эборон слег в постель, и придворные лекари клялись, что недуг смертелен и королю осталось жить на свете считанные дни. Все, кто втихомолку плел заговоры, все, кто хотел бы устроить заговор, но опасался, наконец, недоброжелатели наследного принца... В общем, все приободрились и развели бурную деятельность, засветились... Через три дня король вдруг встал с постели, и выглядел он так бодро, словно жить ему еще предстояло семь раз по семь лет. Всех злоумышлявших перехватили, и кончили они плохо. Король искусно притворялся, а медики были посвящены в его замысел и старательно подыгрывали...

Ну да, почти то же самое произошло в свое время с Иваном Грозным, подумал Сварог. Историки так до сих пор из-за скудости дошедших от тех времен документов не пришли к единому мнению, не знают, точно притворялся ли Грозный или в самом деле был подкошен серьезным недугом. Но все его враги и недоброжелатели, а также те, кто не хотел видеть наследником его сына-младенца, обрадованно полезли на свет Божий, как тараканы из щелей, засветились — и получили по полной программе, когда Грозный вдруг встал. Еще одно подтверждение того несомненного факта, что девушка умна и хитра. Не грех было бы и самому устроить такой кунштюк: моментально зашевелился враги и недоброжелатели и на Таларе, и в Империи. А посвященные в тайну Канцлер с Интагаром будут бдить каждый в своей зоне ответственности и дернут удочку, когда поплавок запляшет...

Он еще немного поболтал с девушкой о пустяках — она охотно поддерживала беседу. Сделал парочку игривых намеков на возможную близкую дружбу — исключительно ради того, чтобы посмотреть, как онаотреагирует. Дали держалась так, что это ему понравилось: не могла не понять намеков, но ни словечком, ни взглядом не дала знать, что готова пойти навстречу и уступить его величеству. Изображала полную невинность, не понимающую, чего от нее хотят — вещь немыслимая для умненькой девушки, более года

кружившейся в вихре столичных светских увеселений и не чуждавшейся амурных баталий. Что же, такое поведение только располагало к ней: Сварогу осточертели шлюхи, готовые ради сладких пряников прыгнуть к нему в постель — прямо-таки вереницей до сих пор выстраивались, действуя кто искусно, кто топорно. Приятно столкнуться с прямо противоположным. Черт его знает, кто она такая и откуда взялась, но несомненно одно: она не из тех, кто ради покровительства и расположения короля королев готова расплатиться собой. Ну что же, гордые недотроги нам нужны...

Что оставалось делать? Утвердить ее в княжении по всем правилам — и установить постоянный надзор с помощью людей Интагара и Золотых Обезьянов, авось да удастся что-то полезное о ней узнать...

Он поднялся — торопливо поднялась и Дали — и сказал церемониальным тоном:

— Преклоните колено.

Дали опустилась на одно колено. Сварог достал из сейфа точную копию княжеской шалуатской короны, изготовленную по его приказу — оригинал бежавший князь прихватил с собой на память. Обойдя стол и оставившись над девушкой — мимоходом чисто машинально отметив, что глубокий вырез открывает довольно приманчивую картину, — произнес тем же тоном, бесстрастно-торжественным:

— Полагаясь на вашу честь и верность, объявляю вас княгиней Шалуата.

Эту формулу его геральдисты сочинили не так уж и давно, когда он стал Высоким Покровителем Вольных Маноров. Сочинили и ответ, который Дали безусловно знала, потому что тут же его произнесла:

— Моя честь останется незапятнанной, а верность неизменной.

Сварог обеими руками возложил на ее голову корону. Ювелиры не подвели, пришлось практически впору — точнее, это наблюдатели восьмого департамента точно рассчитали размер.

— Поднимитесь, княгиня, — сказал Сварог. — Это был последний раз, когда вы преклоняли колено. Больше вам не придется этого делать перед кем бы то ни было.

Она поднялась на ноги легким грациозным движением. Глаза сияли радостью, она улыбалась, еще больше похорошев. Везет тебе, сероглазая, подумал Сварог. Лет несколько назад я бы от тебя не отстал...

Когда она шла к двери уже чуть более величавой походкой, чем та, которой входила, Сварог поступил, как в свое время со Старой Матушкой — метнул вслед немудреный, короткий магический сигнал, позволивший бы ему понять, с кем имеет дело.

И, как в прошлый раз, случился полный афронт. Разве что обстояло чуточку иначе: в прошлый раз выглядело так, словно сделанный мечом выпад встретил неожиданно невидимый непробиваемый щит. А сейчас словно бы пущенная в девичью спину стрела не отлетела от незримой преграды, а пропала куда-то, словно в воздухе растаяла. Только и разницы, а суть та же: он вновь не мог определить, кто перед ним. Ничего, время терпит, и не такие ребусы разгадывали...

Из ворот замка он вышел в чуточку скверном расположении духа, но оно тут же улетучилось: неподалеку собралось человек сто горожан и горожанок, а с дюжину карапузов с детской непосредственностью подошли совсем близко и восхищенно разглядывали кто Сварога, кто его коня в богато украшенной сбруе. Большинство, мальчишки, уделяли внимание как раз коню — ну что с малышни возьмешь, вороной в серебряных бляхах на сбруе, в золотых цепочках, с султаном цветов готарского флага повыше большого затейливого налобника был им не в пример интереснее, чем ничем, в принципе, не примечательный дядька, представший сейчас без мантии и короны. Зато девчонки — женщина с младенчества женщина — таращились как раз на него.

Зато взрослые вели себя совершенно иначе: мужчины заорали что-то радостно-приветственное, подбрасывая шапки, женщины тоже, разве что головных уборов не бросали, чтобы даже в такой ситуации не остаться простоволосыми.

Сварог ответил им, воздев руку и улыбаясь с ненаигранным дружелюбием: между нами, королями, любому властелину всегда приятно столкнуться с проявлениями искренней народной любви. Именно так и обстоит: они прекрасно знают, что у него нет пошлой привычки бросать в толпу монеты пригоршней, ни грошика не получают — они радуются искренне. Интересно, скажут ли эти сопляки и соплюшки, когда подрастут: «Спасибо королю Сварогу за наше счастливое детство!»? Или воспримут прожитые юные годы как нечто само собой разумеющееся, потому что не видели своими глазами, в какой нищете и грязи жили совсем недавно их родители? Вероятнее всего, второе — но не стоит этому огорчаться, в принципе, так оно и должно быть.

Примерно на середине пути на его з д е ш н и й «портсигар» свалилось довольно обширное сообщение, точнее, рапорт Оклера. Сварог его прочитал почти равнодушно.

Совсем недавно, с интервалом от получаса до полутора часов обнаружили сразу три реликтовых чудовища — два принадлежали уже известным по прошлому видам, третье объявилось, такое, впервые. Всем трем категорически не повезло — Оклер давно уже установил на шельфе вокруг всего Харума сеть наблюдательных станций, полностью перекрывавших акваторию (он собирался сделать то же самое и на островах, хотя на островах «чудовища из янтара» прежде не появлялись ни разу). Так что тварей засекли вовремя. Двух «Ящеры» подстрелили еще на мелководье, а третий, тот самый объявившийся впервые, успел наполовину вылезти на берег возле рыбацкой деревушки, а больше ничего не успел. Согласно заведенному порядку, всех трех увезли за облака для изучения. Паники среди населения не отмечено.

Черт знает что, подумал Сварог не без лености. Мало того, что вновь в неурочное время, так еще целых три. При других условиях можно бы и выдвигать писаную вилами по воде версию — что, то ли добытки янтара, то ли очередное легкое содрогание морского дна потревожили

некую залежь, где гнездились именно реликты. Однако появились они в трех точках, отделенных друг от друга сотнями лиг. Так что не стоит заморачиваться ими вообще, никогда от них не было мало-мальски серьезного ущерба, самое большее, что успевали — разрушить несколько домов, сожрать нескольких человек да потопить пару рыбацких баркасов. За год от ударов молнии гибнет больше людей, чем их погибло за все время в пасти чудовищ. С точки зрения статистики, ничтожно малая величина. Для адмирала это, похоже, тоже стало рутиной.

Ага, вот именно. Оклер неожиданно для себя самого стал первым в новейшей истории имперским адмиралом. До Вьюги, когда лары обитали еще на земле, военно-морской флот у них был — но после окончательного ухода за облака в нем не стало необходимости. Однако в военном министерстве нашелся приткий генерал, несомненный духовный собрат Костяной Жопы, до того, несмотря на чин, перебиравший второстепенные бумажки (их там таких было несколько). Он и представил быстренько обширный проект. Суть незатейлива: в Империи существуют три вида вооруженных сил: боевые летательные аппараты, солдаты и Серебряная Бригада. Знаки различия у них общие, но мундиры разные, в эмблемах есть различия. Каждым видом руководит свое управление военного министерства. Морская Бригада безусловно является одним из видов вооруженных сил, но не может относиться ни к одному из ныне существующих, а посему просто-таки требуется выделить ее в самостоятельный вид.

Свой резон в этом, в общем, был. Яна посоветовалась со Сварогом и военным министром. Сварог пожал плечами и одобрил: в конце концов, детские игры в песочнице. Последовал императорский указ — а потом высочайшее утверждение должного пакета документов. Морская Бригада была возведена в ранг военно-морского Флота, получила свои вексиллум, форму, эмблемы, кортик и саблю, морские чины вместо прежних. Оклер стал Адмиралом Одной Косатки, его подчиненные — коммодорами, флаг-

капитанами и грот-лейтенантами. Когда началась неизбежная бюрократическая кувырк-коллегия и стало ясно, что необходимо и управление военно-морского флота, как-то так получилось, что кандидатом номер один стал тот генерал. Он и был утвержден начальником управления в звании Адмирала Двух Косаток. Поскольку он был не более чем исполнительным болваном, троица согласилась, и Яна подмахнула соответствующий рескрипт, вмиг поднявший новоиспеченного адмирала на пару ступенек по служебной лестнице. Самостоятельную роль этот тип никогда играть не пытался, ему достаточно было раззолоченного синего мундира с двумя золотыми косатками на левой стороне груди («Ох, введу я все же у вас погоны, — подумал тогда Сварог. — Так оно будет правильнее — что за армия без погон?») и прочей мишуры... Он быстро понял довольно прозрачные намеки Сварога и дал понять, что согласен на роль зиц-председателя Фунта (о коем, естественно, не ведал) — лишь бы должный почет иметь. Так что фактически военно-морским флотом (которому, не исключено, предстояло разрастись) стал Оклер — о чем Сварог ему поведал открытым текстом за бутылочкой «Сильванского ревеня», в сегурском замке маркиза, в компании Аурики.

А главное, что давно уже привело Сварога в самое бодрое и веселое расположение духа, — он, очень хочется верить, наконец-то в ы л о м и л с я из надоевшей роли одинокого героя. Он больше не бегал с мечом наперевес по зачарованным лабиринтам, он больше не выходил с кучкой соратников против серьезного зла, он не носился в одиночку на храпящем жеребце вдали от сподвижников и товарищей. Ничуть более не походил на рыцаря Рюгена, или принца Люциара. И на Той Стороне, и особенно на Нериаде он был — без малейшего душевного сопротивления — частичкой огромной военной машины, винтиком государственного механизма. Вот и теперь в захвате Крепости Королей особых его заслуг не было. Крепость, конечно, нашли с помощью его аппаратуры,

но досталась она Сварогу в свое время по чистой случайности. Тогда, выйдя со Странной Компанией к границам Хелльстада, он раздумывал какое-то время: не пойти ли в обход? Можно было поплыть по Ителу, а уж оттуда — морем до Шагана. Можно было двинуться через Иллюзор, в общем, не опасный. Однако м у ш к е т е р выбрал Хелльстад. А все дальнейшее было чистой случайностью.

Сейчас он чувствовал себя так, словно мушкетерская юность кончилась окончательно — и нисколько об этом не жалел. Он был в р я д а х, он все время ощущал рядом чей-то локоть, чье-то надежное плечо, он не ломал голову в одиночку над головоломными загадками. Многие по-прежнему зависело исключительно от него, но это было совсем другое, и жизнь становилась другой.

И это только радовало.

...Теплая компания собралась незадолго до сумерек в Малой каминной «Медвежьей берлоги». Несмотря на название, там уместился бы пиршественный стол человек на тридцать, а камин размерами мало уступал парадным воротам иной дворянской резиденции, так что в нем можно было жарить целиком оленей и диких кабанов. Что в прошлом, несомненно, и происходило — был убран только вертел, остались крепления для него и система из четырех громадных шестерен, приводившая некогда вертел в медленное вращение. Она до сих пор исправно работала, Сварог из любопытства проверил. (Большая каминная размерами и вовсе не уступала иному танцевальному залу дворца.)

В камине пылало не магическое пламя, а настоящий живой огонь — так было естественнее. Компания, как Сварог и планировал, собралась небольшая: он с Яной, Элкон с невестой, Канилла с Гаржаком и Вердиана. Чтобы не тянуть с претворением в жизнь плана насчет будущего Вердианы, разработанного им с Яной, он собирался обеспечить явку и лейтенанта Боулдера — но оказалось, что тот сегодня вечером заступает в караул. Здешние воинские уставы — штука железобетонная. Даже королю, будь он трижды самодур

и сатрап, не положено снимать с караула офицера по столь пустяковому поводу, как вечеринка с танцами, даже с участием короля. Ничего. Ничего, спешить некуда, не на пожар. А семерка — здешнее счастливое число (роль чертовой дюжины» отчего-то играет число одиннадцать, и вокруг него клубятся почти те же самые суеверия, что окружают на земле «чертову дюжину»: в гостиницах и на постоялых дворах сразу за десятой комнатой идет двенадцатая, хозяева стараются, чтобы за стол никогда не садилось двенадцать гостей, включая их самих, и так далее).

Некоторое время Сварог в глубине души чувствовал себя несколько неловко: здесь присутствовали четыре красавицы в коротеньких платьях, отнюдь не монашеских спереди и уж тем более сзади, одна танцевала, три сидели, вольно забросив ногу на ногу. Одна из них, краса ненаглядная, была его законной женой, пусть только в Хелльстаде, а с двумя ему выпало провести ночь. Ситуация не лишена пикантности: Вердиана не знает о Канилле, Канилла не знает о Вердиане (хотя полностью уверенным быть нельзя, у Каниллы талант — все знать об окружающих), Яна не подозревает о двух других. Но прошло совсем немного времени, и неловкость эта пропала. В конце концов, продолжения не будет: зная Каниллу, не сомневаешься в ее словах, что та ночь останется единственной, а Вердиана, умница и молодец, держится превосходно, ни взглядом, ни движением бровей не показала Сварогу, будто помнит, что меж ними однажды что-то было — а ведь иные на ее месте вели бы себя иначе...

Сварог покосился на нее: золотистое платьице отлично гармонирует с ее волосами и великолепным силванским загаром, веселая, шутит и смеется непритворно, вся из себя очаровательна и соблазнительна... пора девушку замуж выдавать. Принца Элвара позовем в посаженные отцы, отца Грука пригласим венчать, напляшемся...

Настроение у компании было приподнятое — уже успели одолеть по бутылочке «Силванского ревения». Белокурая невеста Элкона, правда, до сих пор держалась чуточку скованно, хотя и не так зажата, как в самом

начале — на дворцовых балах она себя вела вполне непринужденно, так что причиной всему, конечно же, присутствие на вечеринке короля королев. Ничего, обвыкнется. Им тоже закатим торжество с участием принца Элвара и отца Грука — гулять так гулять...

Сварог чувствовал себя раскрепаснейше. Ни забот, ни хлопот, и не видно на горизонте таковых, вокруг только приятные ему люди, беззаботному веселью можно предаваться хоть до утра. Давненько такого не случалось, всегда в сторонке маячила какая-то жизненная сложность, не позволявшая о себе забывать. Но теперь...

Он бил по струнам виолона от всей души, широкой сейчас, как ворота в кремле. Поскольку под любыми звездами, в любом мире нот остается семь, не больше и не меньше, он без труда подобрал мелодию, наиболее близкую к каталаунскому бартеку — в свою очередь, имевшему много общего с незабвенным казачком. И самовыражался во всю глотку:

— Говорила мама мне
про любовь обманную,
да напрасно тратила слова.
Затыкала уши я, я ее не слушала...
Ах мама, мама, как же ты была права!

Гаржак, в отличие от большинства здесь веселившихся, русского пока не знал, но ему хватало ритма. Не зря его и Каниллу негласно признали лучшей танцевальной парой дворцовых балов, даже соперники и соперницы смирились с общим мнением. Вот они с Каниллой и танцевали бартек.

...Ах мама, мама, как же ты была права!

Ах, как они танцевали! Душа, радовалась. Задорный перестук каблуков, золотой волной взлетают волосы Каниллы, лицо Гаржака исполнено мужской солидности, они то расходятся, то сближаются, то кружатся, переплетя

пальцы широко разведенных рук, так что их лица совсем близко, то Гаржак, заложив руки за спину, выкаблучивает на месте, а Канилла вьется вокруг него, подбоченься обеими руками, безукоризненно выстукивая каблучками серебряных туфелек ритм бартека. Они танцевали так само-забвенно и красиво, что Элкон с Элиной и не пытались с ним присоединиться. Сварог старался изо всех сил:

*— Были ночи длинные,
были тучи с ливнями,
а потом западала листва...
И однажды вечером
городскую встретил он...
Ах мама, мама, как же ты была права!*

Судя по их взглядам (один классик в великолепном романе назвал такие налаенными), по лицам, отрешенным от всего окружающего, по тому, что они словно бы составляли одно целое, все у этой парочки всерьез и надолго. Вот только (Сварога мимоходом царапнула грусть) на этот раз о веселой свадьбе и речи нет, собственно, и будущего у них нет...

Он отогнал эти верные, но неприятные сейчас мысли, с присвистом бил по струнам:

*— Ах, мамочка!
На саночках
каталась я весь день...
Ах, зачем под яблонькой
целовалась с Яшенькой,
ах, мама, мамочка, зачем?!*

Когда песня кончилась, Сварог еще какое-то время наигрывал бравурную мелодию. Когда отзвучал последний протяжный аккорд, Канилла с Гаржаком словно бы проснулись далеко не сразу, с явным сожалением остановились, вернулись в свои кресла. Канилла на миг прижалась

к Гаржаку, послав ему *накаленный* взгляд. Пожалуй что, не стоит затягивать вечеринку до поздней ночи, три пары будут только рады закончить ее уже через пару часов. Вот только Вердиана, бедолажка, ляжет спать в одиночестве, чего ей, судя по мечтательной, отрешенной улыбке, вряд ли хочется. Нет, нужно ускорить события, Баулдер сменится с караула утром, отоспится — молодому гланцу и нужно-то несколько часов крепкого сна, чтобы вновь стать бодрым и свежим — а завтра вечером Канилла устроит ему торжественный прием в члены Ассамблеи Боярышника, и дальше лишь нужно будет умело направлять события, в чем примет участие добрая половина членов Ассамблеи, все обставят так, заранее расписав сценарий и роли, что парочка ничего и не заподозрит, видя в происходящем естественный ход событий. Ну, а остальной половине следует мягко намекнуть, как именно следует себя вести, чтобы не оказаться помехой...

Искрящаяся зеленоватая струя «Сильванского ревеня» полилась в пузатые хрустальные бокалы с искуснейшей гравировкой и наведенным золотом вензелем Вердианы — точнее, герцогини Латери — под герцогской короной. Сварог перебирал струны уже чуточку лениво, собираясь вскоре объявить общий перепляс. Лучше всего сделать им вальторат — его танцуют и в одиночку, без партнера или партнерши, так что Диане не придется скучать, глядя на увлеченно танцующие пары.

*— Пейте тут, пейте тут,
в радости и горе.
В пекле рому не дадут —
здесь мы выпьем море!*

ЭПИЛОГ

Всевозможные докладчики из разных ведомств, круглосуточно бдившие на некотором отдалении от Сварога, где бы он ни находился, получили строгие указания в хорошем стиле классиков: «Никого не пускать! Хоть король, хоть черт, хоть сам дон Рэба...» Говоря проще, им было велено беспокоить только в случае чего-то особенно грозного и жуткого вроде Белой Тревоги — Белоснежной, Белейшей... А потому сердце у Сварога упало, когда одна половинка старинной дубовой двери с полукруглым верхом бесшумно приотворилась и в щели показалась насквозь знакомая физиономия, пославшая ему многозначительный взгляд. Поставив виолон рядом с креслом, он нарочито неторопливо встал, улыбнулся остальным:

— Очередные пустяки, из-за которых короля везде ходят...

Аккуратно притворив за собой дверь, он выслушал доклад одного из доверенных людей Интагара. В первый миг почувствовал лишь удивление. Потом досаду. Бросил агенту:

— Передайте ратагайцам: моего коня к парадной лестнице...

Вернувшись в каминную, развел руками и широко улыбнулся с самыми беззаботным видом:

— Ну вот, как часто бывает. С одной стороны, вроде и пустяк, с другой — до утра ждать не может, — и, гася вспыхнувшие не в одних глазах беспокойство и тревогу, спокойно добавил: — Из-за границы, из Лорана, только что вернулся один человек. Нужно съездить во дворец и его выслушать, чтобы кое-что решить уже с утра. Ну, вы тут почти все прекрасно понимаете такие дела... Я вернусь самое позднее через полчаса.

Неторопливо вышел и быстро зашагал по коридору. Преспокойно остался бы здесь до утра, никуда не поехал, но вот эта деталь...

Ратагайцы уже сидели в седлах. Сварог взлетел на коня и пустил Рыжика короткой рысью. Не было смысла поднимать его в галоп — до дворца не будет и лиги, а спешить, в общем, вроде бы и некуда...

Фонари горели (возле королевского дворца они стояли особенно густо), и он издали увидел кучки дворцовых стражников, рассредоточившихся по улице (непонятно зачем) людей Интагара в штатском, карету Интагара и верного бульдога возле нее. И здоровенный кусок парусины, подпертый стойками, на манер палатки прикрывший часть стены.

Поводья у него принял сам капитан дворцовой стражи. Интагар подошел, выжидательно остановился рядом.

— Ну, показывайте, что тут у вас, — сказал Сварог. — Приличные люди на заборах и стенах не пишут, особенно на стене королевского дворца...

— Никто его не видел, ваше величество, — удрученно вздохнул капитан. — Внешние патрули проходят достаточно редко, а страже у ворот этот кусок стены не виден...

— Я и не собираюсь никого виноватить, — резко сказал Сварог.

— Ваше величество... — продолжал капитан. — Полчаса назад во дворец приехал мэтр Анрах. Я помню ваш приказ не беспокоить без особой необходимости, а он

сказал, что дело может подождать и до утра. Я сказал ему, что не знаю, где вы, что вы вернетесь только утром, отвел ему его обычную спальню в восходном крыле...

— Он собрался спать? — спросил Сварог.

— Нет, ваше величество, он привез с собой какую-то старинную книгу и собрался еще долго ее читать. Попросил бутылку вина и легкую закуску, мы, разумеется, принесли, я ведь помню, что вы велели исполнять все его пожелания...

— Ну, раз уж он не спит и я здесь... — сказал Сварог. — Пошлите за ним кого-нибудь. Фонарь мне. Я пойду один.

Капитан подозвал стражника, шепнул ему что-то на ухо, и тот со всех ног припустил к дворцовым воротам. Другой стражник кинулся, торопливо подал Сварогу притушенный карбамильский переносной фонарь с удобной ручкой. Еще один откинул боковое полотнище, Сварог вошел, полотнище опустилось за ним, он повернул рубчатое колесико. Яркий свет залил внутренность «палатки».

Сварог подошел почти вплотную к стене, к сделанной на уровне человеческих глаз надписи. Алфавит «Аугел», алые буквы высотой примерно в пол-локтя выведены аккуратно, прямо-таки каллиграфически, словно писавший никуда не спешил. Ни малейших потеков — краска явно из тех, что сохнет едва ли ни мгновенно, на Таларе ее давно умеют делать, и она гораздо дороже обычных...

ПРИВЕТ СКОРО СДОХНЕШЬ

Ни единого знака препинания, зачем-то отметил он. А выше надписи — тот же самый знак, что они обнаружили в Крепости Королей, выведенный столь же аккуратно, как буквы. И все. И совершенно ничего непонятно.

Он вышел в ночную прохладу, сунул в рот сигарету, жестом подозвал Интагара:

— Видели?

— Конечно.

— Что думаете?

— Не знаю, что и думать, — ответил Интагар не уклончиво — рассудительно. — С тех пор как я начал службу, никогда не видел, чтобы на стене королевского дворца писали угрозы. Очень уж давно такого не случалось. Кстати, за подобные штучки положена каторга — но людей серьезных каторга никогда не пугала... Знака такого мои люди нигде не откопали. Не знаю, что и думать...

— Значит, ни о чем пока не будем думать, — жестко сказал Сварог. — Подождем хоть какой-то ясности...

Докурив сигарету, он какое-то время бездумно стоял, глядя в сторону дворцовых ворот, которых отсюда за изгибом стены не видел — ну да, стража у ворот ни за что не заметила бы писавшего, а внешние патрули и в самом деле проходят тут раз в полчаса. Было время на калиграфию... Ни банки с краской, ни кисточки не видно, останься они тут, Интагар непременно доложил бы и не убирал. На пешехода с банкой и кисточкой обязательно обратили бы внимание и стража у ворот, и патрули по обе их стороны — они обучены высматривать все, что носит признаки с т р а н н о с т и. Человек, идущий ночью по улице с банкой краски и кистью, — конечно же, странность. Его не стали бы задерживать, но постарались запомнить внешность, и капитан или Интагар непременно доложили бы Сварогу, едва он приехал. Значит, никто такого пешехода не видел. Значит, он был верхом, с сумой у седла... или, что гораздо вероятнее, поблизости его ждала карета. Да, скорее всего, так...

Он встрепелулся, увидев бегущего трусцой Анраха. Едва мэтр — под мышкой пухлая книга старинного вида — остановился перед ним, стараясь отдышаться, Сварог взял его за локоть и повел к «палатке». Проворно метнувшийся стражник опередил их, вновь приподнял полог и опустил за ними.

— Что думаете? — спросил Сварог, осветив надпись на стене.

— Великие Небеса! — ахнул мэтр.

Так и не поняв, что же звучало в его голосе, удивление или испуг, Сварог холодно спросил:

— Вы знаете, что это за символ?

— Да, я только сегодня наткнулся... Потому и поехал за полночь. Мы эту книгу взяли тогда в Горроте, до десятка руки не доходили до сих пор, я чисто случайно... Тратат «О знаках и символах из самых разных областей человеческой жизни с объяснением либо толкованием таковых». Книга считалась утраченной, принадлежит перу...

— Меня сейчас не интересует, чье там перо, — почти грубо сказал Сварог. — Что это?

Анрах смотрел ему в глаза:

— Это знак Гремилькара. Старый, прежний. Насколько можно судить, перестал употребляться еще до Шторма. В ходу давно другой. А это — прежний, забытый...

Сварог с удивившим его самого спокойствием вдруг понял, что не испытывает ровным счетом никаких эмоций или чувств. Он слишком долго не вспоминал о Гремилькаре, все эти годы никак себя не проявившем и ставшем неким абстрактным, полузабытым понятием. И вот, извольте. Что ж, ничего, в сущности, не произошло. Просто-напросто объявился очередной противник — специализированный, так сказать, который должен быть занят исключительно охотой на Сварога. И вряд ли слабый. Но сколько за эти годы было сильных противников... Не надо заранее быть слишком самонадеянным, но и дергаться не стоит: всяких видали. Что делать? А что тут можно сделать?

— На чем вы приехали? — спросил Сварог.

— На извозчике.

— Бессонная ночь не пугает?

— Ничуть.

— Потребуйте моим именем дворцовую карету, — сказал Сварог. — Езжайте домой и составьте мне обзор — все, что вам известно о Гремилькаре, в каких известных вам книгах можно что-то о нем отыскать, ну, в общем, все... Идите.

Когда мэтр Анрах торопливо вышел, Сварог достал оба «портсигара» и отправил в разнообразные архивы запросы, прибавив, что ответ ему нужен не раньше завтрашнего утра... Вот и все, что он мог сделать. Однако — джентльмен. Не стал по-воровски таиться где-то в тайном убежище, предупредил, что прибыл с визитом. О розыгрыше и думать не стоит — какие, к черту, розыгрыши...

Выйдя наружу, он подозвал Интагара и распорядился:
— Надпись уничтожить. Меня не будет до утра.

Направился напрямик к Рыжику, прыгнул в седло и той же короткой рысью пустил его в сторону «Медвежьей берлоги». Проворчал под нос:

— Ну, с приездом вас...

Красноярск, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Тонкости современной медицины и кое-что еще	5
Глава II. Красавица и чудовища	27
Глава III. Гости из прошлого	49
Глава IV. Белоснежная тайна	87
Глава V. Крепость Королей.	124
Глава VI. Высокая наука.	162
Глава VII. Поиски наугад.	222
Глава VIII. Маленький безобидный остров	251
Глава IX. Необременительные дела и беззаботные увеселения	289
Эпилог	329

*Авторы стихов, приведенных в романе:
Сергей Боханцев, Ольгерт Довмонт,
Александр Розенбаум, Михаил Успенский,
Михаил Щербаков и др.*

Бушков Александр Александрович

ЧУДОВИЩА В ЯНТАРЕ. ДЫХАНИЕ МОРОЗА

Роман

Ответственный за выпуск В. В. Кузьмин
Оформление обложки Ю. А. Меньшиковой
Компьютерная верстка С. В. Тихомирова
Корректор М. Д. Надежина

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет
Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК 005-93-953000.

Подписано в печать 25.10.2018.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура Palatino.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 9000 экз. Заказ № 1449.

По вопросам приобретения продукции просим обращаться по следующим адресам:

Интернет-магазин «АБРИС»
www.idabris.ru
8 (495) 981-10-39; 8 (926) 611-98-46
zakaz@tdabris.ru
Доставка по России курьерскими
службами, транспортными
компаниями и Почтой России

г. Москва и регионы РФ
ООО «Торговый дом «Абрис»
г. Москва, ул.
Краснопролетарская,
д. 16, стр. 1
По вопросам оптового приобретения
продукции: 8 (495) 229-67-59
(многоканальный)

г. Санкт-Петербург
ООО «Абрис СПб»
По вопросам розничного
приобретения продукции:
Книжная ярмарка
ДК им. Крупской,
пр. Обуховской Обороны, д. 105,
павильон № 43 (ст. м.
«Елизаровская»)
8 (812) 335-01-61
По вопросам оптового
приобретения продукции:
Железнодорожный пр., д. 20
(ст. м. «Ломоносовская»)
8 (812) 612-11-03;
8 (812) 327-04-50 (51)
info@prosv-spb.ru

г. Грозный
ООО «Центр образования
«Абрис»
По вопросам розничного и оптового
приобретения продукции:
ул. Индустриальная, д. 4
8 (929) 246-98-26; 8 (929) 247-05-62
abris95@textbook.ru

г. Калуга
ООО «Школьный МИР»
По вопросам розничного и оптового
приобретения продукции:
ул. Достоевского, д. 29,
помещение 66
Тел./факс: 8 (4842) 57-58-51; 8 (910)
866-51-81
ooomir40@yandex.ru

г. Киров
ООО «Абрис Вятка»
По вопросам розничного и оптового
приобретения продукции:
ул. Комсомольская, д. 63
8 (8332) 699-668; 8 (8332) 705-805
AbriSVTK@textbook.ru

г. Симферополь
ООО «Торговый дом «Абрис»
По вопросам розничного
приобретения
продукции:
Магазин «Школьный мир»,
ул. Ленина, д. 27
8 (978) 092-85-17

По вопросам оптового
приобретения продукции:
ул. Крылова, д. 172
8 (3652) 78-83-65;
8 (978) 091-05-91
znanie@textbook.ru

г. Тула
ООО «Абрис-Тула»
По вопросам розничного и оптового
приобретения продукции:
Ул. Советская, д. 59,
этаж 2, офис 205
8 (920) 777-89-80
AbriS71@textbook.ru

г. Уфа
ООО «Абрис-Уфа»
По вопросам розничного и оптового
приобретения продукции:
Проспект Октября,
д. 97/1, помещение 1
8 (347) 246-46-11;
8 (347) 246-38-01
AbriSufa@textbook.ru

г. Челябинск
ООО «Абрис - Челябинск»
ул. Худякова д.18, корпус 2,
оф. 428-430
8 (351) 271-97-07;
8 (982) 287-39-96
AbriS74@textbook.ru

ООО «Торговый дом «Абрис»
127473, г. Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 3, эт. 2, пом. I, ком. 8

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа»
Российская Федерация, 170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, д. 46
Тел.: +7 (4822) 44-85-98. Факс: +7 (4822) 44-61-51

ЧУДОВИЩА
В ЯНТАРЕ

ДЫХАНИЕ МОРОЗА

Сколько ни искали Крепость
Королей, так и не нашли...
Можно было бы уже допустить,
что таковой попросту не существует.
Но не сомневался Сварог:
существует и смертельную угрозу
являет собой исключительно
для Талара. Просыпаются чудовища
в янтаре. На планету вечного лета
опускается белоснежная тайна.
Ровными алыми буквами
в пол-локтя проступает
знак Гремилькара,
старый, прежний, забытый...

ISBN 978-5-00111-521-2

9 785001 115212

